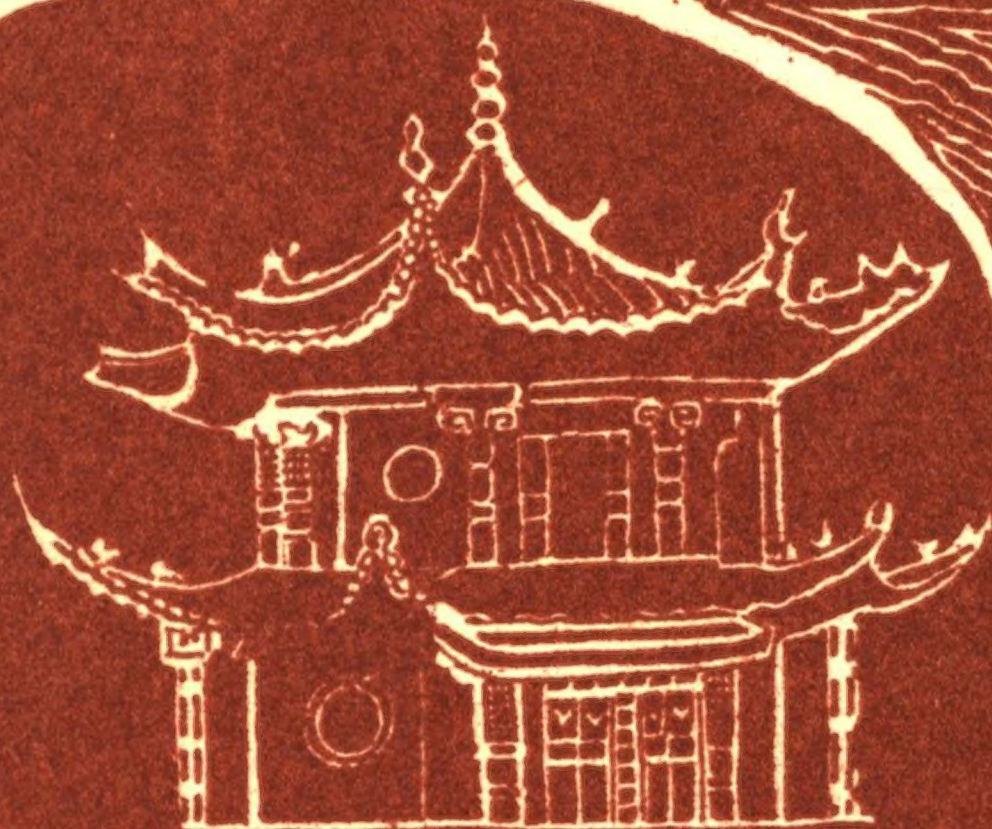

М. В. КОЛЕСНИКОВА,
М. С. КОЛЕСНИКОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ ИДЕТ К ЦЕЛИ

А

**М.В.КОЛЕСНИКОВА,
М.С.КОЛЕСНИКОВ.**

**ЭКСПЕДИЦИЯ
ИДЕТ К ЦЕЛИ**

**ХУДОЖНИК
В.ЧЕЛИНЦОВА**

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1977

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

С первой же страницы повести авторы почти незаметно втягивают читателя в стремительный круговорот необыкновенных приключений. Случайная находка алмаза среди геологических образцов Ученого комитета Монгольской Народной Республики геологом Пушкаревым. Бросок в пустыню Гоби комплексной экспедиции, перед которой стоит задача подыскать место для первого в пустыне города. Бредущие по знойным пескам умирающие от жажды люди. Погоня. Расхитители палеонтологических и археологических богатств Монголии. Мертвый город Хара-Хото и его тайны... Сюжет раскручивается и раскручивается. И лишь в конце книги мы узнаем великую тайну, над разгадкой которой не одну сотню лет ломают головы исследователи всех стран.

Но, читая о приключениях и тайнах, читатель узнает и о том, как осваивают природные богатства Монголии, о дружбе монгольских и советских ученых и специалистов, о перспективах строительства социализма в МНР. Авторам удалось главное: увлекательно и достоверно рассказать о процессах, происходящих в современной Монголии, о ее талантливом народе.

Колесникова М., Колесников М.

K60 Экспедиция идет к цели. Приключенческая повесть. Рис. В. Челинцовой. М., «Дет. лит.», 1977.

272 с. с ил.

Приключенческая повесть об освоении природных богатств пустыни Гоби монгольскими и советскими учеными, о борьбе монгольского народа с врагами народной власти Монголии.

К $\frac{70803-343}{M101(03)77}$ 444—77

P2

ОТКРЫТИЕ, СДЕЛАННОЕ В КАБИНЕТЕ

Так вот всегда бывает в этой удивительной стране: в ее просторы весна врывается с шумом и ветрами. Где-то за горами свирепствуют пыльные ураганы, кружатся по степи вихри, а здесь, в Улан-Баторе, весеннее небо всегда голубое, безоблачное и жизнь идет своим чередом. Вот через площадь Сухэ-Батора проходят караваны тощих, ободранных верблюдов, тяжело навьюченных тюками шерсти, проезжают, позванивая боталами, вереницы грубо сколоченных скрипучих арб. У главного почтамта под репродуктором несколько всадников в малиновых и оранжевых халатах. Тягучая, как вой степного ветра, музыка вырывается из черной тарелки, плывет над площадью, над глинобитными домиками и белыми юртами, над прогнутыми черепичными крышами

древних храмов, уходит к вершинам гор Богдо-ула, на которых еще виднеются пятна снега.

Около автобусной остановки веселая шумная толпа, парни и девушки грызут кедровые орешки, перекидываются шутками. По главной улице, залитой асфальтом, проносятся с шумом автомобили. Вдали, на берегу реки Толы, дымят трубы промышленного комбината. А ближе к окраинам, из кварталов, запутанных как лабиринт, доносится скрипучий рев ослов. У мясных лавок на деревянных тротуарах с проломанными кое-где и пропахшими кровью досками разлеглись здоровенные черные псы с красными тряпицами на лохматых шеях. И над всем этим главенствуют почерневшие горы, подернутые легкой голубой дымкой.

В один из таких погожих весенних дней по главной улице города шел молодой человек в длинном черном пальто и фетровой шляпе, с кожаным портфелем под мышкой. Вид у него был озабоченный и деловой. Пожилые монголы останавливались, провожая его долгим и недоуменным взглядом. Молодые монголки в ослепительно голубых и красных шелковых халатах широко улыбались ему, обнажая белые ровные зубы. Он отвечал им рассеянной улыбкой, не сбавляя шага и не теряя своей сосредоточенной деловитости.

Миновав величественный храм с длинными галереями и крылатыми крышами, молодой человек вошел в здание с вывеской «Ученый комитет».

Александр Пушкарев, инженер-геолог, из Москвы приехал в Монголию восемь месяцев назад, сразу после окончания института. Сознание своей роли молодого специалиста, призванного помогать развитию геологической науки этой удивительной страны, «страны великих возможностей», как говорили все вокруг, встреча с ее экзотической природой и загадочными людьми наполняли его ощущением некоей таинственности жизни и чувством непреходящего восторга. Александр готов был делать любую работу, только бы не исчезла эта атмосфера необыкновенности. Но то, что произошло вчера в геологическом кабинете, превзошло все его ожидания. Он не спал всю ночь и, еле дождавшись утра, вскочил и отправился на свидание с...

Впрочем, следует рассказать все по порядку. Именно

сюда, в геологический кабинет Ученого комитета, был определен на работу Александр Пушкарев. И именно сюда, в Ученый комитет, со всех сторон Монголии отряды Восточной экспедиции, разбросанные по всем аймакам¹ республики, и араты² присылали образцы полезных ископаемых, редких минералов, заявки на золото, описания целебных источников — аршанов.

Образцы пород, полудрагоценные и драгоценные камни, куски кварца со следами золота навалом лежали на стеллажах геологического кабинета. В кабинете царил хаос.

Образцы накапливались здесь из года в год. Они начали поступать сюда с того времени, когда Ученый комитет обратился к населению с призывом сообщать о всех геологических находках.

Правда, на каждом образце имелись наклейки с обозначением места находки, указывалось также имя того, кто нашел образец. Но все — на монгольском языке. А монгольского Пушкарев не знал. Заведующий кабинетом Цокто по-русски говорил с трудом, постоянно прибегая к словарю и жестам. А задача перед ними обоими стояла большая: классифицировать заявки, определить их ценность, составить геологическую карту страны.

Пушкарев работал не покладая рук, но дело продвигалось медленно. А вчера Цокто заявил ему, что на весну и все лето, а то и до будущей зимы он уезжает с экспедицией в Южную Гоби, и Пушкареву придется одному разбирать образцы. Александр пришел в отчаяние:

— Но я ведь не знаю языка! Кто будет переводить на русский заявки? — завопил он.

— Цокто рассмеялся:

— Зачем сидеть в кабинете? Гуляй, гуляй, на Богдоула ходи. Учи язык. Кабинет подождет. Литературу читай.

— А мне с вами в экспедицию можно? — неожиданно для себя спросил Пушкарев.

— Зачем ехать в Гоби? Здесь хорошо. В Гоби весной ветер, холодно. Успеешь еще. Да и не возьмут тебя.

— Почему?

¹ А й м а к — область.

² А р а т — скотовод, кочевник.

— Экспедиция комплексная: географы, гидрогеологи, ботаники, есть агроном, есть микробиолог. Геологом я назначен... — Цокто на мгновение замолчал, прищурился, поднял вверх большой палец и важно произнес: — Государственная тайна. Тебе скажу: будем искать в Южной Гоби место для города. Уголь нужен, сланец нужен, вода нужна, стройматериал нужен. Много всего нужно, когда хотят город строить. Тебя не возьмут: нет штатной единицы. Да и Гоби не знаешь.

Пушкарев удрученно молчал.

Конечно, в чем-то Цокто прав. Экспедицию возглавит монгольский ученый Сандаг. В нее войдет и известный советский географ, знаток Монголии, Тимяков. Они оба не раз бывали в Гурбан-Сайхане — районе, куда направляется экспедиция, и даже путем расспросов местных жителей смогут добиться большего, чем Пушкарев со своей геологией.

— А здесь, на наших полках, есть заявки из того района? — еле скрывая обиду, спросил он.

— Должно быть.

— Хорошо бы их сейчас отыскать. Вдруг мы найдем уголь здесь, в кабинете, среди образцов! Тогда вам останется лишь разыскать заявителя... — горячо заговорил Пушкарев, и ощущение тайны снова овладело им.

Мысль, по-видимому, понравилась и Цокто.

— Как я сразу не додумался! — сокрушался он. — Не голова — железный котел!

Дня два Цокто разгребал образцы. Наконец вчера утром, крайне утомленный, он бросил на стол небольшой кожаный мешочек, а вернее, кисет, какие Пушкарев видел у многих монголов.

— Вот, только это! Угля нет.

Пушкарев высыпал на стол содержимое мешочка. Среди других камней вспыхнули в солнечных лучах крупные красные кристаллы. Александр сразу узнал их — гранат пироп, спутник алмаза!

Пытаясь унять дрожь в голосе, он спросил:

— Где в Монголии добывают алмазы?

Цокто изумленно округлил глаза:

— Алмазы?! Я геологию, может быть, и плохо знаю, но зато очень хорошо знаю Монголию: у нас нет и никогда не было алмазов.

— А вам известно, что пироп обычно сопутствует алмазам? Вот вам пироп. Найдите заявителя в Гурбан-Сайхане — и вы, возможно, откроете целое месторождение алмазов! Станете самым известным геологом.

Он следил за выражением лица Цокто, но монгол был спокоен.

— Если их не открыли до сих пор, значит, их нет и никогда не было, — рассудительно сказал он. — А имя заявителя здесь указано: Дамдин. Я даже припоминаю, как эти образцы попали в комитет. Пришел сюда парень, на границу, говорит, служить посылают, а эти вот камешки дед просил передать; вы обещали награждать заявителей — деду табак нужен. Звали парня, кажется, Тумурбатор. Да, да, я его хорошо запомнил. Большой такой, сильный.

— И вы послали табак?

— Конечно. Это же закон, а закон нельзя нарушать. Здесь и сомон¹ и баг² указаны, где он живет, этот старик. Я к нему поеду, расспрошу, раз тебе так хочется.

— А где находится этот Гурбан-Сайхан? — спросил Пушкарев.

— В Южной Гоби. Это горный район. Если выйти из Улан-Батора на верблюдах и все время идти, идти на юг, на десятый день пути увидишь восточную оконечность Гобийского Алтая — это и есть Гурбан-Сайхан, Южная Гоби. Всего каких-нибудь шестьсот километров. Дальше — граница с Китаем.

— А кто-нибудь из геологов бывал в тех краях?

— Нет, не бывал. Да и не нужно ее исследовать, Южную Гоби. Ехать далеко, бензина много надо. Людей мало, кто уголь добывать станет? Арат овечку пасет, коней пасет. Зачем ему твой уголь? У нас считается — землю копать грех. Как заставишь арата шахту рыть? Рабочие нужны — нет у нас рабочих и никогда не будет. Откуда им взяться? С неба упадут? Зачем Монголии геология? Хочешь полезные ископаемые искать — ищи возле Улан-Батора. Близко. Тут всё есть. И на севере есть. А Гоби не надо трогать. Я так думаю.

Пушкареву трудно было понять, дурачится Цокто

¹ Сомон — район, округ.

² Баг — низшая административная единица в МНР, селение.

или говорит всерьез. Такой уж характер у него. Этот монгол, лет двадцати пяти, костлявый, с ястребиным лицом и подстриженными ежиком волосами, чем-то был несимпатичен Александру, а чем, он и сам не мог понять. Иногда глаза Цокто казались неподвижными, немигающими, они становились в такие минуты кругло-желтыми, как у птицы. Он словно бы все время исподтишка наблюдал за Пушкаревым, оценивая его по-своему. И это было неприятно. А возможно, Пушкареву только так казалось?

Если бы ему самому удалось попасть в экспедицию! Он не ограничился бы расспросами этого арата Дамдина, он излазил бы все окрестности и нашел, нашел бы кимберлит!..¹ Да, да, это было бы выдающееся геологическое открытие. Алмазы в Монголии!.. Мир загудел бы, заволновался...

За всю ночь он глаз не мог сомкнуть. Ворочался на жесткой постели, вставал, ходил по номеру гостиницы, куда его поместили на жительство, глядел в окно, где смутно виднелись темные крылатые крыши какого-то монастыря.

Нужно попасть в экспедицию во что бы то ни стало! Цокто с такой задачей, как поиск кимберлита, не справится. Да и не станет он искать алмазы — не верит в них.

Пойти прямо к начальнику экспедиции Сандагу или к Тимякову, показать пиропы, заинтересовать?..

Пушкарев не сомневался в том, что и Сандаг и Тимяков, несмотря на крайнюю занятость делами экспедиции, с должным вниманием отнесутся к его сообщению.

Александр зачитывался книгами Тимякова о путешествиях по Монголии, радовался тому, что судьба свела его, рядового геолога, с выдающимся ученым-географом, учеником прославленного путешественника Петра Кузьмича Козлова, открывшего загадочный мертвый город Хара-Хото в песках пустыни Гоби. Да, именно отсюда, из Улан-Батора, вот уже много лет подряд Тимяков снаряжал экспедиции в далекую Гоби, в горы Монгольского Алтая или в тайгу Хэнтэя. Здесь зарождались все его дела, которые он потом описывал в своих книгах. Он в совершенстве владел монгольским, даже писал на

¹ К и м б е р л и т — вулканическая порода.

нем научные отчеты. Он первым создал «Атлас Монгольской Народной Республики» на русском и монгольском языках, написал «Географию МНР».

Когда Пушкарев ехал в Монголию, то ему казалось, что он будет встречаться с Тимяковым чуть ли не каждый день. Но за восемь месяцев жизни в Улан-Баторе он видел знаменитого географа всего два раза. Первый раз — когда во двор Ученого комитета пришел караван из далекого Южногобийского аймака. Верблюды лежали на земле, погонщики снимали с них тюки. У юрты, поставленной посреди двора, стоял высокий человек в полушубке и островерхой каракулевой шапке и разговаривал, должно быть, с хозяином каравана, сухощавым, остролицым монголом в стеганом халате и волчьем малахае.

«Тимяков и председатель Ученого комитета Сандаг», — указал на них Цокто.

Пушкарев замер на месте. Это Тимяков, тот самый Тимяков, раскопавший знаменитую гробницу гуннов... Крупные черты обветренного смуглого лица, резкие строгие брови, чуть суженные глаза, как у всех людей, привыкших к широким горизонтам, и небольшой рот.

«Сандаг только что вернулся из поездки, — сказал Цокто. — Был в Гоби».

«А почему на верблюдах, а не на автомашине?»

«Так нужно. Сандаг был в поездке четыре месяца. Он самый большой начальник и знает, на чем нужно ездить. Когда я стану большим начальником, пусть меня возят только на легковой машине!» — И он расхохотался.

Второй раз Пушкарев столкнулся с Тимяковым нос к носу месяца два назад в коридоре Ученого комитета. Географ остановился, окинул Александра с ног до головы взглядом, протянул руку:

«Будем знакомы... Мне говорили о вас. Расскажите, чем занимаетесь?»

Они прошли в геологический кабинет. Тимяков заинтересовался камеральными работами, похвалил геологическую карту, составленную Пушкаревым.

«Вы делаете весьма полезное дело, — сказал он. — Для начала должны получить общее представление о геологии страны, а потом займетесь ликвидацией «белых

пятен», которых, к сожалению, еще очень много. Я хоть и не геолог, но знаю главное: территория Монголии в геологическом отношении построена чрезвычайно сложно и интересно. А как считает мой друг Сандаг, закономерности размещения полезных ископаемых здесь теснейшим образом связаны с геологическим строением и структурами смежных районов Советского Союза и Китая. Ваша задача выявить эти закономерности. Работы хватит на десятилетия. Все нити от экспедиций сходятся сюда, в Ученый комитет».

В геологический кабинет заглянул тогда и Сандаг. Он прямо указал, каким образом молодой советский специалист может обогатить геологическую науку:

«Мы должны выявить грандиозные формации МНР— основные объекты концентрации рудных элементов, и тут вам с вашими знаниями отведено не последнее место. Во всяком случае, на мою помощь можете рассчитывать».

Он был очень сердит на Цокто.

«Было время, когда пришлый капиталист Грот добывал золото в местечке Дзун-модо,— сказал Сандаг.— А небезызвестный авантюрист без роду и племени Карст, который всякий раз выступает под флагами той или иной страны, и его компаньоны даже «вознаграждали» аратов, приносивших им драгоценные камни, бирюзу, золото. Карст вел незаконные палеонтологические раскопки на территории Монголии и найденные здесь яйца и кости динозавров продавал во все музеи мира по баснословным ценам. Все эти проходимцы обворовывали нас, а мы были бессильны что-нибудь с ними поделаться. Теперь араты идут с заявками в Ученый комитет.— Он уселся и добавил с горечью: — А Цокто складывает эти заявки в архив. И это в то время, когда нашей промышленности так нужны полезные ископаемые... Как видите, ваша помощь нам очень нужна».

Слова Сандага и Тимякова накрепко запали в голову Пушкарева.

Выявить основные объекты концентрации рудных элементов... Для этого не обязательно мотаться по всей стране туда-сюда, нужно лишь обладать даром обобщения. В институте считалось, что Пушкарев обладает подобным даром, хотя сам он не был убежден в этом.

Да, все шло хорошо. До тех пор, пока в руки не попали эти проклятые камешки...

А вчера вечером, задержавшись в геологическом кабинете, Александр при свете электрической лампочки снова разглядывал темно-красные, как перезрелая вишня, прозрачные кристаллики граната, смотрел сквозь них на свет и думал при этом о неведомом арате Дамдине, кочующем в горах Гурбан-Сайхан.

Что побудило его выслать драгоценные камни в Ученый комитет?

Если минералы найдены в зоне контакта известняка с изверженными породами, то все это будет свидетельствовать в пользу алмазного месторождения.

Он лихорадочно стал просматривать литературу о Гобийском Алтае. О нем писали многие прославленные путешественники, неоднократно пересекавшие этот хребет. Но, к сожалению, все они мало уделяли внимания геологии района.

Было ясно одно: и в древних палеозойских отложениях, и в изверженных породах Монголии заключены руды различных металлов, здесь много драгоценных и полудрагоценных камней.

Нужно найти в Гобийском Алтае кимберлитовую трубку. Кимберлитовые трубки, как правило, связаны с зонами крупных разломов земной коры...

Пушкарев заболел «алмазной лихорадкой». Он всегда любил камни. Самое большое потрясение студент Пушкарев испытал, побывав единственный раз, и то благодаря счастливой случайности, в Алмазном фонде СССР. Он стоял посреди небольшого зала, а со всех сторон его пронизывали острые зеленые, синие, красные, желтые лучи, исходящие от лежавших на полках ограненных алмазов. Среди них был огромный бриллиант «Орлов». И знаменитый «Шах» весом 88,7 карата, тот самый «Шах», который царское правительство требовало в «обмен» на Грибоедова, убитого толпой фанатиков в Тегеране. Здесь же лежала алмазная корона царей.

Нет, видно, от самого себя не уйдешь. Пусть другие занимаются обобщениями, защищают диссертации, прославляются, становятся светилами науки, а он, Пушкарев, если честно признаться, не приспособлен к сидячей

работе. Вот найдет он алмазы в Гобийском Алтае, тогда будет видно, кого человечество оценит больше: его, практика, или какого-нибудь кабинетного крота... Впрочем, дело не в славе!

Жив ли старик Дамдин, приславший камешки в Ученый комитет? На какой границе служит Тумурбатор, тот самый, что привез в кожаном мешочке пириты? Может быть, он где-нибудь неподалеку, скажем, в Кяхте? Расспросить бы его... Как найти Тумурбатора? Ведь речь идет об алмазах. Об алмазах в Монголии!..

Он томился всю ночь, все ждал, когда над вершинами гор появится желтая полоска утренней зари и можно будет пойти в учком. Ему не терпелось еще раз полюбоваться вишнево-красными камнями, пощупать их, оповестить всех сотрудников Ученого комитета о находке.

В коридорах учкома было пустынно. Пушкарев открыл геологический кабинет, нетерпеливо подошел к столу, вынул из ящика кожаный мешочек, высыпал камни на белый лист бумаги, склонился над ними.

Он отобрал гранаты, любовался ими, завернул в отдельную бумажку и решил перебрать остальные камни. Их было много — целая горсть. Попадались здесь и обыкновенные бесцветные халцедоны. Может быть, потому Пушкарев не сразу понял, что прозрачный, слегка желтоватый камешек величиной с горошину — вовсе не халцедон, а самый настоящий алмаз. А когда догадался об этом, ему стало душно, он рванул ворот рубашки, потом схватил лупу. Грани горошины вспыхнули тлеющими радужными огнями.

— Октаэдр!.. — произнес он глухо, словно желая убедить себя, что этот восьмигранничек и есть алмаз. Стоял бледный, со стиснутыми зубами и глядел, глядел на прозрачную горошину. — Он, он... Алмаз... Самый настоящий! Вот так и происходят великие открытия.

Он осторожно высыпал кристаллики обратно в кожаный мешочек, обмотал его ремешком и положил на самую верхнюю полку, завалил образцами — алмаз есть алмаз, так надежнее — и бросился вон из кабинета: нужно немедленно рассказать обо всем Сандагу и Тимякову!..

Ветер мел песок по барханам. Они зашевелились, ожили, стали куриться, словно маленькие вулканы. Потом ветер набрал силу, заклокотал, погнал по степи длинные песчаные полосы, и все заволокло густой пылью.

Цирик¹ Тумурбатор отряхнул назойливую едкую пыль, протер покрасневшие от ветра глаза, прицелился и выстрелил последним патроном. Вражеский солдат со связкой гранат на спине упал. Тумурбатор окинул взглядом своих товарищей. Пограничники сидели на дне котлована с черными усталыми лицами, ослепленные бурей, изнуренные стремительным ветром. Хотелось пить, а фляги давно опустели. Песок залезал в нос, проникал в горло, вызывая приступы удушливого кашля. Каждый думал о том, что патроны и гранаты давно вышли, командир Ванган убит, а враги, точно скорпионы, ползут к котловану со всех сторон.

Командование взял на себя цирик Тумурбатор. Он стал во весь рост; ветер разметал его жесткие упрямые волосы, рвал полы шинели, а он сжимал в руках винтовку и глядел куда-то в красноватый сумрак поверх голов своих товарищей. За все время его службы на погранзаставе ни разу не было такого дерзкого нарушения границы. Их участок считался относительно спокойным. Враги редко рисковали идти там, где на многие километры простиралась безводная, безлюдная, бесснежная и зимой степь.

Попытка группы нарушителей обойти погранзаставу стороной окончилась неудачей. Тогда они решили прорваться силой, и хотя эта настойчивость врага не совсем была понятна Тумурбатору, он решил, что те не пройдут, пока жив хоть один пограничник. Нужно было продержаться до подхода подкрепления.

Он знал, что все они погибнут, и с тоской вспомнил отца, мать, дедушку Дамдина, родные горы Гурбан-Сайхан, где прошло его детство и откуда он ушел в армию. Это далеко отсюда, на юге Монголии, в самой Гоби. Как уютно было сидеть вечерами у очага в кругу семьи, слушать рассказы отца о прежней жизни.

¹ Цирик — солдат.

«Ты уже взрослый,— говорил отец,— и должен знать, как мы жили до прихода народной власти. За штуку зеленого кирпичного чая отдавали китайскому купцу барана, за пачку сахара — целый воз овечьей шерсти. Китайская фирма «Да-шин-ху» каждый год перегоняла из Монголии к себе в Китай полмиллиона овец и семьдесят тысяч лошадей. Ну зато и расплатились мы с ними за все в Кяхте!»

Эту историю Тумурбатор знал хорошо: отец служил в народно-революционной армии Сухэ-Батора, часто в глухие зимние вечера рассказывал о том, как Сухэ-Батор с горсткой слабо вооруженных аратов разбил десятитысячную армию китайских гаминов — захватчиков.

В сундуке хранилась отцовская шапка «вольности и свободы», какую в ту пору носили командиры партизанских отрядов Сухэ-Батора.

Когда отец уезжал на пастбище, Тумурбатор украдкой вынимал ее из сундука и внимательно разглядывал. Это был шлем с красной звездой.

И ни разу Тумурбатор не отважился надеть шлем. В том краю, где он родился и жил, существовал обычай, по которому считалось: если ты уважаешь человека, то должен уважать и его шапку. Самым большим оскорблением было наступить на чужую шапку или перешагнуть через нее. Считалось, что это все равно что наступить на голову хозяина шапки.

А если ты уважаешь гостя, то, даже сидя за столом, надевай шапку.

Отец рассказывал, что шапку «вольности и свободы» носили, чтобы показать маньчжурам-завоевателям: монгольский народ поставить на колени нельзя.

«Жизнь — это борьба,— говорил отец.— Человек должен уметь бороться...»

Эти слова глубоко запали в душу Тумурбатора.

Когда Тумурбатору исполнилось четырнадцать лет, ему разрешили выступать на состязаниях по борьбе. А в прошлом году его специально посылали с заставы в Улан-Батор на праздник Надом¹, на котором за звание

¹ Н а д о м — спортивный народный праздник, корнями уходящий в глубь времен, своего рода Олимпийские игры монголов. (Прим. автора.)

«исполина»¹ состязались пятьсот борцов. И Тумурбатор победил: он стал «исполином» и прославился тогда на всю страну...

Да, все это было, но теперь вот наступил последний час его борьбы, и речь идет о жизни и смерти... Ну что ж, он уже доказал, что умеет бороться... И сейчас покажет врагам, на что он способен...

Мускулистое лицо Тумурбатора стало суровым, он строго посмотрел на цириков.

— Отступать некуда, — сказал он. — Скоро к нам придут на помощь, но мы не можем спокойно смотреть, как враги нагло лезут на нашу землю. У нас нет патронов, зато у нас есть клинки, и мы должны отбросить врагов. Трус умирает десять раз, храбрый — один раз...

И пограничники подняли коней, вскочили на них и стремительно вымахнули из котлована.

Каждый из них знал, что живым из этого боя не выйдет. На чудо надеяться не приходилось, и все же они надеялись, надеялись. Перед лицом смерти в человеке всегда живет надежда. Чем ронять слезы, крепче сожми кулак... Монгол рождается в седле и умирает в седле...

Гимнастерка, пропитанная потом, прилипла на лопатках Тумурбатора. Внезапно он покачнулся в седле, свалился на песок; сгоряча вскочил на ноги, сделал два торопливых шага вперед, выронил саблю и упал. И песок показался ему мягким, теплым, как верблюжья шерсть. Он уже не слышал, как заржал его конь Сальх. И не слышал шума ветра, и не видел, как неслись всё вперед и вперед на конях его товарищи, которых ничто не могло остановить...

А в это время немного южнее погранзаставы табун лошадей пересек монгольскую границу. В непогоду случается, что табуны в сотни голов, гонимые ураганным ветром, перебегают границу. Потом коней ловят и возвращают владельцам.

Но на этот раз позади табуна скакали два пастуха, длинными шестами подгонявшие лошадей.

На пастухах были козловые шубы, тарбаганьи² шапки, широкие гутулы — сапоги. Пастухи явно спешили.

¹ И с п о л и н — одно из званий, которым награждают победителя на состязаниях на Надоме. (Прим. автора.)

² Т а р б а г а н — сурок.

И, только углубившись в степь, доскакав до реки Керулен, они остановились.

— Оставим коней здесь,— сказал один из них.— До Улан-Батора будем добираться врозь. Встретимся на квартире профессора Бадраха. Прощай, Очир!

Тот, кого называли Очиром, толстый, с виду неповоротливый, монгол окинул взглядом табун, сказал:

— Жаль лошадок бросать. Ну да ладно. Кочуйте счастливо, господин подпоручик!

Они разъехались в разные стороны.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Когда Пушкарев выскочил во двор Ученого комитета, то увидел груженую машину, возле которой суетились шофер и Цокто. Завидев Александра, Цокто заулыбался, подошел к нему, протянул руку:

— Заехал с тобой проститься.

— Вы уже уезжаете? Куда?

Цокто расхохотался:

— «Куда, куда»! Известно куда: в Гурбан-Сайхан!

— Так внезапно?

— Неделю собирались. Разве это внезапно?

— Но я не ожидал, что это случится вот так... А кому передаете геологический кабинет?

— Кому передаю? А зачем его передавать? Ты — бюрократ, Пушкарев. Бери кабинет, распоряжайся! Никому, кроме тебя, он не нужен... — Он снова рассмеялся: — Не унывай, начальник! Старика Дамдина я обязательно разыщу и спрошу о пиропах. Может, и алмазы найду.

— Я их уже нашел! — с жаром воскликнул Александр. — Вернее, обнаружил один алмаз...

— Где обнаружил? — безразличным голосом спросил Цокто.

— Среди пиропов, в кожаном кисете.

Цокто укоризненно покачал головой:

— Ты принимаешь меня за глупца?

— Идемте в геологический кабинет, и вы увидите его собственными глазами!

— Я тороплюсь. Вон джолочи¹ Аракча машет ру-

¹ Д ж о л о ч и — шофер.

кой — ехать пора. — Он хитровато сузил глаза, похлопал себя ладонью по лбу: — У вас, у русских, есть такой праздник обманщиков — первое апреля. Так вот сегодня и есть первое апреля!

— Вы напрасно не верите. Я говорю вполне серьезно. Ну да ладно... Вы, случайно, не знаете, где сейчас Сандаг или Тимяков?

— Я только что разговаривал с ними. Они в «копай-городе», на базе гидрогеологов. Эту машину нагрузили там. Сандаг говорит: «Ты, Цокто, — наш первый эшелон, вези оборудование гидрогеологов, скоро и мы все приедем в Гурбан-Сайхан». Хочешь, подброшу на машине до базы гидрогеологов?

— Сделайте одолжение...

База гидрогеологов находилась на западной окраине Улан-Батора, неподалеку от обширного ансамбля буддийских храмов и кумирен Гандана. Но если Гандан с высоченным храмом Арьяволо-Джанраем взобрался на возвышенность и как бы царил над городом, то база гидрогеологов приютилась в лощине, здесь они жили в землянках и юртах.

Даже за восемь месяцев жизни в Монголии Пушкирев не мог понять и воспринять целиком этот странный город, где всякий раз казалось, что монастырских построек и юрт больше, чем жилых домов. Город широко раскинулся в глубокой каменной чаше — со всех сторон окружали его горы. Горы были пологие, мягкие, они настраивали на веселый лад, приносили успокоение. Сколько здесь солнечного блеска и простора! А на закате небо горело багровым заревом и казалось, что крылатый белый храм Джанрай поднимается из пламени.

Багровое небо, молчаливые силуэты верблюдов, лошадей и юрт, скрипучий звук несмазанных колес монгольских тырок...¹ Во всем этом крылась некая первобытность, и Пушкирев не удивлялся, когда, нагнувшись, поднимал с земли заржавленный наконечник стрелы.

Была одна-единственная, бесконечно длинная асфальтированная улица, скорее шоссе, по обочинам которой стояли учреждения: почта, клуб имени Ленина, советское посольство, а в самом конце — красные казар-

¹ Тырка — арба.

мы. Остальные дома и юрты теснились возле опустевших храмов. Параллельно главной улице, южнее, у самого подножия горного массива Богдо-улы, текла бурная Тола, и попасть на ту сторону можно было только по шаткому деревянному мосту. Здесь же, почти на берегу реки, находился «зеленый дворец» — резиденция бывшего правителя Монголии, владыки ламаистской церкви богдо-гегена, или «живого бога». До революции почти половина всего мужского населения проживала в монастырях, и церковные феодалы обладали большой властью.

На первых порах Пушкарева волновали эти красочные храмы с многоярусными черепичными крышами. Ему казалось, что тут и кроется главная тайна Востока. Когда-то это были кочующие храмы-юрты, потом они стали оседлыми. Темно-красные колонны, окна и двери; сине-зеленые балки; жаркие и чистые краски орнамента; сложная резьба по дереву и позолота; лепные драконы из глазурованной глины на коньках четырехскатных остроконечных крыш; каменные львы — арсланы у входа в храм; молитвенные зеленые барабаны, которые стоит повернуть вокруг оси, и все твои молитвы улетят на небо; мистические тибетские письма, остроконечныеobelisks — субурганы; пятицветные буддийские знамена...

Подстегиваемый любознательностью, Пушкарев заглянул как-то в храм Джанрай, посвященный богу — исцелителю слепых — Арьяволо, и застыл в изумлении перед исполинской матово-сверкающей золоченой медью статуей: Будда восседал на массивном цветке лотоса, руки были молитвенно сложены на груди, неподвижные глаза с неземным спокойствием смотрели куда-то в полумрак, на губах застыла непонятная улыбка.

В храме Чойжин-Ламын-сумэ, в том самом, который он видел каждый день из окон геологического кабинета, Пушкарев испытал настоящее потрясение, какое можно испытать, когда соприкасаешься с подлинным искусством: бронзовые позолоченные статуи богинь, символизирующих пять основных элементов мира, изящные и стройные, с тонкими одухотворенными лицами, целомудренно потупленными глазами, были воплощением совершенства.

Но постепенно Пушкарев утратил интерес к храмам и статуям, к первобытности.

Его неудержимо влекло в степные просторы, в горные теснины — туда, где жизнь находится в стремительном движении.

Миновав шумный базар «Заходырь», машина вскоре выехала на пустырь, где стояло буровое оборудование гидрогеологов. Здесь же находился «копай-город» — землянки и серые юрты, в которых жили гидрогеологи из Восточной экспедиции.

Тепло простившись с Цокто, Александр отпустил машину и остался на пустыре один. Как ни странно, но за восемь месяцев он ни разу не был здесь.

Стремительный ветер валил с ног, и Александр почувствовал, как деревенеют щеки.

— Эй, есть кто живой? — крикнул он.

Дверца ближней юрты открылась, и Пушкарев увидел девушку лет девятнадцати-двадцати в наброшенном на плечи белом полушубке, в коротких сапожках. Ветер сразу же растрепал, вздыбил ее густые волосы, и она минуту кружилась, откидывая их с лица. Пушкареву даже показалось, что лица-то, собственно, у нее и нет, есть эти клубящиеся волосы и глаза. Но потом он увидел и по-детски нежный овал лица, и обветренные потрескавшиеся губы, и маленький подбородок.

Она с удивлением глядела на него.

— Вам кого?

— Тимякова или Сандага. Я слышал, они здесь. Я — Пушкарев. Геолог из учкома.

— Слышала о вас. Тимяков и Сандаг у Зыкова. Скоро придут сюда.

— Хорошо, я подожду, — сказал он, пританцовывая от холода.

Она бесцеремонно ухватила его за полу пальто, потащила в юрту:

— Зверский ветер!

В юрте было тепло, тлели угли в печурке.

— Я — Валя Басманова, — представилась девушка. — Заместитель начальника отряда. Раздевайтесь, присаживайтесь чай пить. Небось окоченели!

Голос у нее был громкий, даже немножко резковатый: Пушкарев догадался — привыкла разговаривать

под грохот мотора на буровой. Они сидели на раскладных стульях и, обжигаясь, пили густой, черный, как деготь, чай. Она была рада приходу нового человека, без всякого стеснения расспрашивала, кто он и откуда, где учился.

А он наблюдал за ней и удивлялся: почему эту девчонку (по-другому он не мог ее назвать) поставили во главе такого ответственного дела? Заместитель начальника отряда... Неужели не нашлось специалиста покрупнее? Ведь речь идет о развитии водного хозяйства самой засушливой области республики. И за все будет отвечать она, эта пичуга?..

А она жаловалась на всякие неурядицы: и на то, что рабочих не хватает, и на то, что бурмастер Зыков — человек строптивый, а какой он мастер, пока трудно судить, оборудование опробовать не успели, и что времени на сборы почти не дали, а в Гоби нужно будет сразу же развернуть шесть точек.

Она, как показалось Пушкареву, словно бы выговаривала себе право на будущие неудачи. Так делают обычно люди, в себе неуверенные. В словах Басмановой сквозила холодная проза, к великой пустыне Гоби она относилась как-то уж слишком по-обыденному.

— Дура я, что согласилась ехать! — под конец сказала она. — Меня-то и всерьез никто не хочет принимать: я — свое, а мне — свое. Скоро начну ругаться. Одно мужичье! Скорее бы приезжал инженер Судаков, начальник отряда. Вы поедете с нами?

Он не успел ответить. В дверцу юрты постучались, Валя бойко крикнула:

— Болно! Можно...

Вошли Тимяков и Сандаг. Они ничуть не удивились, увидев здесь Пушкарева. Потирая руки, хозяйски уселись за стол, налили в пиалы чай и некоторое время молча пили его.

— Ну и весна! — сказал наконец Тимяков. — Говорят, в степи гололедица, много скота погибло.

— Да, это так, — согласился Сандаг, — и нам придется в Гоби не сладко.

Сандаг, председатель Ученого комитета, по сути, был довольно-таки молодым человеком — лет на пять старше Пушкарева. Но всякого рода заботы уже отложили

отпечаток на его лице: Сандаг успел испытать силу и власть ответственности. Он формировал состав экспедиции, он не имел права перепоручить даже самое маленькое дело кому бы то ни было, так как им всем предстояло жить и работать в особых условиях, когда позабытая, скажем, впопыхах запасная часть к автомашине может обернуться катастрофой. Он договаривался с гидрогеологами, экзаменовал агрономов, подыскивал врача-микробиолога, подсобных рабочих.

Создать город в Южной Гоби!.. Даже страшно подумать! Ведь несмотря на решение правительства, Сандагу пришлось преодолеть невероятное и непонятное сопротивление археолога профессора Бадраха и его сторонников. Они писали бумаги во все инстанции, пытались доказать, что строить город в «краю миражей» — Южной Гоби — дело бессмысленное, ненужное аратам, так как гобийцы привыкли кочевать и никто в этом городе жить не будет. Зачем понапрасну тратить огромные государственные средства? Оборонное значение? Но никто не собирается нападать на Монголию с юга. Да и ни одна армия не пройдет через безводную, безлюдную пустыню. Можно построить в Гоби фабрику, но зачем город? Японцы стягивают войска к восточным границам Монголии? Ну, а при чем здесь южная граница? И при чем здесь этот город, которого не существует и который вряд ли появится когда-либо? Госхоз в Гоби? Это уж фантазия! Земледелие в Гоби невозможно, да и не нужно. Столетиями араты обходились без него. Природные богатства? Но природные богатства могут лежать еще столько же, сколько лежали. Добывать их в безводной местности, где нет дорог, нет населения, нерентабельно. Монголия — страна скотоводства, пастушества и должна оставаться такой всегда, так как монголы, мол, привержены вековому укладу жизни и промышленность им не нужна.

Все это знал Пушкарев. Успел узнать за восемь месяцев и то, что все новое в Монголии встречается бешеным сопротивлением оставшихся феодалов, настоятелей монастырей, бывших князей и зажиточных хозяйчиков. Народная интеллигенция только еще нарождалась, а среди старой интеллигенции было много выходцев из свергнутых революцией сословий.

На заседаниях Ученого комитета Пушкарев часто видел профессора Бадраха. Говорили, будто этот похожий с виду больше на индийца, чем на монгола, человек окончил Кембриджский университет. Недавно вышла его толстая книга «Монголия как историческое кладбище», в которой он доказывает, что величие Монголии в ее далеком прошлом, а не в будущем.

Его-то Сандаг и считал своим главным противником.

...Сандаг отодвинул пиалу в сторону и сказал, обращаясь к Басмановой:

— Судаков не приедет. Получили телеграмму из Москвы: тяжело заболел. Пока подыщут да оформят другого...

— Как же так? А кто будет...

— Вы будете!

— Начальником отряда?..

— Вот именно.

Она отшатнулась от него:

— Но я боюсь...

И в ее глазах в самом деле был страх.

— Да уж не без того,— подал голос Тимяков.— А как быть?

— Возьмите меня в экспедицию! — непроизвольно вырвалось у Пушкарева.— Я знаком с гидрогеологией.

— Вы запрашиваетесь на должность начальника отряда? — с удивлением спросил Тимяков.

Александр смутился.

— Я буду помогать Басмановой и искать алмазы...
Ученые переглянулись.

— Где вы будете искать алмазы? — спросил Сандаг.— О каких алмазах речь?.. Я вас слушаю.

У Пушкарева от волнения перехватило дух.

— Скажите, находили в Монголии когда-нибудь алмазы? — спросил он, уже зная, что Сандаг даст отрицательный ответ.

Сандаг покачал головой:

— Считается, что в Монголии нет алмазов.

— Среди образцов из Гурбан-Сайхана, куда вы отправляетесь с экспедицией, я обнаружил пиропы, спутники алмаза.

Возле глаз монгола проступили веселые морщинки. Смуглое тонкое лицо стало совсем молодым.

— Пиропы находили и раньше. Правда, в других местах. Но могу заверить вас, товарищ Пушкарев, что кимберлитовых трубок, с которыми связано, как вам известно, коренное месторождение алмазов, в Монголии нет. А нет кимберлитов — нет алмазов. Во всяком случае, я хорошо знаю горы Гурбан-Сайхан: кимберлитов там не находили.

Пушкарев, уверенный в своей победе, лукаво усмехнулся:

— Вы делаете поспешный вывод, а в науке так не принято. Во всяком случае, у нас в геологии. А что такое, собственно, кимберлиты? Они ведь содержат чрезвычайно различные по условиям кристаллизации минералы. Тут возникает вопрос: единственные ли породы эти самые кимберлиты, в которых заключены коренные месторождения алмазов? Я усиленно занимался этим вопросом, так как интересовался уральскими и украинскими алмазами, и пришел к выводу: алмазы можно найти и в других породах, состоящих, например, из граната и пироксена. Ведь находят же алмазы в метеоритах! Во всяком случае, первый российский алмаз был найден в каменном метеорите...

Сандаг заинтересовался. Он смотрел куда-то в сторону, словно бы и не слушал. Но он слушал: просто слова геолога произвели на него большое впечатление. Ведь всегда бывает так, когда освобождаешься от укоренившихся представлений. Значит, алмазы не обязательно связаны с кимберлитовой трубкой! Черт возьми, такое он слышит впервые. Значит, нужно искать, искать... Алмазы в Гурбан-Сайхане! Это было бы удивительно...

— А что вы думаете об этом, Андрей Дмитриевич? — обратился он к географу.

— Смелая гипотеза...

— Это не гипотеза. Среди пиропов я обнаружил алмаз! — перебил Тимякова Пушкарев.

— Где он, покажите!

— Алмазы в карманах не носят. Алмаз лежит спрятанный в геологическом кабинете. Я только что держал его в руках.

— А вы уверены, что нашли именно алмаз? — спросил Сандаг. — Не приняли ли вы за него, скажем, халцедон?

— Я все проверил. Сомнений быть не может.

— Пусть будет так, — согласился Тимяков. — Я остаюсь еще на некоторое время здесь, а товарищ Сандаг едет в учком. Вот и покажите ему ваш алмаз.

Не простившись с Басмановой, Александр выскочил из юрты. Они с Сандагом уселись в легковую машину и поехали в Ученый комитет.

Дрожащими руками открыл Пушкарев геологический кабинет, разгреб образцы на верхней полке, вытащил кожаный мешочек. Все на месте. Торопливо развязал мешочек, высыпал камешки на лист бумаги. И застыл от изумления: среди красных пиропов алмаза не было... Да и сами они словно бы потускнели, стали темнее, как свернувшаяся кровь.

— Где же ваш алмаз? — спросил Сандаг.

— Он был здесь, — пролепетал Пушкарев, совсем сбитый с толку. — Я любовался им... Он был! Был!..

Он тряс кисет, исследовал каждую его складку, проверял на свет, нет ли дырок.

— Вы уверены, что алмаз не приснился вам? — уже насмешливо спросил Сандаг.

Пушкарев даже не обиделся.

— Да как же он мог присниться, когда я и поехал в «копай-город» затем, чтобы разыскать вас и сообщить о находке?

— Странно. У меня нет оснований вам не верить. Возможно, алмаз — если это был алмаз — куда-нибудь закатился?

Они обшарили все полки, все ящики, заглядывали под стеллажи — но тщетно.

— А кто, кроме вас, знал об алмазе? — спросил Сандаг задумчиво.

— Никто, ни одна душа не знала. Да и Цокто узнал в последнюю минуту перед отъездом в Гоби. Я прямо-таки не верю собственным глазам: был — и нет!

У него в душе еще тлела смутная надежда найти октаэдр. Она погасла после жестких слов Сандага:

— Вот так же загадочно исчез образец магнетита, присланный неким Санжежабом из Мухур-Нурской долины. Цокто тогда не было в Улан-Баторе, так что обвинять его нельзя. Что-то во всем этом мне не нравится. Цокто алмаза своими глазами не видел. Не поверил ва-

шему сообщению — это похоже на него. Ключи от геологического кабинета вы всегда носите с собой, замки надежные, окна с решетками. И все-таки алмаз исчез. Ну хорошо. Если бы мы обнаружили в кисете дыру, тогда все было бы понятно: алмаз утерян. Но кисет, как я вижу, сшит из вечной кожи, из кожи кулана, из той самой шагреновой кожи, о которой писал Бальзак. Выходит, мы имеем дело с человеком очень хитрым, хорошим психологом: ведь он мог бы сделать дырку в кисете, но не сделал ее. Почему? Да потому, что ему нужен не сам алмаз. Ему нужно доказать, что алмаз — ваша выдумка, никакого алмаза нет и не было, и вообще в Монголии алмазы искать бесполезно. Просто молодой русский геолог решил всяческими путями попасть в экспедицию, где число мест ограничено. Вот и все.

Он замолчал, по-видимому стараясь осмыслить все случившееся как следует. В самом деле, странно и непонятно. Значит, все последние месяцы кто-то очень внимательно наблюдал за Пушкаревым. Кто? Кому это нужно? Что за всем этим кроется?

— Пусть будет так, — наконец произнес Сандаг с воодушевлением, решив, должно быть, про себя некий сложный вопрос. — Я зачисляю вас в состав экспедиции. Будете искать алмазы. Ну, не найдете алмазы, может быть, повезет на бурый уголь или на сланцы. Городу потребуется прежде всего уголь. Алмазы — потом... — Он мрачно улыбнулся и добавил: — Да, да, ваша помощь потребуется. Вам придется работать в тесном взаимодействии с гидрогеологическим отрядом. Поможете им составить геологическую карту. В помощь вам назначим, кроме Цокто, еще несколько монгольских геологов. Ведь район придется обследовать обширный.

— А как же уголь, строительные материалы для будущего города?

— Главное — вода! Найти питьевую воду, пробурить скважины с таким дебитом¹, чтобы можно было обеспечить и будущий город — аймачный центр, центр культуры в самом сердце Гоби, и будущий госхоз — показательное хозяйство по разведению красных гобийских верблюдов и лошадей. Невелика беда, если не найдем

¹ Дебит — мощность скважины.

уголь. А вот если не обнаружим воду в нужных количествах, то не будет ни города, ни госхоза. А госхоз очень, очень нужен в тех местах. Это, если хотите знать, будет комплексное хозяйство, которое займется разведением племенного скота, травосеянием, земледелием, огородничеством. С каждым днем в Южной Гоби все больше возникает новых аратских объединений. Чтобы помочь им, нужно создать сенокосные станции. Дайте нам воду! Воду прежде всего...

Несмотря на таинственное исчезновение алмаза, Пушкарев испытывал подъем: в Гоби, в Гоби, которую называют краем чудес и миражей!..

Даже не верилось, что через несколько дней он увидит безграничные пространства великой пустыни, где до сих пор водятся дикие верблюды и дикие лошади, где его, возможно, ждут невероятные приключения и значительные открытия.

ГДЕ-ТО В ЮЖНОЙ ГОБИ

Ветер гнал по степи облака пыли, и казалось, будто это бежит бесконечное стадо верблюдов. Видно было, как сухие бурые колючки, перевертываясь в воздухе, перелетали через дорогу. Сквозь крутящийся песчаный вихрь смутно проступали контуры сопок. Ветер наметал маленькие песчаные бугры у кустов сухой караганы, уныло свистел в зарослях саксаула.

Чимид сидел на земле и то и дело отряхивал назойливую едкую пыль, протирая длинным рукавом халата покрасневшие от ветра, слезящиеся глаза. На двухколесной тырке под овчиной лежала больная сестра, Долгор. Когда ветер заворачивал овчину, Чимид видел ноги сестры, опухшие, в синих пятнах. С каждым днем болезнь въедалась в ее тело все глубже и глубже. Долгор не могла жевать мясо — кровоточили десны, а ноги часто сводило судорогой. У Чимида не было никого на всем белом свете, кроме сестры, и теперь вот он решил везти ее в монастырь, где, должно быть, мудрый знахарь изгонит из ее тела болезнь.

Худое лицо Чимида с облупившейся на скулах кожей было покрыто грязным потом. Натруженные плечи ны-

ли. Песок залезал в нос и рот, вызывая приступы кашля. Перед глазами стоял оранжевый туман.

Он встал, расправил плечи и взялся за оглобли тырки.

— Потерпи еще немного, Долгор. До монастыря осталось не более одного уртона...

Чимид закусил губу, уперся гутулами в куст ежевика, наклонился вперед и сделал несколько шагов. Грубо сколоченные деревянные угловатые колеса без ободьев уныло закрипели, повернулись раза три и увязли в песке. Чимид негромко выругался. И когда ветер налетел с удвоенной силой, потерял равновесие и упал. Он лежал ничком, раскинув руки. Краем глаза он видел, как ураган гонит песчаные полосы, завивает желтые вихри.

В такую погоду даже верблюды ложатся на землю. Они поворачиваются туловищем к ветру и низко опускают голову. А люди сидят в наглухо закрытых юртах, тревожно прислушиваются к шумам в степи и читают молитвы.

Отдышавшись, Чимид встал на ноги. В висках стучала кровь, перед глазами вставала красноватая мгла. Сестра застонала жалобно, протяжно. Чимид ухватился за оглобли, рванулся вперед, задыхаясь от стремительной силы ветра, лицо его перекосилось от натуги; колеса снова закрипели...

А ветер становился все злее и злее. Он трепал, пронизывал насквозь старый халат, валил с ног. Небо было покрыто тяжелыми тучами. Чимид еще двигался, но уже шатаясь и все замедляя шаг. Когда он пересохшим горлом судорожно сглатывал слюну, это отзывалось где-то внутри острым уколом.

Иногда Чимид думал, что не стоило везти сестру в монастырь Хух-Борхон-сумэ. У него, пожалуй, не хватит сил дотащить ее туда. Когда он совсем выбьется из сил и будет, как камень, лежать среди барханов, сестра умрет, так и не дождавшись мудрого знахаря. Такие мысли пугали его: ведь у него не было никого, кроме Долгор. За песками потянулись солончаки, за солончаками — глинистые площадки, покрытые галькой и темно-серым щебнем. Ветер все-таки взял свое: он налетел со страшной силой и снова повалил Чимида на землю.

Теперь Чимид даже не делал попыток подняться. Лечь было хорошо, хотя под боком оказались острые камни. Не слышны стали стоны сестры. И не стоило больше подниматься на ноги. Коня бы ему теперь, коня — он быстро доскакал бы с сестрой до монастыря! Чимид слабо повел головой и вдруг, напрягшись, приподнял ее и прислушался. За свистом ветра откуда-то явственно донеслось далекое конское ржание. Чимид всем телом потянулся на звук и бессильно опрокинулся на песок.

Горячий конь, виделось ему, уже стоит перед ним — чудесный конь, о котором мечтал он всю жизнь. Чимид гладит его по лоснящейся спине и, взяв сестру на руки, вскакивает в седло. А над ними уже не желтая пыль, а чистое, ясное небо.

Но нет чудесного коня, нет ясного неба. Вокруг бушует безлюдная степь...

Чимид поднялся ночью, когда ветер ослаб. Снова потащил тяжелую тырку, временами забывая, куда идет и зачем.

В полдень он взобрался на перевал и увидел внизу, на дне плоского лога, крылатые крыши кумирен монастыря Хух-Борхон-сумэ. Но даже вид монастыря не мог заставить его прибавить шагу — не было сил.

После долгого пути первым ему встретился человек в черном халате, с редкой седой бородкой и грязной косичкой сзади. У старика были узкие острые глазки. Он осмотрел Чимида с ног до головы, сочувственно покачал головой и сказал:

— Когда человек впрягается вместо верблюда, это значит, что плохи его дела.

Чимид низко опустил голову.

— Муу байна — плохо, — ответил он. — В марте начался сильный снегопад, и весь мой скот погиб от бескормицы... А потом заболела сестра.

Старик снова покачал головой. Он вынул табакерку, неторопливо набил табаком ноздри и принялся чихать.

— Худо, очень худо. Много скота погибло во время снегопада в этом году. Боги прогневались. То-то говорится: от черной судьбы и на быстром коне не ускачешь. Бедняцкое счастье ходит с дырявой сумой за плечами. Да только всякому горю помочь можно.

Чимид поднял голову, глаза его засветились надеждой.

— Мне бы только сестру вылечить,— сказал он.

— Голодный охотник старого козла видит за тридцать земель,— усмехнулся старик.— Твое счастье, что встретился со мной. Укажу тебе человека, который мигом вылечит твою сестру. Есть такой знахарь — лама¹ Шараб. На поклонение в Лхасу ходил, привез много снадобий и талисманов. В прошлом году мою старуху от ревматизма вылечил. Святой человек. И взял за лечение всего лишь четыре теленка, два бегунца и белого верблюда.

Чимид снова опустил голову:

— У меня нечем заплатить за лечение... А сестра так сильно больна...

Старик, казалось, только и ждал этих слов. Он прищурился так, что его черные колючие глаза превратились в две узенькие щелки, похлопал Чимида по плечу и вымолвил:

— Рожденному в богатырской рубашке всегда сопутствует удача. Ты мне нравишься, и я хотел бы помочь тебе. Есть у тебя кто из родных?

— Кроме сестры, никого. Моя мать умерла в прошлом году. Я бросил юрту и ушел сюда.

— Вот и хорошо. Я уже стар, а мой единственный сын живет в городе и редко навещает меня. А ты знаешь, как трудно пожилому человеку справляться со своим хозяйством: то разбегутся табуны, то волк утянет теленка из стада... Я уже давно подумывал усыновить кого-нибудь. Вижу — ты заботливый брат, думаю — будешь заботливым сыном. Стоит мне замолвить словечко эмчиламе² Шарабу, и он вылечит твою сестру.

— Я буду хорошим сыном! — с жаром воскликнул Чимид.

— Вот это мой скот,— сказал старик, протянув худую, сморщенную руку и очертив пальцем в воздухе полукруг.

Чимид увидел на склонах сопок отары овец, а в до-

¹ Л а м а — монах, служитель ламаистского храма (л а м а и з м — разновидность буддизма).

² Э м ч и л а м а — знахарь.

лине табуны коней и стада яков. Он вспомнил, как всегда выгонял своих овец на склоны сопок, чтобы легче было их сосчитать. Но сосчитать овец в отарах старика было невозможно: их было так же много, как звезд на ночном небе.

Чимид почтительно склонил перед стариком голову.

Во всем аймаке был только один такой богатый человек — Бадзар; молва о его стадах дошла до самых отдаленных кочевий. И все говорили: богат, как Бадзар. Рассказывали также, что его сын, Бадрах, долго учился в далеких странах и, когда вернулся оттуда, стал уважаемым человеком. Об этом толковали старики у очагов в глухие зимние ночи. По словам стариков, Бадзар был черствым, хитрым человеком. Чтобы обойти закон, запрещающий нанимать батраков без договора, он усыновлял их и заставлял круглый год в жару и стужу пасти свой скот. И все говорили: лучше подохнуть с голоду, чем попасть в руки Бадзара.

Теперь этот Бадзар стоял перед Чимидом, ласково похлопывая его по плечу, и в самое трудное для Чимида время хотел выручить его из беды. И Чимид подумал, что людская молва, как взбесившаяся собака, — она кусает всех без разбора. Он даже усомнился: Бадзар ли перед ним? Точно угадав его мысли, старик сказал:

— Спроси юрту Бадзара — каждый укажет тебе ее. А сейчас заглянем к почтенному Шарабу. Как говорится, упущенное время самым длинным арканом не поймашь...

Чимид взялся за оглобли тырки. Старик повел его к высокому белому храму с золоченой крышей. Из-за туч проглянуло солнце, и крыши кумирен так заблестали, что на них стало больно смотреть. От кумирен тянулись дворы, огороженные глинобитными стенами и частоколом. Чимид и Бадзар прошли мимо главного храма, на дверях которого яркими красками были нарисованы четыре страшных чудовища — хранители, оберегающие храм от лягушки, удава, обезьяны, ворона и бедняка. Со стен храма смотрели трехглазые бурханы¹, держащие в зубах обезглавленные тела богоотступников, а в руках — их головы.

¹ Б у р х а н — бог, статуэтка Будды, святого.

Из храма доносилось уханье барабана и лязг медных тарелок. Повсюду бродили огромные черные псы с красными лоскутками на шее. Проходили богомольцы с обнаженными головами. Со стороны ближнего кочевья доносилось ржание лошадей; над приземистыми юртами вился дымок.

Бадзар и Чимид свернули в один из монастырских дворики и увидели деревянный барак и одинокую юрту.

— Милостивый Шараб зимой живет в байшине¹, а сейчас перебрался в юрту, — пояснил Бадзар.

На скатанных коврах, поджав ноги, в юрте сидел толстый человек в островерхой шапочке. На его жирной руке болтались четки. Перед ним стояло ведро с кашей. Толстяк запускать руку в ведро и набивал кашей рот.

— Ом мани падме хум, ом мани падме хум... — забормотал он, увидев гостей. Потом вытер руку о подухалата и стал внимательно разглядывать подслеповатыми глазами Чимида. — Бурханы гневаются на вынесшего из юрты огонь поздно вечером, — прохрипел он.

Бадзар дернул за рукав Чимида. Тот упал на колени и приложил руки ко лбу. Он дрожал от суеверного страха, вспомнив, что действительно как-то зимой вынес огонь из юрты, чтобы посмотреть овец.

— Святой лама, моя сестра сильно больна... — проговорил он почти шепотом.

Знахарь взял с полки толстую книгу в кожаном переплете, открыл ее наугад и стал что-то бормотать на тибетском языке.

— Тащи сестру! — приказал он. — Жизнь ее на пороге вечности...

Чимид вышел, бережно взял на руки стонавшую Долгор и вернулся в юрту. Он положил сестру на кошму у ног знахаря.

— Ей требуется лечение физическим способом, — произнес Шараб, осмотрев больную.

Он наклонился и сжал руками грудную клетку девушки. Долгор закричала. Шараб, не обращая внимания, стал мять ей живот. Потом взял с полки медную чашечку с какой-то темной жидкостью, разжал деревянной лопаткой зубы больной и влил ей в рот эту жидкость. Долгор захлебнулась и закашлялась.

¹ Б а й ш и н — дом.

— Придешь через три дня,— сказал он Чимиду.— Теперь все зависит от милости богов. Да не забудь, что за лечение причитается корова, два теленка, четыре барана и четыре ягненка.

Чимид покорно склонил голову, поднял с пола сестру и, пятась, вышел.

Не так давно белая восьмистенная юрта Бадзара стояла на самом почетном месте — на юго-западном конце ряда юрт стойбища. В крайней юрте на северо-западе жил бедняк Аюрзан. Но после того как Аюрзан уговорил аратов объединиться в артель, все откочевали в долину, и Бадзар остался один. Почета больше не было. Теперь в артели на юго-западном конце стоит юрта председателя Аюрзана, и он самый уважаемый человек.

Потому-то Чимид без всякого труда нашел юрту Бадзара.

Ночевал он вместе с другими пастухами в кособокой серой юрте. Здесь же, на овчине, лежала Долгор. Она всю ночь стонала, и Чимид долго не мог уснуть. Только он закрыл глаза, как кто-то толкнул его в бок. Перед ним стоял Бадзар, сощутив острые глазки.

— Беззаботный тарбаган весну проспит,— проговорил он.— Твои братья уже в степи, а ты отлеживаешься. С таким почтительным сыном скоро по миру пойдешь!

Чимид вскочил. В юрту падал дневной свет.

— Оседлай солового коня. За тремя холмами твоя отара. Да поворачивайся! — сказал Бадзар и вышел.

Долгор металась в бреду, выкрикивала непонятные слова. Ее щеки горели, на губах была пена. Чимид с жалостью посмотрел на нее — ему не хотелось оставлять сестру одну без присмотра. Пожевав без всякого аппетита сушеного мяса, он отправился в степь.

Когда солнце поднялось над самой высокой горой, Чимид загнал овец в укромную ложину, стреножил коня и тайком пробрался в юрту к сестре. Долгор лежала на овчине лицом вверх, под ее закрытыми глазами чернели могильные тени. Дыхание вырывалось с хриплым свистом. Чимид окликнул ее, но она не раскрыла глаз. Тогда Чимид решил, что сестра при смерти, выскочил из юрты и побежал к знахарю. Шараб, как и вчера, сидел на коврах, лениво перебирая четки.

— Она умирает... Помоги!.. — крикнул Чимид.

Но ни один мускул не дрогнул на сером, как войлок, лице знахаря. Он взял с полки книгу, раскрыл ее, пробормотал какую-то молитву и, сдвинув брови, сказал:

— Нам не дано властвовать над бурханами. Много людей умерло в этом году от цинги. Много людей умрет. Я жалкий слуга духов, и у меня нет золотого плода, драгоценный сок которого делает людей здоровыми... Смирись и разбери решетку юрты — твоей сестре пора отправляться в страну бурханов. Отнеси ее в долину смерти и положи головой на запад; навещай сорок дней и сорок ночей. Если священные собаки и хищные птицы не побрезгуют ее телом, значит, она была праведницей и весь грех на тебе...

— Спаси ее, спаси! Я отдам все, что у меня есть... — в исступлении хватался Чимид за гутулы Шараба. — У меня никого нет на свете, кроме нее...

— Не гневи богов, жалкий безумец, — оттолкнул его знахарь. — Она умрет, как умерли другие. Такова воля богов. Иди и выполняй сказанное!

Чимид поднялся с земли и, сгорбившись, направился к двери.

— Не забудь уплатить за лечение! — сварливо крикнул ему вслед лама. — Загробный владыка Эрлик-Номон-хан записал твой долг в судную книгу...

«Нужно посоветоваться с Бадзаром», — решил Чимид. Но, вспомнив, что оставил овец без присмотра, пошел к пастухам, чтобы упросить кого-нибудь покараулить хозяйскую отару. Еще издали он услышал шутливо-печальную песенку и поехал на пронзительный фальцет.

Моя маленькая соловая кобылка
Притомилась и захромала.
Моя любимая ушла от меня, —
Кто исцелит мое сердце?

— Эй, Чимид! Все ли спокойно? — еще издали закричал веселый пастух Гончиг и подъехал к Чимиду: — А я вижу — ты убрался; думаю, нужно за твоей отарой поглядеть. Не в добрый час нагрянет этот проклятый мангус Бадзар — будет тебе выволочка. — У Гончига была круглая стриженная голова с большими оттопыренны-

ми ушами и вечно смеющиеся глаза с нависающими толстыми веками. Халат — сплошная рвань.

— Сестра при смерти... — выдавил из себя Чимид. — Ходил к эмчиламе, а он приказал отнести ее в степь.

Лицо Гончига помрачнело. Он вертел в руках длинную березовую палку с петлей из тонкого ремня на конце.

— Плохи твои дела, Чимид. Эти знахари умеют только плату брать. Вот я прошлой осенью побывал с караваном в городе, так там настоящие врачи лечат. Все в белых халатах и веселые. Мне больной палец мигом ножом отхватили, теперь не болит. — Он показал Чимиду обрубок пальца на левой руке. — Далековато до города, а то бы и твою сестру вылечили без всякой платы, Закон такой. Плюнь ты на этого обиралу Шараба, бери любого коня из табуна и вези сестру на север, в Дунду. Там врач есть. Может быть, еще не поздно! — добавил он.

Чимид безучастно слушал эти слова. Далеко до Дунду, и сестра, наверное, не вынесет тяжелой дороги... А может быть, она подождет умирать, и ученые врачи, более мудрые, чем Шараб, изгонят болезнь, и Долгор снова станет сильной и здоровой? Он упадет перед врачами на колени и упросит их вылечить сестру. Только бы Долгор подождала еще несколько дней. Бадзар даст ему самого выносливого коня, и он быстро доскачет с больной сестрой до ученого эмчи.

В просторной белой юрте старика Бадзара былолюдно. Свет скупо проникал сквозь наполовину закрытое войлочным клапаном верхнее отверстие. В воздухе висел синий дым. Может быть, поэтому лица гостей имели зеленоватый оттенок, казались безжизненными. Перед каждым стояла большая чаша, оправленная в серебро, наполненная до краев золотисто-пенным кумысом. Но никто не дотрагивался до чаш. В углу, поблескивая бронзой и медью, чему-то задумчиво улыбались идола. Вход в юрту был плотно прикрыт, завешен одеялами. Гости молча дымили трубками, изредка выбивая их о подошвы гутул, и поглядывали на крупноголового седого монгола с землистым цветом лица, восседавшего на куче

плоских подушек в хойморе — самом почетном месте жилища. Неподвижный, грузный, он напоминал бурхана из монгольского капища. Опущенные тяжелые веки еще больше усиливали это сходство. Это был Норбо-Церен, настоятель монастыря Хух-Борхон-сумэ. Потрясения последних лет изрезали его лоб и щеки глубокими морщинами. Погруженный в свои думы, он, казалось, не замечал окружающих.

Другой человек, на которого все, кроме Норбо-Церена, посматривали украдкой, с почтением и страхом, был одетый под монгола японский разведчик Накамура. У ног его лежало бамбуковое кнутовище — ташюр. Узковатые холодные глаза японца излучали неприкрытое презрение. Он бесцеремонно, с брезгливой миной на лице рассматривал собравшихся: разбойника Жадамбу, прославившегося угоном чужого скота; бывшего князя Ванчига в потертом халате и дырявых сапогах; трусливо жавшихся друг к другу у входа зажиточных хозяев; Норбо-Церена, пыжащегося даже сейчас, когда он все потерял. Когда-то, до революции, Норбо-Церен считался одним из наиболее влиятельных князей церкви: он владел хошуном, по площади большим, чем вся Япония! Одних только крепостных у настоятеля насчитывалось до семи тысяч. А сейчас он живет в пещере, как простой лама-отшельник, питается кореньями и редко выходит в мир.

«И это штаб восстания! — со злостью думал подпоручик Накамура. — Жалкий сброд». Ему припомнились слова его начальника полковника Макино: «В Монголии создана мощная контрреволюционная организация, охватывающая пятьдесят монастырей. У нее есть и орудия, и винтовки, и пулеметы. Зажиточное население, несомненно, поддержит повстанцев. Многое, конечно, зависит от вас».

Где же мощная организация, о которой говорил Макино? И у кого пользуется авторитетом эта старая развалина Норбо-Церен? Орудий и пулеметов нет и в помине: их изъяли еще во время краха ламского восстания в тридцать втором году! Теперь, в тридцать восьмом, нужно все начинать сызнова. Черт бы побрал этого Макино, высиживающего чины у себя в кабинете! Он представил себе сытое розовое лицо полковника, выпуклые

стекла его очков, сквозь которые поблескивают самодовольные глаза, и про себя выругался. Накамура в эту минуту остро ненавидел и своего начальника, впутавшего его в эту историю, и этих неподвижных, молчаливых монголов, ждущих от него какого-то чуда. «Чуда не будет, грязные скоты! Я заставлю вас поработать на японскую армию, если от этого зависит мое повышение,— думал он.— Я вас заставлю! А если мне не удастся поднять восстание, то пустим в ход более тонкие средства... В стрельбе свои способы, в борьбе свои приемы! Небо помогает тому, кто сам себе помогает...»

Первым заговорил Норбо-Церен.

— Ом мани падме хум... — начал он слегка хриплым, но торжественным голосом и поднял тяжелые веки.— Я собрал вас, дети мои, чтобы сообщить отрадную весть: настало время развернуть знамя восстания! Войска милостивого божественного японского императора, нашего покровителя, готовы оказать нам поддержку. Дело за нами. Мы должны напрячь все наши силы, чтобы покончить с ненавистной аратской властью. В своей священной борьбе мы будем опираться главным образом на высших и средних лам, на хозяев, недовольных новым режимом. Низших лам нужно привлекать со строгим отбором, изолировать их от населения. Наша организация насчитывает всего лишь тысячу человек, у нас пока нет оружия, но разве каждый из вас не пожертвует часть своего имущества на святое дело? Или вы согласны и дальше пребывать в унижении и пренебрежении? Я уже стар, и в руках моих нет прежней силы, у меня отняли все, что можно отнять, но я чувствую, как мое сердце наполняется гневом, я готов к беспощадной борьбе. Мы потерпели поражение в тридцать втором году, но ненависть осталась в наших душах. Мы были тогда одиноки, а теперь великий император протягивает нам руку помощи. Идите в мир, и пусть каждый из вас возьмет из тайников спрятанное оружие. Или сейчас — или никогда! Благословляю вас...

Настоятель сделал рукой знак двум служкам, и те благоговейно взяли с домашнего алтаря что-то завернутое в желтую далембу¹.

¹ Д а л е м б а — хлопчатобумажная ткань.

— Это святыня монастыря — знамя великого Чингисхана! — торжественно произнес Норбо-Церен. — Оно будет знаменем восстания. Разверните!

Служки, бормоча молитвы и содрогаясь от суеверного ужаса, сдернули желтую далембу. И все увидели то, что, казалось бы, давно было потеряно во тьме времен: темно-синее парчовое знамя, очень старое, но словно все еще хранящее отблеск тех далеких веков, когда монгольские всадники владели половиной мира.

У всех вырвался возглас изумления. Заговорщики склонили головы, застыли в неподвижном молчании. Многие слышали о знамени Чингисхана, якобы хранящемся в тайниках монастыря, но мало верили этому. Вот оно, это знамя, как рука, протянутая древними батырами повстанцам, замыслившим свержение народной власти!

Поднялся Накамура. Он уже обрел душевное равновесие и почувствовал себя вождем этих людей. «Старая лиса Макино увидит, что для меня нет невозможного, — думал он. — Я не позволю никому загребать жар моими руками. Мне достанется слава и обеспеченная жизнь. Меня надули, но тем хуже для тех, кто меня надул. Это я подниму восстание... я один!» Он представил охваченные огнем предприятия, выжженные пастбища, ревущих коров, людей, бегущих в панике от чумы, лужи крови на земле, и лицо его прояснилось. Им овладело вдохновение, и он заговорил о великой Монголии от Забайкалья до Восточного Туркестана, о божественной миссии Японии:

— Мы стянули на границы миллионную армию. Хоть сегодня она готова обрушиться на голову нашего общего врага — Россию. Восстание здесь будет сигналом для наших войск; мы не нападем на Монголию, а придем ей на помощь. Мы восстановим старые порядки, вернем пострадавшим скот и имущество, разгоним аратские объединения, ликвидируем госхозы, повесим руководителей новой власти...

Чем дальше говорил Накамура, тем сильнее блеснули его глаза. Лица слушавших его просветлели. Они смотрели на японца с ожиданием. Вот он, будущий избавитель от народной власти, отдавшей лучшие пастбища аратам. Ну, а если сюда придут японцы, то что

же из того: ведь можно жить и с японцами! Были бы пастбища, был бы скот.

— Монголы, помните: в наших жилах течет родственная кровь,— закончил Накамура.

Все зашумели. Даже Норбо-Церен широко раскрыл свои совиные глаза.

— Что же сейчас получается? — вскочил подогретый словами японца хозяин юрты Бадзар.— Мы должны подчиняться всякой аратской рвани...— Он задохнулся от приступа бешенства и стукнул кулаком по столу: — Сын пишет из Улан-Батора: большой город в наших местах строить будут, голодранцев учить будут, верблюжью шерсть, масло, молоко скупать у аратов будут, врачей пришлют, госхоз организовывать будут, хотят прогнать меня с насиженного места, забрать мои лучшие пастбища. Уже сейчас нет житья от проклятого Аюрзана и его бедняцкой артели...

Колющие глазки Бадзара сверкали, борода вздрагивала.

После того как излили злость, заговорили более спокойно, стали намечать планы, дали поручения, установили сроки. Когда же заговорили о том, кто и чем должен пожертвовать для общего дела, поднялся спор. Каждый хотел участвовать в восстании за счет соседа. Жаловались на бескормицу, на падеж скота. Но Накамура прикрикнул на заговорщиков, и они, охая и ворча, стали раскошелиться. Разбойник Жадамба был назначен главным агентом по закупке оружия. Князь Ванчиг должен был связаться с остальными членами повстанческой организации, предупредить их о дне выступления.

«Не так уж все безнадежно, как мне показалось вначале»,— думал Накамура. Ему даже понравился Бадзар. В его юрте можно жить безбоязненно. Кому придет в голову заподозрить в чем-нибудь почтенного старика, отца крупного ученого-монгола?

Как далеко забросила судьба подпоручика Накамуру! Все происходившее казалось ему сном. Где-то он числится в списках штаба Квантунской армии, среди офицеров у него много друзей, и каждый думает, что Накамура уехал в командировку, скоро вернется. Накамура любил шумную компанию и крепкое сакэ¹.

¹ С а к э (япон.) — рисовая водка.

Только он не любил приключений, считал их злейшим врагом каждого разведчика. Нет ничего приятнее, как хорошо все обделать и без всяких приключений, спокойно вернуться к друзьям. Он будет руководить восстанием и в то же время до поры до времени оставаться в тени. А когда войска перейдут границу, можно будет заявить о себе. Как степной пожар, мятеж будет перекидываться из одного аймака в другой, оставляя за собой черные палы. Нужно подумать о составе нового правительства. Впрочем, к черту! У «Великой Монголии» должен быть хан. Почему бы не провозгласить им своего нынешнего телохранителя, глуповатого Очира? Очирхан... Звучит неплохо. А это будет значить, что истинным правителем Монголии сделается он, Накамура, инициативный, волевой офицер. В человеческой истории случались и не такие чудеса. В Японии военное сословие всегда ставило императоров, а если они оказывались непослушными, низвергало их.

Интересные были времена.

Накамура захмелел от выпитой арьки¹ и кумыса. Он сидел на туго скатанном ковре, погруженный в свои честолюбивые мечты. Гости ели жирную баранину, пили кумыс, рассказывали разные веселые истории.

Среди гостей находился заведующий геологическим кабинетом Ученого комитета Цокто. Он со страхом смотрел на темно-синее потертое знамя Чингисхана и думал, что, сам того не желая, кажется, попал в скверную историю. Подумать только: он — среди заговорщиков, он — враг народной власти! Его могут схватить работники МВД и упрятать в тюрьму, а после суда могут даже расстрелять.

Никакие оправдания не помогут: это он, Цокто, привез сюда японского шпиона Накамуру и сына монгольского князя, живущего во Внутренней Монголии, этого толстого Очира! Они все считают Цокто своим, доверяют ему, а он дрожит, как овечий хвост, не знает, как выпутаться из этой истории.

Все произошло как бы само собой. Перед отъездом из Улан-Батора в Гоби Цокто по просьбе профессора Бадраха завернул к нему на квартиру: Бадрах говорил,

¹ А р ь к а — молочная водка.

что хочет передать с Цокто письмо и подарки своему отцу, Бадзару.

Бадрах жил в небольшом белом доме неподалеку от почты. Во дворе, как и во всех дворах в Улан-Баторе, стояла летняя юрта.

Бадрах встретил Цокто на пороге и завел его в дом, пригласил на кухню шофера, угостил его чаем, конфетами, папиросами. Когда шофер вышел к машине, груженной экспедиционным добром, Бадрах провел Цокто в свой кабинет.

— Отдохни, Цокто, перед большой дорогой. Хочешь вина и печенья? Твой джолочи подождет, покараулит машину.

Цокто не посмел отказаться: он очень уважал Бадраха, ученого человека, написавшего толстые книги на английском языке. В доме Бадраха были только редкие вещи, какие он находил при раскопках древних городов и курганов: каменные и бронзовые статуэтки бурханов, портреты гуннов, выполненные вышивкой и резьбой, безделушки из темно-зеленого нефрита, серебряная домашняя утварь, табакерки в виде бутылочек, украшенные кораллами и резьбой по слоновой кости, золотые курильницы для благовоний, старинные индийские чаши «чий-маажин», шапки, отороченные соболем, керамические сосуды и бронзовые зеркала, древнее оружие. В углу стоял небольшой камень, усеянный незнакомыми письменами. На лакированном столике лежали избранные тома буддийской энциклопедии «Ганжур» и «Данжур», украшенные золотом, жемчугом, бирюзой, кораллами и лазуритом. Полки книжных шкафов ломились от остальных двухсот томов «Данжура» и от редких свитков. Были здесь и бесценные древние монголо-тибетские письмена, каменная черепаха с древнетюркскими знаками...

Когда Цокто почувствовал, как после выпитого вина деревенеет нос, Бадрах как бы нехотя взял со стола металлическую пластинку с какими-то знаками и спросил:

— Знаешь, что это такое?

— Нет, учитель.

— Это пайцза великого кагана. Здесь написано: «Силой вечного неба. Имя хана да будет свято! Кто не чтит его, кто ослушается ханского повеления, да погибнет,

умрет!» А знаешь, Цокто, эти слова имеют прямое отношение к тебе. Считай, что это письмо твоих предков тебе с повелением.

— А кто были мои предки?

Бадрах хмыкнул и налил в рюмку Цокто водки:

— Выпей, дорога дальняя, ветер сильный — можно простудиться. Ты мне нравишься, Цокто. Ты один из самых преданных моих учеников, хоть и выбрал не археологию, а геологию. Но чем занимается человек, не так уж важно, — важно, чем наполнено его сердце. Японцы говорят: деревья сажают предки, а наслаждаются их тенью потомки. Твои предки посадили могучие деревья, и ты имеешь право попользоваться хотя бы тенью этих деревьев. Я занимался твоим родом от самых корней. И знаешь, что выяснил?

— Да, учитель? — едва слышно спросил Цокто и стал чувствовать, как улетучивается хмель.

— Вот в анкетах ты пишешь, будто родился и вырос в семье бедного арата, ныне умершего, Ойдова. Но не вводишь ли ты сознательно в заблуждение народную власть? Ойдов был преданным слугой твоего отца, князя Хамбо-вана, того самого Хамбо-вана, которому доблестный Хатан-Батор Максаржав¹ вырвал из груди сердце за измену.

Цокто побледнел.

— Не губите меня, учитель! — умоляюще зашептал он. — Я не могу отвечать за дела отца. Я буду вам самым преданным рабом.

— Успокойся, Цокто, успокойся. Как ты, наверное, уже догадался, я и сам не в очень большой дружбе с народной властью и такими людьми, как Сандаг. Если тебе никто не говорил, так знай: ты прямой потомок великого Мунку-хана, которому служили мои предки. А Мунку-хан был потомок Чингисхана. Этот продолговатый камень с письменами — памятник Мунку-хану, я хочу сохранить его для тебя как чудесный амулет.

— Чем я смогу отблагодарить вас?

— Сущий пустяк. К моему отцу в гости едут два человека — ты поможешь им добраться до места. Не сове-

¹ Хатан-Батор Максаржав — народный герой Монголии.

тую на отдых останавливаться в аилах¹ — лучше переночевать в степи. Один из них — ветеринар, зовут его Очир; другой — у него мать была не то китаянкой, не то маньчжуркой, впрочем, это не так уж важно, — ученый лама, паломник. Документы у них в полном порядке, так что тебе нечего опасаться, но их отцы, как я понимаю, тоже в свое время пострадали от Максаржава и Сухэ-Батора.

— Я выполняю все ваши приказы, учитель.

— Не сомневаюсь. А как дальше вести себя, тебе подскажет мой отец Бадзар-гуай. Я думаю, ты уважишь старика?

— Я буду служить ему так же, как вам.

— Боги наградили тебя сообразительностью. Ты далеко пойдешь, и я об этом со своей стороны позабочусь. Вот тебе деньги: на пропитание Очира и его друга. Не скупись. Да, хотел тебя спросить: твой русский приятель, Пушкарев, продолжает настаивать, будто те красные камешки старого Дамдина — признак того, что в Гурбан-Сайхане есть алмазы? Забавный человек.

— Он только что сказал мне, будто среди красных камней нашел настоящий доржпалам.

— Алмаз! — Бадрах уронил на пол пустую рюмку, и она разбилась.

— Да. Жалел, что у меня нет времени взглянуть на этот камень, который светится, словно радуга.

Цокто заметил тогда, как судорожно заходили мускулы на темном лице Бадраха, но не придавал этому значения.

Потом Бадрах весело рассмеялся:

— Ладно! Забудем об этом. В Монголии нет и не может быть алмазов.

— Вы правы, учитель. Откуда взяться алмазам в Монголии? — Он полез в карман, вынул прозрачный желтоватый камешек, который вдруг вспыхнул пронзительными сине-зелеными и оранжевыми огнями, положил на стол перед Бадрахом. — Разве этот халцедон похож на алмаз? Мне пришлось прихватить его, чтобы узнать ваше высокое мнение.

Бадрах от неожиданности зажмурился, потом широко

¹ А и л — одна-две юрты, хутор.

ко открыл глаза, улыбнулся, положил алмаз на ладонь, словно взвешивая. А камень тлел, сверкал, бурно выдавая свою драгоценную природу.

— Запомни, Цокто,— сказал Бадрах строго,— в Монголии нет и не может быть алмазов. Ты хороший геолог и сразу определил, что это простой халцедон. Я безжалостно уничтожаю этот камешек, так как он не имеет никакой цены.

Он небрежно сбросил алмаз на стол, взял щипчики и раздробил камень, стряхнув пыль.

— Как видишь, это совсем обыкновенный кварц.

Бадрах пододвинул Цокто дорогие папиросы:

— Кури. Можешь взять всю пачку. Да, кстати, чуть не забыл главное: передай моему отцу конверт с письмом и подарки — я купил старику хорошую винтовку и патроны к ней. Старик мечтает поохотиться на дикого верблюда. Почти семьдесят лет, а непоседлив, как молодой.

Бадрах подошел тогда к сейфу, выполненному в виде бронзового субургана — ступы, извлек из потайного ящика гербовые бумаги с печатями и подписями. Среди этих бумаг, по-видимому, было и письмо к отцу. Бадрах приписал в конце письма несколько строчек. Потом вложил документы с печатями в большой коричневый конверт, покапал на него сургучом. Письмо сунул в маленький конверт.

— Положи в кожаную сумку и не вынимай до приезда на место — это очень важные бумаги, они не должны попасть в посторонние руки.

— Будет исполнено, учитель.

— Иди! Что бы с тобой ни случилось, ты не должен называть моего имени.

— Я скорее умру, чем назову его.

Вот так, сам того не желая, Цокто оказался среди заговорщиков. Правда, никаких действий от него пока не требовали, но он знал, что могут потребовать. Например, убить Сандага и Тимякова.

Нет, лучше сбежать куда-нибудь, чтобы ни Бадзар, ни Бадрах, ни МВД не могли его найти. Лукавый Бадрах! То-то говорится: когда лиса смотрит на запад, хвост у нее на востоке.

В то время как заговорщики вели разговор о будущем Монголии, Цокто легкомысленно гадал: настоящее

ли знамя Чингисхана или поддельное? От этих монахов всего можно ожидать. Нет человека лживее ламы. Ну, а если знамя настоящее, то хорошо было бы передать его в уланбаторский музей...

Гости пили напиток, прогоняющий старость, — кумыс, ели бараньи головы, «белую пищу» — толстые молочные пенки, сушеный творог, сыр, ели пельмени, жирные курдюки, румяные чебуреки — хушуры, сладости.

Бадзар сам подавал каждому блюда правой рукой, которую поддерживал у локтя (в знак особого уважения), до донышка пиалы дотрагивался вытянутыми пальцами.

Приемные дочери Бадзара, миловидные девушки, подавали на голубых «платках счастья» подогретое молочное вино в серебряной посуде.

Бадзар следил за тем, чтобы все шло по обычаю. Еще до приезда гостей сам тщательно проверил, нет ли пиал и чаш с отбитыми краями или с трещинами: подать угощение в такой пиале значило бы смертельно обидеть гостя. Теперь он бдительно наблюдал, чтобы слуги не касались пальцами краев пиалы, ибо нет человека более брезгливого, чем монгол. Свою фарфоровую пиалу Бадзар носил всегда с собой в чехле, и никогда ничьи губы, кроме его собственных, не прикасались к ее краям. Когда Бадзар умрет, пиала по наследству перейдет его сыну Бадраху, ученому человеку, и Бадрах будет хранить ее как самую большую драгоценность в своем бронзовом сейфе — субургане. Больше всех на еду и на вино навалился разбойник Жадамба; он смачно чавкал, обрезал ножом мясо с костей у самого рта, опрокидывал пиалу за пиалой в рот, и Бадзар, глядя на его узкие, заплывшие жиром глазки, с ненавистью и брезгливостью думал, что бывают узкоглазые, но не бывает узкоротых.

Потом в голове Бадзара пошел красный ветер, глаза налились кровью.

Он уже не смотрел, кому и как подают чашу, соблюдают ли правила и обычаи, не берет ли кто пиалу левой рукой, он громко ругал народную власть и готов был хоть сейчас поднять восстание.

Вдруг за стенками юрты послышался шум. Бадзар отставил чашу с кумысом, поднялся с места и вышел

из юрты. Он увидел, что два его батрака удерживают Чимида, который порывается просунуть голову в дверцу.

«Вздую этого олуха, чтобы не повадно было в другой раз близко подходить к хозяйской юрте!» — подумал Бадзар, пронизывая взглядом Чимида.

Чимид стоял, вобрав голову в плечи, и мял в руках облезлую шапку.

— Коня бы мне... — ломким голосом произнес он. — Сестра умирает. В Дунду везти нужно.

Бадзар сытно рыгнул, подошел к Чимиду вплотную, взял его за ухо и отвел подальше от юрты.

— К врачам надумал ехать? — прошипел он язвительно. — Богоотступник проклятый! Коня нужно? Я тебе покажу коня! Сейчас же убирайся отсюда!.. Ну!.. Пошел на свое место! — Дернув несколько раз Чимида за ухо, он сплюнул и вернулся в юрту.

...Чимид шел по степи. Под гутулами шелестела сухая прошлогодняя трава. Солнце было задернуто серебристой мглой. Темно-синие мрачные горы громоздились одна над другой.

Чимиду припомнился летний день, небо, блеклое от зноя. В небе парят, словно застывшие, птицы, а внизу струится, колышется горячий воздух. Они едут с сестрой по ковыльной степи на нарядно убранных лошадях, вполголоса что-то напевают...

Теперь он был один в степи, и никому не было дела до его несчастья. И он подумал, что, пожалуй, не следовало ему везти сестру сюда. Пусть спокойно умерла бы она в своей серой перекошенной юрте.

ГУРБАН-САЙХАН

Пограничник Тумурбатор сперва лежал в военном госпитале в Баян-Тумене; здесь ему сделали операцию, извлекли несколько пуль. Потом перевели на излечение в Улан-Батор. Могучий организм цирака взял свое: не прошло и месяца, как Тумурбатора выписали из госпиталя. Для окончательного выздоровления дали длительный отпуск в родные края.

— Можешь снова бороться на Надоме, — шутливо сказал врач Тумурбатору.

Он поедет в Гурбан-Сайхан!.. Но как туда добраться? Путь далекий, трудный. Вскоре удалось узнать: в те края отправляется из Ученого комитета экспедиционная машина.

Тумурбатор заторопился в Ученый комитет. Он слегка прихрамывал, опирался на палочку.

Сандаг подробно расспросил его обо всем, весело сказал:

— Твоего отца, Аюрзана, я очень хорошо знаю: он председатель аратского объединения!

— Это так.

— И тебя я знаю: ты «исполин» Тумурбатор?

— В прошлом году мне присвоили это звание,— отвечал Тумурбатор, скромно опустив глаза.

— Хорошо. Ты поедешь с нами. В машине советских товарищей Пушкарева и Басмановой.

Если бы Пушкарев мог знать, что монгол в форме пограничника и есть тот самый Тумурбатор, который привез в Ученый комитет пиропы!.. Но ему это даже в голову не пришло. Пограничника усадили в кабину шофера, а Александр и Валя уселись в закрытый кузов автомашины на груды экспедиционного имущества. Им предстояло долгое время вместе работать, и тем для разговоров было больше чем достаточно.

Машина уносила их на юг, в Гоби, а они говорили, говорили с какой-то непонятной горячностью, будто всю предшествующую жизнь только и ждали вот этой встречи, чтобы выговориться.

— Вы никогда не бывали в Гоби?

— Никогда! Я ведь совсем недавно окончила Саратовский гидрогеологогеодезический техникум. И сразу завербовалась сюда.

— Ух ты! Гидрогеолого... Дальше забыл. Слишком длинный хвост у вашего техникума. Отчаянная вы голова! Да известно ли вам, что по Южной Гоби еще не ступала нога гидрогеолога?

— Значит, мы будем первые.

— Там водятся дикие верблюды и дикие ослы.

— Ну, это не по моей части. Пусть Зыков с ними договаривается. Мое дело — найти основной водный горизонт.

— А вот как вы нащупаете в безводной пустыне этот

основной водный горизонт, ума не приложу. Ощупью? Или у вас особый дар отличать поверхностные явления от глубинных? Или бурить всякий раз? Дороговато.

— Во всяком случае, поверхностного человека от серьезного я всегда отличу. А это иногда труднее, чем найти основной горизонт. Вы что, в науку не верите? Мне всегда казалось, найти алмазы там, где их нет, гораздо труднее, чем воду в степи. Гоби — степь, а не безводная пустыня, как мы привыкли считать. Да знаете ли вы, что тут, в МНР, до нас почти десять лет советские и монгольские ученые изучали подземные водные ресурсы, качество и состав воды. А обводнение района, где мы будем работать, прямо-таки необходимо.

— Почему? Город, госхоз?

— Не только. Из-за нехватки воды каждый год гибнет много скота — сотни тысяч голов. А в Гоби можно разводить и верблюдов, и лошадей, и коров, и овец. Один Южнोगобийский аймак даст миллионы и миллионы голов. Гоби — пастбище, каких нет в мире. Тысячи и тысячи километров пастбищ! Монголия, имея такие необозримые пастбища, как Гоби, может стать самой мощной животноводческой страной в мире.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. Газеты читаю. Это вы привыкли полагаться на свою интуицию.

Она все знала, эта девчонка. Обо всем судила уверенно и смело. И он начинал верить в ее гидрогеологическую интуицию, а сам себе казался беспочвенным авантюристом: ведь ему никогда не приходилось, даже на практике, искать каменный уголь, а тем более алмазы. А девчонка успела пройти стажировку в Казахстане и нашла там в степи воду для совхоза.

Александр досадовал, что приходится ехать, по сути, в закрытой машине, хотя и понимал, что по-другому нельзя: изжаришься на солнце, которое припекает все сильнее, задохнешься от красной гобийской пыли.

Иногда с шумом пролетали стайки копыток — серых птиц величиной с голубя, — и опять слышалось только урчание автомашины. Если попадалась одинокая юрта, кочевники долго махали руками вслед.

«Здесь живут и что-то делают люди», — думал Пушкарев. Монголы перегоняли табуны на новые пастбища,

перевозили свой скарб, юрты, пели тягучие песни. А впереди синели вершины гор, часть которых была покрыта снегом, и эти белки сливались с застывшими на небе облаками.

Им обоим казалось, будто они пробираются по первобытному материку. Все здесь было ново, все поражало.

Поднятая колесами галька с шумом сыпалась на брезент, будто хлестал дождь. Машина раскачивалась и раскачивалась, нагоняя сонную одурь.

В оконца видны были горы и степи, какие они пересекали, щебнистые равнины, перевалы и далекие бледно-голубые гряды хребтов. Иногда на обочине виднелся труп лошади или верблюда, а на нем — мрачный силуэт ягнятника. И снова — бесконечная, плоская, черная равнина с редко разбросанными, словно посаженными человеком, кустиками травы. Машина пересекала красные глинистые пространства, и по ним медленно брели караваны красных верблюдов.

На привалах, а случались они всегда у развалин какого-нибудь монастыря или возле юрт кочевья, похожих издали на белые грибы, Пушкарев и Валя «разминали» ноги. Пустыня казалась серовато-синей, и повсюду валялись прозрачные халцедоны, ониксы и другие полудрагоценные камни. Бери и вставляй в перстень синеватымчатые сапфирины, розовые и красные сердолики, агаты всех оттенков. Пушкареву казалось, будто он шагает во сне, а рядом миловидная девушка в зеленом платье, с легким шарфом на плечах, в маленьких, но прочных сапожках с подковками.

Им было хорошо друг с другом, хоть они ни разу не выказали этого.

— Теперь я понимаю монголов, которые живут здесь; я согласился бы пойти в табунщики, — говорил он.

— Зачем? Или вы считаете себя плохим геологом?

— Кто бы мог подумать, что саратовский техникум с тем самым длинным названием выпускает таких злоязычных специалистов!..

Зной все надвигался и надвигался. Пустыня сделалась коричневатой, она дышала жаром, как раскаленная сковорода.

...Впереди из миражной дымки поднялась стена крутого, скалистого хребта. Потом она загородила полнеба,

нависла сумрачной коричнево-серой глыбой, потом стала уходить вправо, отодвигаться.

И внезапно шофер нажал на тормоза.

Что случилось? Опять привал?

— Вылезай, приехали!..

Неужели конец дьявольской тряске? В первую минуту Пушкарев и Валя даже не поняли, что прибыли на место. Здесь, в голой пустыне, будет город?..

— Вряд ли вы найдете в таком местечке основной горизонт,— сказал он, оглядевшись по сторонам.— Ну и ну! Хотя бы в горах, а то как на столе. А вон там, на западе, наверное, и есть горы Гурбан-Сайхан? Да только до них километров пятьдесят, не меньше. И на юге вижу какие-то горы...

— Ничего, переживем,— отозвалась она.— Основной горизонт я уже чувствую. А вот что вы будете делать со своим основным горизонтом? Где он?

Александр и сам не знал где. Казалось, приедет в Гоби и сразу бросится в юрту старого Дамдина, вернет ему кисет из шагреновой кожи. «Гурбан-Сайхан» значит «Три красавицы». Три горы. Восточная оконечность Гобийского Алтая, хребет большой протяженности. Где стоит юрта Дамдина?.. Жив ли Дамдин?..

Откуда-то вынырнул Цокто. Он совсем почернел от солнца и ветра, скалил белые зубы в широкой улыбке.

— Пушкарев приехал! Зачем? — И трудно было понять, обрадован он или раздосадован.— Угля в здешних местах нет — спрашивал у аратов. Какая погода в Улан-Баторе?

— У Дамдина были?

— Пока нет. Не успел. Где алмаз, покажи?

— Нет алмаза, пропал.

Цокто лукаво прищурился.

— Хитрый ты, Пушкарев. Ладно. Приехал — хорошо. Вдвоем хорошо: ответственности меньше.

Автомашины с экспедиционным имуществом и сенокосилкой, которую Сандаг вез в аратское объединение, остановились у высоких сноповидных кустов дэриса. Члены экспедиции выбрались из кабин и кузовов и засмотрелись на открывшуюся их глазам картину: широкая

долина уходила далеко на юг. Небо над головою было высокое-высокое, и, быть может, поэтому юрты в голубовато-серых просторах казались особенно маленькими, приземистыми. Вдали на северо-западе маячили столбообразные каменные гряды, поднимались бледно-сиреневые сопки. Там начинался величественный горный массив: отвесные черные скалы, острые утесы и бесконечные нагромождения камней. Ближе виднелись золоченые и черепичные крыши монастыря.

— Приехали!.. — негромко, но торжественно произнес Сандаг. Он снова был среди знакомых гор и степей и радовался этому.

Молодой начальник экспедиции распорядился, чтобы выгружали имущество, ставили юрты и палатки. Он сам указывал, где и кому расположиться.

А со стороны стойбища уже мчались на конях или просто бежали люди. Они окружили автомашины. Женщины с чайниками в руках угощали путников прохладным кумысом, парни помогали разгружать автомашины. Все наперебой приглашали к себе в гости. Гвалт, крик, ржание лошадей, звон железа...

Приезд экспедиции всколыхнул сонную жизнь стойбища, куда редко кто заглядывал из города. Если бы машины остановились всего на час, то и это было бы большим событием. И о нем рассказывали бы до следующего подобного случая. Но, по-видимому, машины не собирались уезжать дальше, и араты сгорали от нетерпения узнать цель приезда гостей. Правду ли говорил Цокто о городе и госхозе? Или наврал? Однако гости все до единого были заняты выгрузкой. Каждый что-нибудь делал, и оставалось только помогать им, отложив расспросы до более благоприятного времени.

Араты сгрудились вокруг сенокосилки. Задние напирали на стоящих впереди, взбирались на плечи друг другу. Зажатые со всех сторон верблюды брезгливо задирали узкие губастые морды, ревели, плевались, вызывая возмущение, взрывы хохота и визг девушек. Сверкали бусы, серьги, серебряные украшения. Дряхлые старухи, перебирая трясущимися руками четки, протискивались в передние ряды. О сенокосилке знали только понаслышке. И вот теперь она стояла на пригорке — совершенно новенькая, пахнувшая краской. Всем хоте-

лось получше разглядеть зубья, косу, взобраться на дырчатое железное сиденье, потрогать колеса.

Потом ставили юрты и палатки. Одни тащили решетчатые стенки — ханы, другие — кошмы, жерди, двери. Всеми командовал старик Лубсан, давний знакомый Сандага и Тимякова.

— Слушай, Чулун, или у тебя голова закружилась от кумыса? — ругал он неповоротливого парня в войлочной тюбетейке. — Кто же ставит весной юрту на бугре? Тащи-ка решетки сюда! Ставь здесь, да нижнюю часть решетки раздвинь пошире — юрта будет устойчивее при ветрах. Молодость... учить вас некому, — сокрушенно качал он головой. Сам он двигался мало, только покрикивал. Сразу чувствовалось, что он здесь большой начальник.

— Петли у верхних жердей сделай короче! — кричал он другому. — Наружную кошму попортишь, мангус бесполовый...

Старик следил, чтобы юрты ставили на ровном месте, где нет нор и кладовых мышей-полевков, чтобы не перекручивались пояса юрт, чтобы войлоки не слишком свисали на землю.

Лубсану нравилось распоряжаться. На его добродушную брань никто не обижался, и все его приказания выполняли охотно.

Хотя у Лубсана и был грозный, неприступный вид, Чимид обратился прямо к нему, признав в нем главного.

— Кто ты такой и чего тебе нужно? — сурово спросил Лубсан. — Болтаетесь здесь без дела!

— У меня сестра умирает... врача нужно, — запинаясь, выдавил из себя Чимид. — Мне сказали — поможет.

Лицо старика смягчилось. Он всмотрелся в Чимида.

— Уж не Доржиев ли ты сын?

— Он самый и есть, — обрадовался Чимид. — Мой отец три года назад умер.

— Знаю, знаю. Как-то вместе с ним кочевали.

— Я вас помню, дедушка Лубсан.

Старик крикнул, вынул из-за голенища трубку и набил ее табаком.

— Какой же я дедушка, — обиделся он. — Я твоему отцу ровесник, пустая голова! Вон видишь — русская девушка. Валя. Иди к ней, она посоветует, что нужно

делать. Скажи: товарищ Лубсан, сторож экспедиции, послал.— И он отвернулся от Чимида, занятый своим делом. Лубсан рассудил правильно: больной девушкой должна заниматься здоровая девушка. Если Долгор в самом деле умирает, ее отвезут в Дунду к врачу. На машине быстро можно добраться.

Чимид несмело подошел к Басмановой. Он не верил, что эта девушка, такая молодая, не старше Долгор, сможет вылечить ее.

Валя долго не могла понять, чего от нее хочет этот монгольский парень с печальными глазами. Он куда-то звал ее. В конце концов, махнув безнадежно рукой и дав себе клятву заняться языком, она сказала:

— Явна¹, нохор², пошли. Посмотрю на твою Долгор, хоть и не врач я. Аптечка у нас есть...

Перед закатом солнца все сидели у костра. Пили чай. По верховью урочища проходил караван. Тих был весенний вечер, окрашенный в багряные тона. Мелодичный перезвон ботал каравана, мерно шагающие в багряную даль тяжело нагруженные верблюды создавали величественную картину. За беспокойной линией гор Тимякову чудились и снеговые громады Тянь-Шаня, и кипучая полоса Ганьсу с ледниками Нань-Шаня за ней, и знойная Алашаньская пустыня.

У палаток и юрт на земле расселись кочевники из ближайших селений. Покуривали трубочки, иногда задавали вопросы. Вдали чернели обрывы скал. Рядом стояли оседланные и стреноженные кони, уже который час терпеливо поджидающие своих хозяев. Радист Майдар подошел к небольшому движку на колесах, крутнул два раза ручку; раздалось тарахтенье, и неожиданно над лагерем вспыхнула электрическая лампочка, во всех юртах и палатках тоже зажглись огни.

Араты повскакали с мест, загалдели, окружили столб, на котором висела электролампа; они с изумлением и восторгом смотрели на этот первый электрический свет в безграничной степи. А потом из юрты, где была раз-

¹ Явна — идти.

² Нохор — товарищ.

вернута радиостанция, хлынули звуки: музыка, разговор, песни. Казалось, лагерь экспедиции отделяют от большого мира не сотни километров, а всего лишь ближайшие сопки.

Пушкарев поселился в одной юрте с агрономом, исполнявшим также обязанности метеоролога, Дамбасуреном и Цокто. За несколько часов в степи вырос целый городок из юрт и палаток — майханов. На высокой мачте радиостанции затрепыхался красный флажок. Даже успели развернуть метеостанцию.

Это была первая ночь на новом месте, где Пушкареву и другим предстояло жить, возможно, до зимних холодов, а то и до будущей весны — все зависит от того, как пойдут дела.

Ночью все спали плохо, ворочались. Пушкарев видел в открытое верхнее отверстие юрты черное небо с крупными стрельчатыми звездами и думал о Вале Басмановой, и от этих дум сладко ныло внутри, горела голова. Есть в этой девушке что-то притягательное. Основной горизонт... У каждого человека должен быть основной горизонт — глубина его чувств, его отношение к миру, к людям. Но основной горизонт чаще всего бывает прикрыт осадками из внешней среды, «верховодкой». И «верховодка» у каждого бывает своя: то ли деланное бодрчество, то ли юмор, которым иногда хочется прикрыть нечто серьезное — скажем, любовь...

В некую мгновенную любовь Пушкарев как-то не верил, но почему-то лежал с открытыми глазами и ждал, когда же займется утро, чтобы увидеть Валу. Если бы шагреновая кожа, из которой сделан кисет Дамдина, могла исполнять желания, как в романе Бальзака, Пушкарев пожелал бы... Чего? Он понял, что пока не в состоянии ответить на такой вопрос.

— Я пожелал бы найти алмазы! — сказал он вслух, но должен был признаться себе — думает не об алмазах, а только о встрече с Валею.

...Цокто терзали другие заботы.

Он почему-то не думал, что экспедиция приедет из Улан-Батора так быстро.

Сегодня вечером Бадзар задержал его в своей юрте.

Бадзар сам услужливо наливал водку в чашки Цокто, Накамуры и Очира.

— Совсем богатырем стал,— приговаривал Бадзар, окидывая Цокто взглядом.— А я помню тебя вот таким — ноги до стремени не доставали. Но ты и тогда был резвый и умный не по годам. А теперь — ученый. А покойный отец твой, будь бакши-борхон¹ к его душе милостив, прочил тебя в военные. Род ваш знатный, от великого Мунку-хана, потомка Чингисхана, берет начало. Да только разорили изверги ваше гнездышко, а отца твоего казнили ни за что ни про что. Вот видишь — баганá,— он указал на опорный столб юрты.— Твой отец тоже был багана — на нем держалось наше государство.

Цокто морщился: разговор был ему неприятен.

Накамура благожелательно улыбался. В его глазах было что-то такое, что одновременно и притягивало и отталкивало Цокто.

Пока говорил только Бадзар. А когда захмелели, разговор сделался общим. Цокто осмелел. Теперь он уже дружески похлопывал Накамуру по плечу.

— Я потомок великого Мунку-хана и должен выслуживаться перед каким-то Сандагом, стараться угодить ему! — выкрикивал он.

Японец сидел с открытым по-рыбий ртом и внимательно прислушивался к каждому его слову. Он лишь одобрительно кивал головой.

«Этот пригодится»,— думал Накамура про себя.

Поразмыслив, он отстегнул свой нож в деревянном чехле и протянул Цокто.

— Возьми. Будем братьями. Мой род такой же древний, как и твой... — Однако Накамура не сказал, из какого рода он происходит.

Но Цокто даже не заметил этого. Он передал японцу свой нож.

— Я сразу понял, что ты наш,— пьяно бормотал он.— Этот нож — все, что мне осталось от отца.

— Я помогу тебе, брат,— ласково говорил Накамура.— Если ты будешь умным и сообразительным, то вернешь назад все богатства своего родителя. Как ты убе-

¹ Б а к ш и - б о р х о н — учитель-бог.

дился, ты не один недоволен новой властью. Скоро начнем действовать.

— Нужно начать с Аюрзана, с артели, а уж потом доберемся и до Сандага и до этого русского,— вставил свое слово Бадзар.— Подкараулить... Ты возьмишь на себя Сандага и Тимякова. Вот тебе револьвер...

Цокто сразу протрезвел. Он выпученными глазами смотрел то на японца, то на Бадзара. Ему почему-то сделалось очень страшно и захотелось уйти.

И он понял. Вот в какое дело хочет втянуть его старый Бадзар: в убийство. Уже начинается. Убить Аюрзана, а потом уничтожить экспедицию!

Цокто затошнило от страха. Он едва успел выйти из юрты. Револьвер он оставил на столике. В ушах все еще звучали слова Бадзара.

«Хотят меня погубить. За такие дела не жалуют,— думал Цокто.— Вот пойду и расскажу все Сандагу». Он вернулся в юрту без кровинки в лице.

— Ну как, полегчало? — участливо спросил Бадзар.

— Совсем хорошо. Пойду просплюсь.

Его не стали удерживать.

— Смотри не проболтайся с пьяных глаз,— предупредил Бадзар,— а то быстро в «черный дом» угодишь. Ладно, револьвер завтра возьмишь, а то еще потеряешь спьяну.

Теперь Цокто лежал в палатке, ворочался с боку на бок и не мог уснуть. В свое время он много читал в газетах о заговорщиках, шпионах, но тогда все это казалось ему чем-то далеким, неправдоподобным. А теперь его хотят втянуть в злое дело. Никогда бы он не подумал, что почтенный дядюшка Бадзар — тот самый заговорщик, о каких пишут в газетах. И почтенный Бадрах — тоже шпион. Любопытно, что за гербовые бумаги были в коричневом конверте, запечатанном сургучом, в том, который Бадрах наказал передать отцу? Для кого они предназначаются? Если он донесет на Бадзара, то и Бадрах не останется в долгу: он скажет обо всем, что знает про Цокто. Но разве Цокто обязан отвечать за дела своего отца? Почему он должен скрывать свое прошлое и прятаться всю жизнь? Пожалуй, если он раскроет этот заговор, то никто уже не сможет упрекнуть его в чем-либо. Ведь отца он почти не помнит. И воз-

можно даже, его сделают за эту заслугу старшим научным сотрудником. Зачем ему пастбища и богатства отца? Ведь он ничего не смыслит в хозяйстве, а тех денег, которые он получает в Ученом комитете, ему вполне хватает на жизнь. Главное же — никаких беспокойств...

В конце концов он все же забылся тяжелым сном.

А среди ночи налетел ураган.

Кажется, вчерашний закат предвещал хорошую погоду, а среди ночи ураган унес юрту агрометеорологической станции. Пушкарев, Дамбасурен и Цокто, оглушенные и ослепленные, ползали по земле, кричали что-то друг другу, цеплялись за кусты караганы. Наконец агроном нащупал в темноте руку Пушкарева и крикнул ему в самое ухо:

— Все унесло: и сушильный шкаф и приборы!..

— Нужно было балласт навешать... балласт! — обливаясь холодным потом, орал Цокто.

— А, черт с ним, с балластом!.. Я штаны не могу найти...

Так они и просидели в кустах до утра. Агрометеорологическая станция была развернута на отшибе от лагеря, и все трое не отважились пробираться в лагерь ночью. Когда забрезжил мутный рассвет, они стали ползать по степи и собирать в кучу унесенное ветром имущество. Одежда, приборы, металлические цилиндры под образцы почв были раскиданы по всей степи. Юрта и брюки Пушкарева бесследно исчезли.

— Жертва стихийных сил природы! — хохотал агроном, оглядывая фигуру Пушкарева в изодранных подштанниках. — Мой чемодан не унесло: возьми праздничный халат.

Пушкареву волей-неволей пришлось вырядиться в малиновый халат агронома. Цокто помог замотать кушак. Александр с грустью представил, как в этом наряде покажется Вале.

— Хорош гусь! — произнес он саркастически, путаясь в полах халата. — Куда же унесло мой чемодан? Там кiset Дамдина с пиропами...

— Зачем тебе пироги? Куда по такой погоде поедешь? Никто все равно нас не отпустит, — возразил Цокто.

— Ну, не вечно же будет дуть этот ветер?

— Кто его знает! У большого котла и дно большое. А Гоби — большой котел. Эй, Дамбасурен, что показывают твои приборы? Ты главный даргá¹ над погодой, прогноз давай! А халат хороший — всегда хотел иметь такой! Красная одежда — красивая одежда. Надень, Пушкарев, шляпу и возьми мою трубку с агатовым мундштуком — отбоя от худонских девушек не будет. Уж поверь мне.

Дамбасурен измерил скорость ветра и безнадежно махнул рукой:

— Двадцать два метра в секунду! Теперь будет дуть недели две, пока мозги не выдует.

— Вот видишь, — словно бы обрадовался Цокто, — сидеть придется, ждать. Дней в году много, куда спешить? А пиропы твои далеко не унесет — найдем.

Пушкарев забрал коробку под образцы, и они побрели к лагерю. Ветер поднимал в воздух пыль, выдергивал с корнем траву, подрезал ее, как ножом. Праздничный халат Дамбасурена из малинового сразу же превратился в серо-буро-малиновый. Пробираться приходилось больше ползком. Лица почернели. Легкие, казалось, вот-вот лопнут от страшного напряжения. Но они все-таки добрались до лагеря. Здесь уже все были на ногах. Кто укреплял юрты, кто разыскивал по степи коней и унесенные палатки, ставил мачты.

Валя не сразу признала Пушкарева, а когда разобралась, то даже не улыбнулась, только сказала серьезно:

— У вас на лице свежая царапина. Какой страшный ураган был ночью! Никто не спал. Умойтесь да присаживайтесь — смажу царапину йодом.

— Да что вы в самом деле, Валентина Васильевна, и так заживет!

— Умывайтесь, вам говорю.

Он не заставил себя упрашивать, умылся и уселся на раскладной табурет.

Валя навертела на палочку вату, обмакнула ее в пузырек с йодом и смазала царапину на лице геолога. Он взглянул в зеркальце и поморщился.

¹ Д а р г а — начальник.

— Разделали вы меня под орех. На бенгальского тигра стал похож.

— До свадьбы заживет,— пошутила она, а он подумал, что пальцы у нее тонкие и пахнут степной полынью: горьковатый запах, волнующий, как далекое воспоминание детства...

В юрте было тепло и уютно. Уходить отсюда не хотелось, он даже забыл о том, что вид у него в малиновом халате, должно быть, нелепый.

На раскладной кровати под зеленым одеялом лежала монголка Долгор. Ее перенесли сюда по приказанию Вали. Басманова сразу же приняла горячее участие в судьбе больной. Ее страшно поразила грязь в юрте, где до этого больная лежала. Никакого ухода за Долгор там не было.

— Да в такой грязи и здоровый зачахнет! — возмутилась Валя.— Нужно немедленно организовать медпункт.

Сандаг согласился.

— Медпункт здесь скоро будет,— сказал он.— Аюрзан затребовал фельдшера из Улан-Батора. Обещали прислать. Сейчас тяжелобольных возят в Дунду. Эту девушку также придется туда отправить с попутной машиной.

— Хорошо. А пока пусть находится у меня, я знаю, как лечить цингу, а то опять знахарь какой-нибудь отравит. Ничего, поправится; агроному придется разориться: выдать ей из семенного фонда немного картошки.

— Этак вы меня совсем ограбите со своими больными,— возмутился агроном.

— Ну, а если я вас очень попрошу... — вкрадчиво сказала Валя.

— Эх, беда! Ну, что же делать. Придется. Для вас, Валентина Васильевна, двери агрометеорологической станции всегда открыты. Не могу равнодушно смотреть на русских девушек.

К вечеру батраки Бадзара принесли Пушкареву его побитый о камни, разодранный чемодан. Все вещи оказались на месте. Не было только кисета из шагреновой кожи.

— Уму непостижимо! — удивлялся Александр.

— Я же говорил, чемодан найдут!

— Пропал кисет с пиропами. Моя шагреновая кожа.

— Выходит, вывалился в щель. Не горюй, Пушкарев: поедem к Дамдину, еще попросим. А если тебе нужна шкура кулана, то подстрелим кулана — их тут много.

«Странное стечение обстоятельств,— подумал Пушкарев.— Но, может, я слишком подозрителен? Утихнет ветер — и сразу же поедem к Дамдину...»

КОТЛОВИНА ПЕЩЕР

Бадзар жестом пригласил Цокто в хоймор¹, усадив на почетное место, учтиво справился, не болит ли голова и как спалось. Он даже налил Цокто из графина водки.

— Хорошие ли новости, Цокто?

— Я уезжаю.

— Куда?

— С русским Пушкаревым едем в горы, образцы искать; у Дамдина-гуая про красные камни-гранаты расспрашивать будем.

— Погуляй, проведай Дамдина: одряхлел он, скоро помрет. Когда поедешь? — равнодушным голосом спросил Бадзар.

— Вот ветер утихнет, а то в пропасть вместе с конем столкнуть может. Зачем рисковать?

— Да. Я бы советовал подождать,— вкрадчиво произнес Бадзар.— Ну, денька три. Вдруг в тебе здесь нужда будет. По нашим делам.

Цокто угрюмо молчал. Наконец он твердо произнес:

— Я не хочу участвовать в заговоре. Мне не нужно никаких пастбищ.

Бадзар оторопело взглянул на Цокто и выронил из рук чашку. Накамура поднялся с постели и зловеще усмехнулся.

— Ты что же это... струсил? — процедил он сквозь зубы.— Потомок Мунку-хана...

— Я никогда не был японским шпионом и не хочу быть им,— отвечал Цокто, смело глядя в лицо японцу.

Японец захохотал.

¹ Х о й м о р — почетное место в юрте.

— По-твоему, почтенный Бадзар, отец твоего учителя,— шпион?

— Если он замышляет такое дело...

— Ну что ж, Цокто. Иди, доноси.— Он вынул нож и поиграл им.— Только помни: за каждым твоим шагом будут следить десятки глаз, а потом тебя найдут наутро в твоей юрте с перерезанным горлом. Не забывай: нас много, а ты, предатель, один.

Глаза Цокто налились кровью, кулаки сжались.

— Я не предатель... и не собираюсь доносить. Просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Ах, вот чего ты хочешь! Мы надеялись на тебя, доверили тебе тайну, а ты?.. Нет уж, Цокто, быть тебе с перерезанным горлом,— добавил японец почти добродушно.

Цокто задумался. Его страшил спокойный тон японца. А Бадзар, не повышая голоса, миролюбиво говорил:

— Ты подумай, Цокто, подумай. Никто тебя не торопит. Или тебе не хочется снова стать владетельным князем? Нам нужен не ты, а твое имя. Все остальное будет делаться руками других.

«А пожалуй, на их стороне сила,— размышлял Цокто.— Чего доброго, японцы войдут в Монголию, а я останусь ни при чем».

Остаться ни при чем Цокто не хотелось. Не простившись, он ушел из юрты Бадзара. Целый день все валилось у него из рук. «Не раскрою заговор — попаду в тюрьму,— думал он.— Откажусь участвовать в заговоре — горло перережут. А пожалуй, лучше оказаться в тюрьме».

В невеселом настроении вернулся Цокто к Бадзару. Тот уже приготовил водку и закуску. Приемные дочери развлекали японца игрой на хуре¹.

— Ну как, надумал? — бесцеремонно спросил Накамура.

— Приказывай, начальник,— сказал Цокто, залпом выпил поднесенную водку и грузно опустился на скатанные ковры.

— Мы поручаем тебе самое маленькое дело,— ска-

¹ Х у р, или м о р и н х у р,— музыкальный инструмент.

зал Бадзар, сладко жмурясь,— задержи русского геолога в лагере на три дня. Можешь?

— Ну, такой пустяк сделаю. Да мне и делать ничего не придется: все зависит от вас.

— Почему, Цокто, от меня?

— У Лубсана справлялся: к старому Дамдину на автомашине проехать никак нельзя — на пути скалы. Только на лошадях можно.

— Лубсан сказал правду.

— В экспедиции коней нет. Много коней надо. Для гидрогеологов, для почвоведов, для начальства, для рекогносцировочных поездок. Бензин беречь надо. В артели купить хотят, у вас — тоже. Завтра Сандаг и Тимяков к вам придут покупать. Зачем сразу продавать? Ураган коней угнал. Вон артельщики свой скот по всей степи и в горах ищут. Кто коней сейчас продаст?

— У тебя мудрая голова, Цокто,— похвалил Бадзар.— Хорошо, что предупредил о Сандаге и Тимякове. Коней им, пожалуй, продам. Почему не продать?

Когда он ушел, Бадзар сказал японцу:

— Мне потребуется на эти три дня твой Очир.

— Зачем?

Бадзар замялся, потом порылся в деревянном расписном сундуке, вынул из него кожаный мешочек.

— Это кисет того самого Дамдина, о котором упоминал тут Цокто. В степи сегодня утром мои люди нашли. Кисет не простой. Вот гляди! — И он высыпал на ладонь красные кристаллы.— Сын пишет: поезжай в юрту Дамдина и любой ценой узнай, где он достал красные камни. Там, где растут эти камни, растут и алмазы! Это здесь, совсем близко, в горах Гурбан-Сайхан. Русский геолог Пушкарев нашел алмаз среди красных камней. Алмаз!

Накамура от неожиданности даже привскочил на войлоках. Лицо побледнело от сильного волнения.

— Алмазы?..

Он представил себе, как набивает карманы алмазами. Много алмазов. Сказочное богатство. И они здесь, совсем рядом... Даже если восстание потерпит крах, Накамура все равно останется в выигрыше.

— Я поеду с тобой! — заявил он решительно и встал.— Едем сейчас же! Мы должны опередить их...

Если они найдут гнездо алмазов... Сюда понаедет столько начальства и милиции, что о восстании нечего будет и думать.

Бадзар ласково потянул его за рукав.

— Сиди. Твоя доля от тебя не уйдет. Ты — японец, по лицу видно. А на нас с Очиром никто не обратит внимания: Бадзар со своим батраком разыскивает пропавший табун. Сейчас все ищут свой скот. Тут ведь главное, чтобы Пушкарев не встретился с Дамдином. А об этом я уж позабочусь. Хозяевами тайны алмазов будем мы. Только мы. Эта тайна должна умереть для других... А тебя в другую юрту спрятать нужно. Там, где Жадамба.

Как ни был возбужден Накамура, он все же вынужден был согласиться с тем, что Бадзар прав. Тут ведь самое главное — и сеть не порвать, и рыбу поймать...

— Разделяю ваше нетерпение быстрее проверить заявку старого Дамдина, — сказал Сандаг Пушкареву. — Если нам посчастливится найти хотя бы признаки алмазного месторождения, это будет огромный вклад в геологию Монголии. Некий авантюрист Карст, который незаконным образом немало выкачал из Монголии всякого добра, называет нашу страну драгоценной шкатулкой с золотым дном. А я думаю, чем быстрее мы овладеем сокровищами этой шкатулки, тем скорее наш народ перейдет к оседлой жизни. Отдаленное будущее Монголии мне и представляется как овладение нетронутыми сокровищами ее недр. А сейчас нам нужны верховые лошади, обьежженные. А в табунах они почти все дикие. Придется идти на поклон к Бадзару. У него табунщики беспрестанно обьежают лошадок, а его агенты продают их на конском базаре в городе за большую цену. Да и за кордон, как установлено, он незаконно перегоняет лошадей. Ну ничего, придет время, араты схватят его за руку. А сейчас пойдем просить.

— А почему бы не купить сразу у артельщиков? — спросил Пушкарев.

— Артель пока маленькая — всего шестьдесят хозяйств, это бедняки. Они все отдадут нашей экспедиции, если попросим. Но нам нужны лучшие лошади. Стоит

ли артельщиков на первых же порах лишать лучших лошадей? Да и весна в этом году никудышная, много лошадей у них пало от бескормицы. Конечно, наведемся и к ним. Но сперва попытаем счастья у Бадзара. Не обеднеет!

— У Бадзара сын ученый,— подал голос Тимяков,— пусть старый нударган выручает науку.

— А что такое нударган? — поинтересовался Пушкарев.

Сандаг и Тимяков рассмеялись.

— Нударган? Кулак, значит. Не забывайте: в Монголии есть еще кулаки. И князья есть, хоть и без подданных.

Бадзар встретил гостей на пороге.

— Сайн байну, Бадзар-гуай! — приветствовал его Тимяков.

— Спасибо. Гостям всегда рады,— ответил по-русски Бадзар.— Проходите, милости просим.

Им пришлось согнуться, чтобы пролезть в дверцу юрты. Тимякову и раньше много раз приходилось бывать в гостях у монголов. Налево от входа в юрту обычно висели уздечки, седла и другой инвентарь. Направо располагалась женская половина с домашней утварью. Но в юрте Бадзара не было ни седел, ни бурдюков с кумысом и кислым молоком. Всюду лежали дорогие ковры. В северной части стояли золоченые статуэтки бурханов, медные чашечки, налитые чаем с молоком,— жертвы богам, висели четки, бусы и другие принадлежности культа. Здесь же помещалась рамка с портретом Калинина, а также фотографии сына, Бадраха. На одной из них Бадрах сидел, обнявшись с американским палеонтологом Эндрюсом. На другой — в обнимку с известным шведским путешественником Свеном Гедином.

Заметив, что гости рассматривают фотографии, Бадзар улыбнулся и сказал:

— Мой сын, что верблюжья колючка — на вид невзрачен, а корни пустил глубоко. Ученый... Не в меня пошел.— Бадзар на минуту вышел из юрты.— Угощенья не отведав, длинных речей не заводят,— усмехнулся он, возвратясь.

Вошли две девушки в шелковых халатах. Меньшая держала поднос с серебряным кувшином и тремя чаш-

ками. У другой в руках был хур с грифом в виде конской головы.

— Мои приемные дочери,— пояснил Бадзар.— Старуху отправил на горячий аршан — лечить ревматизм, а они занимаются хозяйством.

Девушка с хуром уселась на войлок у ног гостей, тронула струны, и юрту наполнили тягучие, как скрип колес, звуки.

Гости терпеливо слушали музыку, ели жирную баранину, хотя им хотелось поскорее завести разговор о деле. Но Бадзар не спешил. После баранины принесли лапшу — гурельтэхол — и бутылку советского шампанского. Потом стали пить жирный соленый чай.

«Ну, теперь это чаепитие затянется часа на три,— недовольно подумал Сандаг.— Лениво живет, старый черт!» И, не выдержав, сказал:

— Мы к вам по делу. Для экспедиции нужны кони... за деньги, конечно. Уплатим не торгуясь.

Бадзар помолчал. Закурил трубку.

— Хорошо,— наконец проговорил он.— Через неделю поеду осматривать дальние табуны, приведу лошадок. Вам ведь нужны обьезженные — так я понимаю?

— Нам нужно сейчас, сегодня же...

— Куда спешить? Дней в году много,— протянул Бадзар.— Зачем так быстро нужно?

— Разъезжать будем по маршрутам.

— Через неделю — не раньше,— твердо ответил старик.

— Ну, а если раньше? Заплатим больше.

Бадзар улыбнулся сквозь редкие усы.

— Зачем много денег? Здесь не конный базар. Вы — друзья моего сына. Друзей надо выручать. Эй, Жадамба, собачья блоха, завтра же отвези ученых людей к обьездчику Яримпилю... ну, на дальнее пастбище,— пусть выберут таких коней, каких пожелают! Там у меня лучшие. Семь лошадок могу дать. Потом еще дам. Заходите чаще в гости; культурных людей здесь, кроме ветеринара, нет, совсем диким человеком стал, как алмас.

— Приятный старичок, хоть и нударган,— шепнул Пушкарев Тимякову.

Сандаг, не ожидавший от Бадзара такой покладистости, даже растерялся. Будут лошади — можно вовсю

развернуть работу! Правда, семь коней — мало, но где взять?

Пожелав хозяину счастливых кочевков, они вышли.

— Семь коней! — проворчал Сандаг. — Для нас это — капля в море. На первый случай, конечно, обойдемся. Да и то... не будешь всякий раз гонять машину на буровую, жечь бензин. Агроному лошади нужны. Геологам тоже нужны. Микробиологу, почвоведу... Э-э-э, всем надо! Вот что, товарищи: раз у нас организационный период, то и займемся организацией — идем в артель Аюрзана! Он подскажет, где лошадок и верблюдов купить.

Они поехали в объединение.

Аюрзан, Сандаг и Тимяков были старыми друзьями. Пушкарев безмолвно наблюдал за председателем объединения. Ему сразу понравилось широкое добродушное лицо этого человека. Его чуть косо поставленные глаза с толстыми нависающими веками светились таким неподдельным юмором, что невольно хотелось улыбаться.

Аюрзан взял Сандага за руку и повел к сенокосилке. Араты расступились, давая им дорогу.

— Вот о такой машине я и мечтал! Спасибо, что привезли.

Аюрзан бережно провел шершавой ладонью по ярко-зеленой поверхности сенокосилки, сказал:

— Я побывал в Цзамтуйском объединении — там в прошлом году заготовили пять тысяч центнеров сена. Чистого дохода — семь миллионов тугриков. Богато живут цзамтуйцы. Жаль, членов партии у нас мало — я да Арабдан. Бадзар аратов уговаривает, чтобы в объединение не шли. И сладить с ним трудно — опутал всех долгами.

Аюрзан кивнул туда, где стояли юрты Бадзара. Пушкарев заметил, как сжались его кулаки.

— Большое дело ты затеял, — сказал Сандаг. — И мы тебе поможем. А это подарок... — Сандаг порылся в сумке и вынул альбом с конструкциями хашанов — загонов для скота.

Трудно было понять, обрадовал ли подарок Аюрзана.

— Бадзар продал нам семь коней, — сказал Сандаг. — Завтра едем за ними на дальние пастбища, за Девичий перевал.

Аюрзан понял, зачем к нему приехали.

— У нас тоже есть кони на тех же пастбищах. Пошлю с вами Дамчига и своего Тумурбатора, помогут отобрать коней, да и за пастухами Бадзара посмотрят, чтобы не обманули вас, не подсунули плохих лошадок. У Тумурбатора глаз острый. Все дадим вам — и лошадей и верблюдов. Рабочие нужны — все пойдем работать. Только бы поскорее выкурить всю эту нечисть, которая тянет аратов назад...

В тот же день Накамура сказал Цокто:

— Ты со своими русскими друзьями поезжай за Девичий перевал. Там займешься важным делом.

— Каким? — спросил Цокто охрипшим от волнения голосом.

— Нужно посеять недовольство среди аратов. Всякое недовольство ведет к бунту. Я кое-что покажу тебе...

Он достал из потайного места желтый ящик и открыл его. Из слоя ваты извлек несколько черных округлых предметов.

— В этих ампулах заключены самые страшные болезни скота и людей: молниеносная сибирская язва. Животное погибает через несколько минут после заражения в страшных судорогах. Желудочно-кишечная сибирская язва. Опухолевая сибирская язва. Это — сап. А вот это — чума! Теперь ты видишь, Цокто, какое страшное оружие у нас в руках. Кто пойдет против нас, тот умрет от болезней. Если ты вздумал бы изменить нам, то тебе пришлось бы отказаться от еды и питья: всюду стерегла бы тебя смерть. Так вот, я доверяю тебе. Нужно напустить чуму на аратское объединение. Сперва на скот, а потом и на людей, если до этого они не разбегутся. Госхоз появится — мы и госхоз уничтожим! Всех уничтожим! Поезжай на дальние пастбища объединения. Я подошлю Очира, чтобы ты не вздумал обмануть. Ну, а если нужно, то Очир и русских заодно пристукнет. Он кого хочешь может пристукнуть.

Цокто сидел с широко раскрытым ртом. Он с недоверием и боязнью смотрел на японца. Все это было похоже на сказку. В этих маленьких штучках сидели самые ужасные болезни. И японец безбоязненно брал их руками.

— Брось ампулы в родник и колодцы. Мы хотим проверить, насколько ты нам предан.

Трясаясь от страха, сзял Цокто страшные ампулы, сунул в карман.

В горы отправлялись Сандаг, Пушкарев и Цокто. Пришли из кочевья Дамчиг и Тумурбатор. Проводником на свои пастбища Бадзар прислал разбойника Жадамбу.

Завидев пограничника, который уже сменил военную форму на халат, Пушкарев почему-то изумился:

— Это вы — сын Аюрзана? Тумурбатор?

— Я.

— Прямо-таки глазам своим не верю! Ехали от самого Улан-Батора вместе, а оказывается, вы и есть тот самый Тумурбатор... Цокто вчера сказал: сын Аюрзана и есть тот человек, который принес в учком красные камешки. Значит, вы их тогда принесли?

Тумурбатор рассмеялся:

— Дедушка Дамдин попросил передать, ну я и передал. Я у него вчера был. Боялся, не свалил ли ураган его юрту. Цела, и Дамдин цел. Работает, хоть юрта вся трясется.

— Как жаль, что я не знал... Мне очень нужно поговорить с Дамдином. Очень. Я, по сути, из-за этих красных камней и приехал сюда. Где пиропы — там ищи алмазы...

Пограничник заинтересовался.

— Вернемся с дальних пастбищ — проведу вас к дедушке, — сказал он. — Алмазы... Дедушка никогда не говорил об алмазах. Где подобрал красные камешки — тоже не знаю. Наверное, поблизости, раз решил послать в Ученый комитет. Он обо всем охотно расскажет.

Александр хотел сразу же поехать к Дамдину, и в то же время его манила дальняя поездка. Там — неизведанное... За Девичий перевал... Падь ягнятников... Еще какие-то пади и котловины, где можно собрать геологические образцы, получить хотя бы общее представление о горах Гурбан-Сайхан, воспетых всеми великими путешественниками по Центральной Азии.

— На обратном пути проведем Дамдина, — пообещал Сандаг.

Дальние пастбища Бадзара находились в котловине Галын-Алам, что значит «Огненная щель». Странное название. Почему—огненная? Может быть, в памяти людей сохранились воспоминания о каких-то геологических процессах, имевших место там?

— Все гораздо проще,— разъяснил Сандаг.— В этой котловине очень много пещер. Все они заброшены. Когда-то в пещерах жили монахи, был у них якобы свой храм — дацан под землей, где находилась огромная статуя прекрасной богини — женщины Тары. Ее в народе называют Дулмой. И якобы перед статуей на алтаре горел вечный огонь. Об этом вы от здешних кочевников еще не раз услышите.

Но все это, разумеется, сказка. Такая же, как вера в подземных жителей биритов, по-вашему — гномов.

Воображение Пушкарева мигом вспалилось. Пещеры, где, по словам Сандага, до сих пор лежат древние книги и иконы; подземный храм с гигантской статуей богини; вечный огонь...

Пусть сказка. Но он прикоснется к сказке...

Провожать машину вышли все сотрудники экспедиции. Шофер Аракча сидел в кабине строго-величавый и хмурил брови: проедут ли они там, где никогда не бывало ни одной машины?

Машина заурчала. Чимид, который вертелся около нее, крикнул:

— Кочуйте счастливо!

— Эй, эй, я тебя!.. — погрозил шофер кулаком. — Не знает, проклятый, что нельзя доброй дороги перед отъездом желать! Несчастье случится. Деревенщина!..

Лагерь скоро скрылся из виду. Дорога вела в горы. Поднялось багряное солнце, и вершины загорелись медным блеском.

Какая здесь четкость света и тени... Краски яркие, без полутонов, воздух прозрачен и сух. Лесов по склонам гор нет, и оттого они кажутся еще более пустынными и древними. Пади покрыты бело-розовыми тюрбанами дикого лука, и кажется, будто лежит снег.

Вот полуразвалившаяся дозорная башня. Когда-то на ее верхушке по ночам полыхало яркое пламя. Рядом на темно-коричневой скале «знаки Гэсэра», искоренителя десяти зол на земле, — изображение меча. Или покажется

на утесе гробница какого-то древнего богатыря, к ней ведет широкая дорога, уставленная по обочинам каменными глыбами.

Странные горы здесь, в Гоби. Они поднимаются без всяких предгорий и покоятся как бы на едином, общем пьедестале. Какие силы вознесли на этот пьедестал массивы хребтов Дзун-Сайхан, Дунду-Сайхан и Барун-Сайхан? Эти три расчлененных глубокими каньонами хребта и есть массив Гурбан-Сайхан, Три Красавицы: Восточная, Средняя, Западная.

Машина пробиралась на северо-запад, к загадочному Девичьему перевалу, за которым и находятся дальние пастбища.

Разбойник Жадамба, которого усадили в кабину, за всю дорогу ни разу не заговорил с водителем Аракчей. Да и о чем им говорить? Жадамба был угрюмого характера. К сорока годам он отпустил усы и бородку, и они придавали ему еще более мрачный вид.

Жадамба смотрел на шофера и на всех сидящих в кузове, кроме Цокто, как на обреченных. И хотя Бадзар не дал Жадамбе никаких прямых указаний, разбойник решил действовать по своему усмотрению. Он всегда отличался самостоятельностью. Пора начинать! Нужен случай, который всколыхнул бы весь аймак, а то и всю Монголию...

Он испытывал сладкое томление в груди от мысли, что все эти экспедиционные люди находятся в полной его власти и он может погубить их запросто. В пустынных, безлюдных горах всякое случается... Ни один следователь не найдет концов преступления. Жадамба знает такие места, откуда никто живым еще не выходил. Можно обрушить камнепад на спящих людей и на машину, можно завести их в черное болото, столкнуть в пропасть... Да мало ли что можно придумать, если хочешь погубить. Хорошо, когда у тебя есть такой сообщник, как Цокто.

На привале он отвел Цокто в сторону и сказал:

— Ты меня знаешь: я не люблю, когда мне перечат. Револьвер с собой взял?

— А зачем? Мне он не нужен.

— Ты ошибаешься. Ну да ладно. Я сам их всех пере-стреляю.

Цокто помертвел, его начала трясти лихорадка.

— Ну ты, ученый! — прикрикнул на него Жадамба. — Твое дело — держать язык за зубами. Мы порешим их ночью, когда не будет артельных пастухов — они уедут на свои пастбища.

Эти артельные Дамчиг и Тумурбатор не нравились Жадамбе: очень уж с подозрением поглядывали они на него. Да только здесь, в горах, хозяин он, а не они, эти пастухи. Он может хоть сейчас перестрелять их всех по одному.

«Хоть бы машина со всеми нами свалилась в пропасть...» — в отчаянии думал Цокто. Он теперь жалел, что ввязался в эту поездку, надо было сказатьсь больным. Разбойнику Жадамбе что: он скачет по Гоби как ветер — попробуй поймай его! А Цокто привык к спокойной жизни. Ему вся эта затея с восстанием прямо-таки ни к чему... Да, герой Максаржав вырвал из груди его отца сердце. Но разве то же самое не делал его отец с десятками недовольных аратов? Почему Цокто навеки должен быть прикован к своему прошлому, к скрипучей арбе своих предков? Народная власть его ничем не обидела...

Нужно немедленно предупредить всех о злых замыслах Жадамбы. Он знал, что будет за этим: начнется стрельба, и первую пулю разбойник вгонит в живот изменника Цокто.

И Цокто малодушно смолчал. Пусть все будет так, как будет.

...Джаргалантын-Хондий — «Долина счастья» осталась позади. Горы были совершенно лишены почвенного покрова и блестели крутыми гранитными боками. На других кряжах виднелись пирамидальные, конусообразные, ребристые и даже цилиндрические горки. Многочисленные ручьи несли свои прозрачные или желтые, словно впитавшие солнце, воды по ступенчатым ложам и мощными струями низвергались по вертикальным скалистым стенам в долины.

Машина шла по усыпанной обломками скал крутой горной тропе, и было страшно смотреть вниз. Но Аракча искусно выруливал на самых опасных участках.

Был жгучий полдень, когда машина, пройдя сквозь теснины узких и извилистых ущелий, поднялась на перевал, с которого открывался далекий вид. Внизу лежала глубокая долина, покрытая светло-зеленой травой и можжевельником.

Пришлось остановиться: закипела вода в радиаторе. Аракча повернул машину против ветра, но вода в радиаторе по-прежнему шипела, булькала, из открытого отверстия наверху вырывались клубы пара.

— Чутхур¹ проклятый, этот Чимид — пожелал счастливой дороги! — ругался шофер. — Из-за него теперь придется останавливаться через каждый километр.

Но все обрадовались случаю размять ноги. Пушкарев сразу же стал набивать сумку образцами пород. Геология гор Гурбан-Сайхан до сих пор была не изучена, а неисследованное всегда манит.

— Как называется место? — спросил он у Сандага. — Любопытные обнажения...

— Мы на Девичьем перевале.

— Почему у него такое странное название?

— Легенда. В давние времена некий князек-старик решил взять в жены красавицу из бедной семьи. Чтобы погубить соперника, молодого арата, князь приказал ему достать птенца ягнятника. Для этого юношу привязали ремнем к решетчатой стене юрты и спустили на веревке к гнезду ягнятников. Могучие птицы растерзали его. А князь взял красавицу в жены. Но она любила юношу и во время свадьбы бежала в горы. Здесь и замерзла во время снежной бури. А перевал с тех пор называют Девичьим... Падь ягнятников перед нами!

Если существует угрюмая красота, то она воплотилась именно вот в этих громадных сиреневых осыпях Пади ягнятников, в таинственных черных расщелинах, острых иззубренных скалах, на которых повсюду виднеются дикие бараны и козлы с массивными рогами. В радужной дымке, застилающей щербатые утесы, медлительно кружили темные птицы с двухметровым размахом крыльев. То была редкая вымирающая разновидность грифа с «бородкой».

На склонах гор лежал вечный снег, и от него тянуло прохладой. Снег в самом сердце Гоби!.. Он казался розовым, легким, почти нереальным.

Здесь, на Девичьем перевале, Тумурбатор и Дамчиг вылезли из кузова и сказали, что прибыли на место, — артельные табуны пасутся неподалеку; завтра в полдень

¹ Ч у т х у р — черт.

они, пастухи, пригонят отобранных лошадей на перевал, будут ждать ученых людей.

Пушкарев заметил, как пограничник и Дамчиг вроде бы с опасливым интересом поглядывают на Жадамбу, а он старательно отворачивается от них, но не придал этому значения.

Жадамба тихо сказал Цокто:

— Светлый князь, сын князя, боюсь, пастухи догадались, кто я. Мне придется сегодня же покончить с учеными людьми и скрыться. Не страшись, я придумал, как избежать кровопролития: мне не нужно стрелять, убивать, они умрут сами. Я решил заманить их в пещеру, где всегда лед, и заморозить там. Твой друг японец научил меня кое-чему. У меня в кожаной сумке взрывчатая сила — любую скалу своротит. Да что тебе объяснять — сам знаешь про нее, ученый...

Цокто весь сжался. Может быть, все-таки рассказать обо всем Сандагу? Схватить Жадамбу, связать веревками... А потом? Потом будет допрос. Приедут люди в красно-зеленых фуражках, и Цокто придется рассказать о заговоре. Но кто-то из заговорщиков все-таки успеет унести ноги, и тогда за Цокто начнется медленная, но упорная охота. Его могут прикончить конокрады из шайки Жадамбы. Возможно, они уже бродят в здешних местах и только ждут сигнала своего вожака...

А Жадамба заседал и заседал.

— Это дело я сделаю и без тебя... — шептал он. — Иди с пастухами в стада объединения и делай свое дело!.. Ампулы не забыл?

— Взял.

— Вот и хорошо. Просись у Сандага!

Мрачный и совсем упавший духом Цокто сказал Сандагу:

— Не могу ехать дальше — укачало. Всю «простоквашную посуду» растрясло. Передышка нужна. Отпустите с Дамчигом и Тумурбатором.

— Вид у него неважный, — согласился Сандаг. — Ладно, идите. Меня тоже в первые годы укачивало, а потом привык. Теперь на машине не укачивает, а на верблюде укачивает.

А до конца путешествия было еще далеко. Они взбирались на перевалы и опускались в глубокие каньоны.

Наконец в глубокой котловине с желтыми, будто ржавыми, и красными обрывистыми стенами показалась юрта величиной с «корзиночку».

Навстречу машине выскочили два огромных черных тибетских дога, затем показался табунщик на пегой лошади с длинным деревянным шестом в руках.

Спрыгнув на землю, он надавал собакам пинков, а когда они убежали, подошел к машине. Его широкое лицо выражало радость, изумление. И только тогда, когда он увидел Жадамбу, сразу как-то погас, насторожился, насупился,

— Эй, хозяин, принимай дорогих гостей, ученых людей из Улан-Батора! — весело крикнул ему Жадамба, нимало не смущаясь тем, что табунщик стал потихоньку пятиться к своей юрте. — Бадзар прислал меня, — пояснил Жадамба, — ездовых лошадок отобрать для экспедиции. Я ведь теперь у Бадзара в работниках, вроде приемного сына. Кумыс давай! Холодный кумыс.

Табунщик несколько успокоился. Он сообразил, что только один знает, кто такой этот Жадамба. Да и глупо было бы принять ученых людей за соучастников конокрада.

Пообедав консервами и сухим творогом, приступили к отлову лошадей. Нужно было управиться дотемна. По котловине, словно вихри в степи, неслись кони. Табунщик на пегой лошади бросался им наперерез. Ловко накинув аркан, с маху осаживал норовистого полудикого скакуна. Все это требовало предельной ловкости и немалой отваги.

Не прошло и часа, как семь быстроногих иноходцев были отделены от основного табуна и отведены в загон с каменной оградой.

Пушкарев смотрел на табунщика и удивлялся: живет человек совершенно один, принимает жеребят, ухаживает за ними и в бурю и в зной, доит кобылиц, делает из их молока кумыс. Да, подобная жизнь требует большой выдержки и выносливости.

— Кумыс у тебя холодный, а кругом жара, собаки визжат от нее, — сказал Сандаг табунщику. — Где хранишь его?

— Он для подобного дела пещеру приспособил, — подал голос Жадамба.

— Пещеру?

— Да. Тут неподалеку, в конце ущелья. Пещере конца нет; пол у нее изо льда, как речка зимой. Там есть дворец хана Гэсэра — так старики называют, тоже весь ледяной, большие сосульки, величиной с верблюда, с потолка свисают.

Все заинтересовались.

— А вы были в пещере? — спросил Пушкарев.

— Много раз. Тут ведь много пещер. Говорят, есть очень глубокая и большая, где каменный бурхан — женщина высотой с уланбаторский храм Джанрай, а перед бурханом всегда горит огонь. И сейчас, наверное, горит. Он испокон веков горит.

— Сами вы в той пещере были, знаете к ней дорогу?

— Нет, не знаю. А где табунщик бурдюки с кумысом прячет, тут был. На стенах знаки Гэсэра и рисунки.

— Какие рисунки?

— Разные. Лошади, верблюды, козлы и бараны, драконы.

— Драконы?!

— Да.

Жадамба был хорошим психологом. Он знал, что ученые, оказавшиеся в этих местах, и даже иностранные торговцы всякий раз спрашивают о костях дракона, ищут их. И находят. Совсем недавно он побывал у такого торговца, своего старого знакомого, передал ему большой коричневый пакет от Бадзара, за что получил в подарок хороший револьвер и целую пачку тугриков. То были тайные дела, и знать о них никому, кроме Бадзара, не полагалось.

Теперь он направил, как ему казалось, верную, испытанную стрелу в сердце вот этих. Но Жадамба был человеком невежественным, он представления не имел, когда жили драконы, а ученые знали всё.

— Чепуха! — сказал Сандаг. — Изображение дракона в пещере? Только этого не доставало! Да видели ли вы сами рисунок дракона?

— Видел, — не моргнув глазом, отвечал Жадамба. — Вот он, табунщик, может подтвердить мои слова. Да тут и доказывать нечего: пройдите в пещеру — сами увидите. Наш хозяин понесет бурдюки в пещеру, покажет вам рисунки.

— А ты видел нарисованного дракона? — спросил Сандаг у табунщика.

Тот засмутился, потом признался:

— Я рисунки видел, но никогда их не разглядывал: некогда, табуны стеречь надо. Мои бурдюки лежат сразу же у входа, а дальше я не ходил — боюсь.

— Чего же ты боишься?

— Биритов. Ну, тех маленьких людей, которые живут под землей.

— А биритов видел?

— Нет.

— Да и не мог увидеть: нет никаких биритов. Стариковские сказки.

Табунщик спорить не стал.

И Пушкарев, и Сандаг были приятно возбуждены. Им казалось, что они стоят на пороге какой-то тайны. Ледяная пещера — по всей видимости, подземный лабиринт, никем не исследованный... И рисунки, письма... Почему древние письма неизменно волнуют наше воображение? Может быть, потому, что за непонятными значками и иероглифами нам чудится тайна давно отшумевшей жизни?

Всякий раз, увидев плиту, испещренную древними знаками, или же статую Будды, высеченную в скале, обелиск или субурган, Пушкарев невольно останавливался. В горах близ Улан-Батора он встречал наскальные рисунки каменного века, древнетюркского и древнемонгольского времени. Но попадались и такие, которые невозможно было отнести ни к одной из названных групп — они словно бы свидетельствовали о неких цивилизациях, неведомых современному человечеству.

Обследовать ледяную пещеру решили после вечернего чая. Идти к ней придется по узкому и глубокому каньону, у входа в который они и остановили машину. Это был вход в неведомое, в неисследованное...

— Расщелина, по всей видимости, появилась после давнего землетрясения. Оно и раскололо гору надвое. Вам, Александр Сергеевич, представляется исключительная возможность исследовать гору в разрезе, — сказал Сандаг.

— Да мне прямо-таки не терпится приняться за дело! На склонах я вижу отверстия: должно быть, пещеры. И среди них та, где каменная богиня...

— Найти изображение ящера намного важнее. А если хотите знать, не верю я этому типу: все это он слышал от кого-нибудь, да напутал. Далась вам каменная богиня!

— Но вечный огонь на алтаре...

— Да я в разных местах слышал нечто подобное. Если верить всем этим рассказам, то во всех пещерах или груды сокровищ лежат, или статуи необычайной высоты, или же пещера обязательно ведет в мифическую «страну света» Шамбалу, где отсиживается великий Гэсэр-хан. А исток легенд один: караванщики, побывав в соседнем Китае, в Датуне, слышали рассказы о знаменитых Юньганских пещерах, где сохранились колоссальные статуи будд, сделанные искусными скульпторами полторы тысячи лет назад. Или вот — пещеры Могао близ Дуньхуана. В течение девятисот лет никто не подозревал об их существовании. Почти тысячу лет назад монахи, спасаясь от ужасов бесконечных войн, замуровали эти пещеры, оставив там около тридцати тысяч картин в свитках, священные книги, статуи. И лишь в 1900 году некий Ван, остановившись на ночлег в горах, обнаружил тайник. Потом нагрянули иностранные археологи и предприниматели и вывезли сокровища. Так они и рассеяны по всему свету. К этому делу приложил руку и небезызвестный бандит от археологии и палеонтологии Карст, международный авантюрист.

— А как же вечный огонь перед статуей?

— Вам-то как геологу положено знать, что Синьцзян и те места, о которых я упомянул, находятся в нефтяном районе. Там и нефть, там и газ. В Монголии не может быть вечного огня, так как нет промышленных запасов нефти, да и вообще на монгольском плато, как считают ученые, нефти нет и быть не может.

— Почему?

— Мы с вами находимся на первоматерике, где до сих пор прямо на поверхности находят отпечатки лап динозавров. Нефтяная полоса, тянущаяся от Сахалина через Иран до Румынии, лежит намного южнее.

— А я в этом не совсем уверен. Нефть находят и на Урале и в Сибири.

— Но почему-то не добывают.

— Еще будут добывать.

— Сдаюсь. Но за монгольское плато все-таки ручаюсь. Хотите пари?

— А что с меня взять?

— Значит, уверены, что проиграете?

— Это еще ровным счетом ничего не значит. Мне нравится ваша трубка с перламутровым мундштуком.

— Найдите в Монголии нефть, и вы получите трубку. Даже если уголь найдете, все равно отдам. За горючие сланцы готов отдать. Найдите хотя бы что-нибудь.

Они рассмеялись.

Место для ночлега Жадамба выбрал не очень уютное, но приходилось мириться. Палатку раскинули у каменной стены. Глубокое ущелье сквозило синим туманом.

На закате, сидя у костра и попивая чай из узорных пиал, они любовались игрой красок. Теснина переливалась пурпурно-красным и зеленым полымем, отдельные скалы тлели малиновыми и темно-сиреневыми огнями. Другие были иссиня-черные. Пушкарев жалел, что рядом нет Вали. Ему хотелось поскорее попасть в пещеру и там, при свете электрических фонарей, зарисовать загадочные письмена, пока еще не известные цивилизованному миру. Возможно, сообщение о знаках произведет фурор в науке: ведь до сих пор ведутся споры, обитал или не обитал человек в Гоби в древности. Как бы там ни было, но записки Пушкарева обогатятся еще одним открытием, приобретут особый привкус необычности. И когда он вернется в Москву...

Шофер Аракча, намаявшись за день, после чая залез в кабину грузовика и сразу же забылся тяжелым сном.

— Я тоже накрутился, хочется прилечь,— сказал Жадамба.— До сих пор тошнит от бензина. Рисунки вам покажет табунщик.

Надели теплые вещи, захватили термосы с горячим чаем: исследование пещеры могло затянуться на несколько часов. Только табунщик был в своем обычном замызганном дэли¹ и в помятой шляпе с большими обвисшими полями. Он захватил бурдюки с кумысом и, наказав Жадамбе присматривать за лошадьми, повел ученых к пещере.

— Не особенно торопи ученых людей! — крикнул ему

¹ Д э л и — халат.

вслед Жадамба.— Покажи знаки Гэсэра и ледяной дворец. Вот, чтоб не скучал, возьми от меня.— И он бросил табунщику пачку табаку.

...Скалы над головой сужались всё больше, и наконец осталась лишь полоска темно-синего неба. Пушкарев шел вслед за табунщиком и освещал дорогу электрическим фонариком. Идти было легко. Сумрачная глубь ущелья манила, затягивала.

Они едва протиснулись в узкое отверстие — и сразу очутились в пещере. На них дохнуло могильным холодом. Чистый, прозрачный лед под ногами зеленовато искрился.

— А где рисунки и знаки? — спросил Сандаг.

Табунщик протянул руку в глухую темноту:

— Там. Долго идти надо.

— Веди.

На них были шерстяные свитеры, шапки, сапоги с портянками, и все-таки очень быстро руки и ноги окоченели. У Пушкарева зуб на зуб не попадал.

Табунщик уводил их все дальше и дальше.

— Здесь был каток первобытных людей,— пошутил Сандаг.— Хорошо, что прихватили термос с горячим чаем.

Наконец они очутились в огромном зале, стены которого были покрыты непонятными знаками и многочисленными рисунками. Тут были изображения коней, верблюдов, ланей, диких козлов, бегущих охотников.

— А где же драконы? — строго спросил Сандаг у табунщика.— В другом зале? Веди нас туда.

Табунщик переминался с ноги на ногу.

— Я не знаю, о каких драконах толковал тот человек,— сказал он.— Я же говорил, что никогда не смотрел на рисунки, боясь ослепнуть. Тут живут бириты.

— А ледяной дворец Гэсэр-хана существует?

— Да, дарга.

— Веди!

Шли по узкому естественному коридору, который внезапно как бы раздвинулся — и они застыли в немом изумлении: подземная пустота, куда можно было вместить все гигантские храмы мира, была заполнена ледяными колоннами, ажурными арками, хрустальными башнями — сверкающий всеми огнями фантастический город, молчаливый, холодный, оцепеневший навеки и в то же время струящийся, оживающий от малейшего лучика.

Такого ледяного грота им еще не приходилось видеть.

— Не заговори мы о пещерах, возможно, так и не увидели бы всю эту красоту! — горячо воскликнул Пушкарёв. — В конце концов, обойдемся и без драконов.

Нечто нереальное было в архитектуре ледяного грота, словно сотканного из миражей. Даже пронизывающего холода сейчас они не замечали. В благоговейном молчании возвращались к выходу из пещеры.

Очнувшись от своего забытья, когда слышали пронзительные крики, гулко перекатывавшиеся под сводами пещеры.

— Кто-то зовет на помощь! — громко сказал Сандаг. — Побежали!..

У выхода из пещеры, возле бурдюков с кумысом, они увидели Аракчу. Шофер трясся всем телом.

— Что случилось?! — Сандаг схватил его за плечи.

— Там, возле машины...

— Говори, говори!

— Приехали пастухи объединения, пять человек, навалились на Жадамбу, связали его ремнями. А мне сказали, чтобы вас позвал.

— А почему связали Жадамбу?

— Не знаю.

К машине они бежали во весь дух. Первое, что увидели, — лежащего у костра, связанного по рукам и ногам Жадамбу. Вокруг стояли артельные пастухи с длинными арканами.

Были здесь и Тумурбатор, и Дамчиг, и Цокто.

— Почему вы связали его? — спросил Сандаг.

— Араты давно пытались напасть на его след, — сказал Тумурбатор, указывая шестом на лежащего Жадамбу. — Это разбойник. Он много лет угонял наших коней, грабил со своей шайкой юрты аратов. Теперь отрастил бороду, а мы его все равно признали. Сразу признали! Взяли коней — и сюда.

— Вот так происшествие! — озадаченно проговорил Сандаг. — Просили у Бадзара проводника, а он подсунул нам разбойника.

— Бадзар — сам разбойник, — сказал Дамчиг. — Ну и до него, придет время, доберемся. А этого, — он пнул носком сапога Жадамбу, — я сам доставлю в Дунду, сдам в «черный дом».

— Отвезем на экспедиционной машине, — сказал Сандаг.

Пушкарев с тревожным любопытством разглядывал Жадамбу. Разбойник... Только этого еще не хватало!

Жадамба заворочался, бросил на геолога взгляд, полный ненависти. Он хотел что-то сказать, но промолчал.

Тумурбатор протянул Сандагу сумку Жадамбы.

— Здесь взрывчатка и патроны. Собирался что-то взрывать.

Сандаг задумался: в самом деле, зачем разбойнику взрывчатка? И невдомек было Сандагу, что всего лишь несколько минут тому назад сама их жизнь была поставлена на карту.

Жадамбу всю ночь караулили Дамчиг и Тумурбатор. Сандаг и Пушкарев тоже не сомкнули глаз до рассвета. Они говорили о пещерах, о вечном огне, о том, что Котловину пещер обязательно нужно обследовать, если не сейчас, то в недалеком будущем.

— А почему не сейчас? — спросил Пушкарев. — Если мы найдем вечный огонь...

— Опять вы за свое... — сердился Сандаг. — Все это легенды!

— И все же в нашем положении даже легенды следует проверять! — сказал Александр. — Где-то здесь — пещеры, и они, как я понимаю, никем из ученых не обследованы...

— Руки не дошли, — отозвался Сандаг. — Еще успеем обследовать. А впрочем, вы правы...

Он задумался и неожиданно сказал:

— Если бы ваша догадка подтвердилась, это было бы величайшим открытием. Вот что: оставайтесь-ка вы здесь с Цокто недельки на две, обследуйте местность, пещеры... А вдруг!.. К старому Дамдину мы с Андреем Дмитриевичем наведемся, расспросим о пиропах.

Предложение председателя Ученого комитета было настолько неожиданным, что Александр даже растерялся.

— Да я о таком и мечтать не смел! — горячо воскликнул он.

— Оставайтесь. Попросим пограничника Тумурбатора помогать вам. Думаю, согласится. Он ведь приехал на поправку, а здесь приволье.

Наутро Сандаг уехал. Цокто, Пушкарев и Тумурба-тор остались в Котловине пещер, как стал называть ее геолог. Табунщик Яримпиль был рад такому соседству — он тосковал по людям.

КРАСНЫЕ КАМЕШКИ ДАМДИНА

Ветхая, почерневшая от ветров и времени юрта, казалось, выросла в землю. Она стояла в самом сердце гор Гобийского Алтая с незапамятных времен. Кочевники перегоняли табуны коней и гурты овец на новые пастбища, возвращались в уютные пади Гурбан-Сайхана, и только юрта старого Дамдина всегда находилась на своем месте, словно каменный памятник прошлому. О ней в шутку говорили: «У юрты Дамдина одежда ветхая, зато кости крепкие, как у хозяина».

Сколько Дамдину лет, никто не знал: он был стариком уже тогда, когда здесь появились первые юрты стойбища. Скота у Дамдина не было, и вообще никакого имущества, кроме обветшалой, дырявой юрты и набора инструментов для обработки камня.

Кто бы ни заглянул в раскрытую дверь его жилища, всегда видел костлявого старика с редкой седой бородой и плешивой головой, высохшего, как саксаул в пустыне. На нем неизменно был один и тот же старенький ватный халат неопределенного цвета, сбоку висело огниво в серебряной оправе. Он сидел с поджатыми под себя ногами на войлоке перед низеньким столиком. В коричневых сморщенных руках Дамдин держал узкое долотце и маленький молоточек — он работал.

Имя Дамдина знали во всех уголках Южногобийского аймака. К нему приезжали даже из далекого Улан-Батора, чтобы заказать табакерку из нефрита, женские украшения или же каменные шахматы — шатар; Дамдин вытачивал для шахмат фигурки верблюдов, собак, коней, быков.

Да, особенно большую радость испытывал мастер, когда приходилось делать шахматные фигурки. Когда-то он сам увлекался игрой в шахматы и где-то в глубине души верил старинному поверью, по которому мастера шатар живут очень долго, до глубокой старости. Разве его жизнь

не подтверждение тому? Говорят, что самые большие мастера шатара вообще не умирают. Вместо шахматного короля — хана Дамдин теперь вырезывал портрет председателя сельхозобъединения Аюрзана, достойного человека, а ферзь — тибетская собака почему-то напоминает всем богача Бадзара, и все смеются. Особенно много умения старается вложить Дамдин, когда вырезывает фигуру коня. За свою долгую жизнь он выточил из нефрита не один табун коней, и каждый конь не похож на другого, у них у всех свой характер: есть бешеные, норовистые, есть смиренные, ласковые кобылицы, жеребята.

И еще он заметил за собой: годы идут, а смерть словно бы забыла о нем. Умирать не хотелось. К жизни за последние годы появился какой-то особый интерес. Все вокруг так изменилось. И родную землю старый Дамдин стал любить с какой-то особенной нежностью, какой раньше не испытывал.

...К юрте старого Дамдина можно было проехать только с юга, да и то по неверным каменистым тропам. Даже когда осенью араты откочевывали со своими стадами и табунами сюда, в горы, к Дамдину приходилось подниматься по дорожке, протоптанной дикими козлами и баранами.

Бадзар и Очир опустили поводья, предоставив лошадям самим выбирать путь. Они вели запасную лошадь и для Дамдина.

— Я его заставлю показать, где он подобрал красные камешки, — пообещал Очир.

— Сначала человека надо брать лаской, — отозвался Бадзар. — Дамдин, как я понимаю, сущий ребенок. Прожил почти сто лет, а кому они нужны, его сто лет? Где его стада, где богатства? Только и забот — стучать молотком. А красные камни с алмазом отдал первому встречному: приходи — бери. Есть ли у подобного человека разум? В газетах его называют «унэн билигт» — «настоящий талант». А какая ему выгода от того?

— Никакой, — согласился Очир.

— Вот я и говорю: не всякий своим талантом распорядиться может. Самый большой талант — богатеть.

— Мой отец тоже так считает. За то и в чести у японцев. Я тоже хочу разбогатеть. Отдельно от отца.

— Разбогатеешь. Алмазов на всех хватит: держи

подол своего тэрлика! Алмаз — это волшебный камень чандмани, исполняющий все желания. Мне алмазы ни к чему. Для меня главное — чтобы про них народная власть не прознала. Пусть лучше остаются в земле на веки вечные. Боги не всегда справедливы: какой-то нищий старик владеет тайной алмазов, завтра к нему наведается Сандаг со своими русскими друзьями — и тайна перестанет быть тайной. Ты понимаешь, к чему я веду разговор? Ведь говорится же: эту травинку и за траву не считал, а она колет зад.

— Понимаю. Накамура все разъяснил: после того как старик нам покажет гнездо алмазов, его надо убить, а то узнают другие.

— Твой друг японец — мудрый человек, хоть и молод. Кошка точит когти, человек оттачивает ум.

Когда показалась юрта Дамдина, они замолчали и неслышно подъехали к ней, оглядываясь по сторонам.

С того дня, когда Тумурбатор вернулся в стойбище и рассказал о событиях на восточной границе, Дамдин погрузился в глубокую задумчивость. Все чаще и чаще стал поглядывать он на кусок темно-зеленого нефрита — камня вечности, который лежал в его юрте с незапамятных времен.

И чем больше он в него всматривался своими усталыми, но все еще зоркими глазами, тем явственнее проступали контуры некой картины в фигурах: пограничники на вздыбленных конях, а среди них Тумурбатор, — единый вихрь из конских и людских фигур.

Он принялся за работу, трудился от темна до темна и боялся только одного: умереть, не закончив свой труд. Десять пальцев, и все работают, был бы еще один — тоже б сгодился...

Он не услышал, когда в юрту вошли Бадзар и Очир. Бадзар его окликнул. Дамдин спокойно поднял голову. Увидев Бадзара, которого недолюбливал, снова занялся делом.

— Привет тебе, великий дархан¹ Дамдин-гуай! — произнес Бадзар, несколько не смутившись сухим приемом. — Позволь показать камни, а потом мы уйдем. Узнаешь свой кисет?

¹ Д а р х а н — мастер.

И он высыпал из кожаного мешочка на столик красные камешки.

Что-то дрогнуло в лице старика.

— Где ты взял их? — спросил он тихо.

Бадзар почтительно склонил голову.

— Мы пришли сообщить тебе: красные камни попали в надежные руки. Камнями заинтересовались в Улан-Баторе и вот прислали ученого человека Очира, который хочет знать, где рождаются такие красивые камни.

— Да, я хочу знать! — подтвердил Очир.

Старик перевел на него взгляд, долго вглядывался в черты его лица, затем неприметно улыбнулся. Скорбная улыбка мудрого человека.

— Я не помню, где их подобрал.

— Ты должен припомнить! — с легкой угрозой в голосе произнес Очир. — Камни нужны народу. Может быть, ты не помнишь и того, что среди красных камней был один маленький белый? Алмаз! Ты не имеешь права укрывать от государства драгоценные находки.

По-видимому, сообщение об алмазе было новостью и для Дамдина. Он словно бы оживился.

— Я ничего такого не заметил, — сказал он. — Алмазов у меня нет. Откуда здесь алмазы?

— В наши края приехала из Улан-Батора большая экспедиция, — вмешался в разговор Бадзар. — Они хотят знать всё про алмазы. Ты должен помочь. Ты же слышал: мой сын — большой ученый, и я обещал ему поговорить с тобой. Ну не знаешь, где алмазы, скажи, где искать красные камни. Там, где красные камни — там и алмазы.

— У нас есть запасная лошадь, и ты поедешь с нами, укажешь место! — почти выкрикнул Очир, начиная терять терпение. А Бадзар невольно пожалел, что взял в спутники этого глуповатого парня. Своими непочтительными словами он может испортить все дело.

— Дамдин-гуай, — начал вкрадчиво Бадзар, — мы привезли тебе в подарок много пачек дунзы¹; я сейчас наведу к лошадям, принесу кожаную суму, а ты займи разговором ученого гостя. А ты, Очир, не горячись, не горячись...

Когда он вышел, Дамдин, не обращая ровно никакого

¹ Д у н з а — табак.

внимания на Очира, вновь принялся за работу. Потом отложил молоток, долото, спросил:

— Почему Андрей не приехал с вами?

Очир, который никогда не слышал ни о каком Андрее, смешался.

— Выберет время — наведается, — ответил он уклончиво.

— Значит, он еще не приехал из Улан-Батора?

— Нет, не приехал. Скоро приедет. Через два дня.

Снова едва заметная улыбка скользнула по тонким губам старика. Откуда было знать Очиру, кто был здесь до них всего за час: Лубсан решил проведать старого мастера, показал книжку, подаренную Тимяковым, где была фотография и Дамдина, рассказал все уланбаторские и экспедиционные новости и о том, что Тимяков привез Дамдину в подарок тисочки и набор инструментов. А в Гоби хотят построить город, самый настоящий город... Потом Лубсан вынул из сумки сапоги, с подошвой, крепкой, как железо.

«Эти сапоги Андрей привез из СССР; вспомнил, что у тебя гутулы расхутились, просил передать. Возьми. А тисочки и инструмент сам скоро привезет, тебя видеть хочет, о красных камнях расспросить, о тех, какие ты в учком послал».

Вот что сказал всего час назад Лубсан Дамдину.

Подарку Дамдин обрадовался. Это была его затаенная мечта: иметь точно такие же сапоги, как у Андрея. Крепкие сапоги — еще на сто лет хватит...

Дамдин был умудрен годами. Говорил он мало, но догадывался об отношениях между людьми, знал их страсти, их большие дела и маленькие хитрости. У иного, как у этого Бадзара, руки до седла не достают, а он их до неба протягивает, хочет все заграбастать. Если Бадзар уверяет, будто хочет вытереть слезу на твоём лице, то жди — выколет глаз. Теперь Бадзар хочет выдать Очира за ученого человека; крепка у осла челюсть без узды, груба речь у неуча. Стоило Бадзару переступить порог его юрты, и мастер сразу насторожился. Бадзар еще никогда не приходил с добром. Ученые люди много раз наведывались к Дамдину, он научился понимать их как бы особым чутьем, а этот Очир меньше всего был похож на ученого. Русского Андрея он, конечно же, не знает.

Бадзар, выйдя из юрты, долго осматривался по сторонам, а заметив в долине всадников, завел своих коней за высокую скалу и поспешно вернулся в юрту.

— Кто-то едет сюда,— сказал он Очиру.— Четверо. Пора уходить. Приглашай дархана!

— Почтенный Дамдин,— сказал Очир,— у нас нет времени на пустые разговоры. Выходи из юрты, я помогу тебе взобраться на коня.

Но старик уже ничего не слышал и не видел, кроме глыбки темно-зеленого нефрита, где явственно проступали фигуры всадников. И еще он видел за этим нефритом то, что хотелось бы воплотить в других каменных картинах: несметные табуны коней в степи с мягким и волнистым травяным покровом. Он видел огромные отары овец. Дымится аргал в кострах пастухов, ветер уносит дым в степь. Хорошо пахнет дымом, ложится от ветра высокая трава. Кружатся в небе неподвижные орлы, плывут облака, и поднимается от горячей земли струящийся пар. Пасутся стада баранов... А он, Дамдин, словно бы сбросивший года, едет по степи вместе с Тумурбатором и его отцом Аюрзаном и другими артельщиками, едет, считает стада и поет о том, что в жизни все так, как нужно, как хочет он, простой арат, равный хозяин всего этого степного богатства и всей этой красоты. Только подлой, лживой собаке Бадзару нет места в этой новой жизни. И другим, у кого почки обросли жиром от безделья...

У старого Дамдина сейчас было на душе светло и даже в боку не кололо, как всегда, когда долго засиживался за работой.

— Ты что, оглох, старый козел?! — закричал Очир.— Пойдешь или не пойдешь?..

Дамдин с презрением отвернулся от него.

Тогда в порыве бешенства, больше не владея собой, Очир схватил мастера за худую шею и стал трясти, сжал железной хваткой.

— Отпусти,— сказал Бадзар.— Ты задушил его, дурак! Сбрось тело в пропасть!

Дрожало синее небо. Знойные вихри далеко уносили столбы красной пыли. Пыль оседала на чахлые кусты караганы, на оборудование буровой вышки, скрипела на зубах, въедалась в глаза.

Все вокруг словно вымерло, даже ящериц не было видно. Только неумолчно тарахтел движок, нагоняя сонную одурь.

Валя Басманова сидела в полосе короткой черной тени, отбрасываемой кузовом автомашины, озабоченно листала дневник наблюдений, грызла сухую былинку и хмурила давно выгоревшие тонкие брови. На потемневшем от загара лице отражалась тревога. Да и было отчего тревожиться!..

Глубина скважины восемьдесят пять метров... А воды все нет и нет.

Ну, а если ее вообще не будет?..

Она до боли закусил губу, почти с ненавистью взглянула на грузную фигуру мастера Зыкова, спокойно курившего сигарку. Он сидел, по-монгольски поджав под себя ноги, блестели на солнце голенища его сапог. От его квадратного, тяжелого лица так и веяло самодовольством: «Я двадцать лет на буровых. Если все скважины, которые я пробурил за свою жизнь, соединить в одну, то получилась бы дыра от Арзамаса до Нью-Йорка». Почему от Арзамаса? Ах да, Зыков родом из Арзамаса.

Еще в Москве, в геологическом управлении, ей сказали: «Опытный мастер, глаз наметанный. Практик. Правда, в Монголию едет впервые. Доверять, конечно, доверяйте, но ответственность лежит все-таки на вас. Ведь вы техник...»

Техник... Слабовольная девчонка. Не сумела с первого же дня поставить Зыкова на место: не захотела обострять отношений, пошла на поводу. А теперь вот расплачивайся за свою растерянность и неумение руководить...

Валя с горечью вспомнила тот день, когда они выбирали место под эту скважину. Приехали Сандаг, Тимяков.

Зыков шагал неторопливо, часто останавливался, многозначительно кричал.

— Здесь, пожалуй, и заложим,— веско произнес он, остановившись в низинке.

Место сразу же не понравилось Вале.

— Не будем спешить. Боюсь, что вода здесь окажется засоленной,— попыталась возразить она.— Дренажа-то нет, атмосферные осадки заливают низину, сносят соли, выщелоченные из почвы. И вообще в засушливых степях скважины рекомендуется закладывать на возвышенностях. В Казахстане проверила.

Сандаг пытливо взглянул тогда на Валу, потом стал ждать, что скажет Зыков. Чего греха таить, Сандаг больше доверял многолетнему опыту Зыкова, чем знаниям молоденькой девушки-техника. Разумеется, об этом он не говорил, но все было понятно само собой.

Нужно понять Сандага: город будут строить не там, где находится базовый лагерь экспедиции, и не там, где раскинулось стойбище объединения. Там есть колодцы. Но когда стали бурить рядом, сперва пошла соленая вода. Валя поняла: верховодка! А когда пробурили до основного горизонта, хлынула горько-соленая... Только и всего.

Город может возникнуть только в том месте, где много пресной воды. А как ее отыскать в бескрайней пустыне? Где основной горизонт ее? На юге, на востоке, на западе?..

Если бы найти воду... Это теперь дело чести. Что подумает Саша (так она про себя называла Пушкарева), если она так и не найдет эту проклятую воду?.. Хвалилась синица море зажечь... На первых порах провалиться с треском...

Зачем она тогда послушалась Зыкова? Тогда Зыков сказал Вале с насмешкой:

«Вы всё по-книжному хотите, Валентина Васильевна, а я больше в практику верю. Нам особенно выбирать не приходится: данных предварительной разведки все равно нет. Я вот двадцать лет...»

Так эти двадцать лет и решили исход дела. Скважину заложили в «зыковской» низине.

Восемьдесят пять метров!.. Валя досадливо захлопнула дневник, швырнула его на брезент. Кажется, сейчас начнут поднимать бур. Что толку? Опять с тем же результатом... Нужно было больше надеяться на свои знания, а не на опыт Зыкова...

— Вира! — звонко выкрикнул рабочий Скворцов.

— Митнэ! ¹ — откликнулся Чимид, который с некоторых пор поселился на буровой и помогал Скворцову.

Пронзительно заскрипел железный трос о блоки — работала лебедка. Тонкая многометровая свеча штанггнулась и вздрагивала, грозя оборваться. Как медленно ползет бур! Что там?.. Басманова нетерпеливо хрустнула пальцами. Наконец-то...

Над устьем скважины показался колонковый бур — круглая труба с твердой коронкой на конце. Зыков и Чимид, осторожно придерживая его руками, опустили на землю.

— Вода! Честное слово, вода! — Петя Скворцов подпрыгнул, захватил в ладонь мокрый песок. Но Басманова легонько его отстранила, зажала в руке влажную зернистую породу. Сквозь пальцы сочилась влага. Вот она, долгожданная!..

Да, да, в эту минуту Басманова простила буровому мастеру все: и заносчивый тон, и хвастовство, и пренебрежение к молодым специалистам. Вот она, вода... Здесь будет город заложен...

Басманова перевела дух, попробовала песок на язык, сплюнула.

— Соленая... — прошептала она. И уже громко, с отчаянием крикнула: — Степан Степаныч, соленая!..

Бурмастер взял черными заскорузлыми пальцами песок, лизнул, поморщился, протянул неопределенно:

— Да-а...

Валя обессиленно опустилась на жесткую гальку. Она почувствовала, как выдержка покидает ее, злые слезы подступают к глазам. К вечеру окончательно выяснилось, что вода во встреченном горизонте горько-соленая. Зыков, мрачный и сосредоточенный, вертел сигарку за сигаркой, наконец сказал:

— Может, в этой чертовой Гоби и вовсе нет пресной воды! Наше дело петушиное: пропел, а там хоть не расцветай. Сделали все возможное...

Приехали Сандаг и Тимяков. С ними был старик Лубсан. Пушкарев опять почему-то не приехал. А спросить почему, Валя сейчас не отважилась. Если бы он приехал, было бы легче... Где он?..

¹ М и т н э — понятно.

— Ну, что будем делать? — спросил Сандаг.

— Не знаю, — призналась она.

— Будем бурить, — сказал Сандаг.

— Где?

— А вот этого я как раз и не знаю. Вы специалист, вам виднее. Прошлый раз вы что-то предлагали, а мы вас не послушались.

— Я теперь уж ни во что не верю... и в свои прогнозы.

— А вы поверьте, — не сдавался Сандаг. — Мы будем искать воду до тех пор, пока не найдем ее. Это не наше доброе пожелание, а задание правительства. А вы после первых же неудач, как вижу, упали духом. Ищите!

Небо сделалось желтовато-прозрачным. От вышки потянулась длинная тень. Пустыня поблекла, стала более ощутимой, тяжелой. Резко проступили грязно-белые плешины солончаков. Когда совсем стемнело, Басманова ушла подальше от вышки, уселась на еще теплую землю. Впервые за все время она ощутила бесконечное одиночество. Вот она сидит одна здесь, в глухой безмолвной пустыне, и никому-никому нет дела до ее невзгод, огорчений. Даже Саша не приехал. Составил геологическую карту, исполнил, так сказать, служебный долг — и до свиданья, выкручивайся сама. У него, видите ли, своя программа, свои маршруты.

Она такая маленькая и смешная в своей белой панаме и мужском комбинезоне, беспомощная в своей неопытности перед стихией, именуемой Гоби. Разве об этом мечталось в техникуме?..

Ей стало жаль себя. Но она не заплакала. Только плотнее сжала губы. Сейчас она чувствовала, как в ней просыпается то, что всегда жило где-то там, внутри, — упрямство и холодное ожесточение. Завтра она скажет Зыкову:

— Начинаем бурить...

Долгор так и не пришлось везти к врачу. Теперь она жила на буровой, в юрте Басмановой. За ней терпеливо и заботливо ухаживали. Вскоре она стала поправляться. Все в юрте Вали было ей ново и так непохоже на ее прежнюю жизнь. А Валя, с большими лучистыми серыми глазами, так была ласкова, как никто из других людей, с какими Долгор доводилось встречаться. С ней не хотелось разлучаться. Долгор полюбила Валу, всюду ходила

за ней, стараясь сделать ей что-нибудь приятное. А когда девушка уезжала на другие точки, Долгор скучала, томилась и с нетерпением ждала ее возвращения. Едва Басманова уходила, Долгор начинала разыскивать ее. Она заглядывала в каждую палатку и юрту и спрашивала, глядя на встречного серьезными немигающими глазами:

— Орос хухэн хана байну? (Где русская девушка?)

И когда Долгор находила Валя, то счастливо смеялась.

Чимид работал здесь же, на буровой, подсобным рабочим, ездовым, караульщиком и часто навещался к сестре. Как-то он без стука вошел к ней в юрту и застыл на пороге. То, что он увидел, поразило его: в продолговатой жестяной посудине, наполненной до краев водой, от которой шел пар, сидела Долгор, покрытая белой пеной. Басманова терла ей спину мочалкой. Долгор хохотала, хваталась руками за край ванны.

— Халун! (Горячо!) — вскрикнула она.

— Потерпи, голубка: грязи на вершок, — добродушно ворчала Валя, — тебя нужно неделю отмачивать в воде. Грязь не позволю разводить!

Чимид переминался с ноги на ногу, пытаясь сообразить, что здесь происходит.

— Что тебе нужно? — Басманова замахнулась на него мокрой мочалкой. — А ну-ка убирайся вон, бесстыдник этакий! — Она схватила Чимида за плечо и выпроводила из юрты.

Чимид стоял обескураженный, не понимая, в чем провинился.

Потом он уселся на землю, поджав под себя ноги, и стал терпеливо ждать, когда его пригласят в юрту.

Валя окатила Долгор из тазика теплой водой и на минуту залюбовалась монголкой. Почувствовав на себе взгляд, Долгор обернулась. Валя увидела большие миндалевидные глаза, белые ровные зубы.

«Степная красавица», — подумала она. Вынула из чемодана белье, помогла девушке одеться.

— Вот тебе подарок от экспедиции, — сказала Валя, подавая Долгор новую одежду.

Долгор счастливо засмеялась. Ей нравились зеленый халат, коричневые шевровые сапожки, красный берет с серебряным пауком, нравилась новая жизнь и эти люди

из экспедиции, которые относились к ней так ласково и заботливо.

«Почему они все так жалеют меня?» — думала она и не находила ответа.

Долгор надела халат, туго обмотала талию длинным оранжевым кушаком, подошла к небольшому овальному зеркальцу и стала заплетать косы. Ее длинные черные волосы блестели. Глаза сияли, на губах бродила улыбка. Незнакомое радостное чувство переполняло Долгор. Она обернулась и, с трудом выговаривая русские слова, сказала:

— Валя, хорошо!

Русская девушка тихонько рассмеялась. Ей было понятно состояние Долгор. Валя завела патефон, поставила свою любимую пластинку. Долгор присела на ящик, вытащила кисет, трубочку, закурила и стала внимательно слушать песню на непонятном языке. Она не могла понять, где помещаются человечки, поющие на разные лады. Ночью ей грезилось, будто маленькие люди выходят из синего ящика и резвятся на кошмах.

В их юрту заглянул Сандаг. На нем был белый костюм и парусиновые туфли. Глаза у него были веселые.

— Ну, как поживаете, молодежь? А Долгор выглядит совсем хорошо. Красавица!

— Присаживайтесь, товарищ Сандаг, — сказала Валя. — Она очень сообразительная и понимает меня без слов. Хочу сделать из нее повара, а потом — коллектора, а потом — техника.

— Зачислим Долгор в штат экспедиции. Вырастет — начальником Ученого комитета будет, вместо меня. Или хотя бы помощником, — пошутил Сандаг. — Нравится тебе в лагере? — неожиданно обратился он к девушке.

Долгор очень нравилось здесь, но под взглядом чуть насмешливых глаз Сандага она не могла выговорить ни слова.

— Ну, ну, привыкай. Погляжу на тебя через полгода: небось туфли на высоких каблуках потребуются, платье какого-нибудь необыкновенного фасона и эти чулки... как их?..

— Фильдеперсовы, — подсказала Басманова и улыбнулась. — Знаете, товарищ Сандаг, мне бы монгольскому подучиться немного, а то трудно без языка. Только и

уразумела: «муу байна» да «сайн байна»¹. С таким запасом слов нелегко вести расспросы аратов о воде.

— Чего проще. Говорите всем: «Ус хэрихтэ» («Вода нужна»), и вас поймут,— пошутил Сандаг.— А знаете, обучать вас монгольскому языку, вас и вашего инженера Пушкарева, буду я.

— Вы?

— Да. В свободное время, разумеется. Все равно приходится часто наведываться на буровую.

— Как-то неловко. Начальник экспедиции — и тратить время на обучение.

— Ну, начальниками экспедиции становятся, а не рождаются,— снова отшутился он.— Долгор, научи Валу ездить на верблюде. На лошади она умеет, а верблюда боится. А нам всем в скором времени, возможно, придется совершить большой переход на верблюдах.

— Научу. Верблюда не надо бояться. Верблюд — хороший.

— В самом деле,— подтвердил Сандаг.— Я очень люблю верблюдов. Вы не поверите?

Верблюда можно и нужно любить. За его неугомонность и неприхотливость. А поглядели бы вы скачки верблюдов!

— А верблюжье молоко пьют?

— Еще бы! Врачи утверждают, что оно обладает повышенными бактерицидными свойствами. Одна верблюдица в день дает семь литров молока.

— Всё, убедили. Вот если бы они еще так противно не ревели и не плевались.

— Ну, на всех не угодишь. Я и то скоро начну плеваться, если не найдете воду. Знаете, что говорит наш геолог Пушкарев? Вода, дескать, самый важный минерал земли, без которого нет ни жизни, ни счастья, ни любви.

— Что-то он заговорил стихами.

— Может, влюбился в кого, а?

Щеки Вали порозовели, она отвела взгляд от смеющегося лица Сандага и сказала каким-то фальшиво-независимым голосом:

— Пушкарев влюбился? Разве что в каменную боги-

¹ М у у б а й н а — плохо; с а й н б а й н а — хорошо; употребляется и как приветствие,

ню, которую все ищет и не может найти. Зачем она ему? Для экзотики?

— Пушкарев ищет природный газ. Перед богиней якобы горит вечный огонь. А это первый признак выхода газов.

— Оказывается, наш геолог еще скучнее, чем я о нем думала.

Долгор внимательно следила за их разговором, хотя понимала далеко не все. Эти люди казались близкими, родными, такими же, как Чимид. Если бы ее прогнали из лагеря, она умерла бы от горя, так привыкла она здесь ко всему.

С некоторых пор Долгор стала замечать: Валя, ее любимая Валя, стала какая-то невеселая, молчаливая. Что ее заботит? Чимид сказал:

— Воды нет, а Валя самый большой начальник воды.

Воды в самом деле не было. Но Долгор догадывалась: тут все по-другому. «Пушкарева нет... — подумала она. — Когда раньше Пушкарев заходил в юрту, Валя сразу начинала смеяться, радоваться. А вода будет, вода всюду есть... Приехал бы Пушкарев...»

Она любила смотреть, как работают на вышке, и догадывалась о том, что Валя недолюбливает Зыкова, и тоже стала относиться к нему настороженно.

Она, разумеется, не могла понять всех забот Басмановой.

Начали бурить новую скважину.

Поднимают и снова опускают всю систему штанг в скважину, опять поднимают. Зыков только пожимает плечами и скептически улыбается. Пустая затея! Конспектики, книжечки... За двадцать лет работы он узнал, почему фунт лиха. Он не уверен, что и на этот раз будет вода.

Место для новой скважины Басманова выбрала вот как. Еще раз внимательно изучила схематическую карту района, на которой были отмечены выходы пород на поверхность. Улан-сайр привлек ее внимание. Здесь попался лиловый глинистый песок с галькой. В первой скважине такая порода не встречалась. Старый Лубсан подтвердил ее догадку:

— Родники были в Улан-сайре. Потом вода пропала, ушла в землю.

Водоносный юрский слой... Такой же лиловатый песок

выходит на поверхность по ту сторону сайра — сухого русла. Значит, пласты падают в направлении стойбища. Ну, а если скважину заложить навстречу падающим пластам?..

Эта мысль поразила ее. Какое-то внутреннее чутье подсказывало, что ее догадка правильна. И в то же время... Посоветоваться бы с Сашей...

Она колебалась, она боялась брать на себя огромную ответственность. Подошел Зыков, заговорил грубо, раздраженно:

— Не надоели вам конспектики? Ищем вчерашний день... Нечего морочить людям головы!

Кровь ударила в лицо Вале, она медленно поднялась и сказала странно чужим голосом:

— У вас есть совесть или вы печетесь только о своем авторитете? От нас ждут воду. И запомните: хозяин здесь я! Сегодня же все оборудование перевезти на новое место. Начинаем бурение. Вы хорошо меня поняли?

Зыков пренебрежительно передернул плечами и сказал с усталой обидой:

— Делайте как знаете.

...Ночевали в своей палатке, которую поставили неподалеку от юрты табунщика Яримпиля. Пушкарев мгновенно заснул, а Цокто до рассвета лежал с широко раскрытыми глазами, и ему почему-то хотелось умереть.

Приказ японца он выполнил: незаметно бросил страшные ампулы в колодцы, в родниковую воду, образовавшую озерко. На дальних пастбищах объединения были табуны коней и стада крупного рогатого скота: коровы, сарлыки, хайныки. Красных верблюдов-гигантов артель разводила в степных просторах Гоби, где много колючек и солончаков.

Неужели ампулы погубят артельных коней и коров? Это будет тяжелый урон. Если бы члены артели могли знать, что принес им ученый муж Цокто, японский шпион, они, конечно же, растерзали бы его.

Пока Тумурбатор и Пушкарев спят, встать незаметно, оседлать коня — и бежать, бежать куда глаза глядят... Но тогда подозрение сразу же падет на него. Его, конечно же, изловят, как выследили и поймали разбойника Жадамбу. А так никто не сможет доказать, что падеж скота

от чумы — дело рук Цокто. При чем здесь он? Он занимается геологией, и только геологией.

Пришло солнечное утро, и ночные кошмары постепенно рассеялись. Будь что будет... Только бы эти изверги не замышляли ничего дурного против Пушкарева... К незлобивому русскому геологу Цокто успел привязаться и с удовольствием помогал ему.

Котловина была огромная, изрезанная узкими ущельями. Кое-где вход в ущелье загораживали красные глыбы песчаника. Перед глазами вздымались крутые уступы дикого красновато-серого камня — будто навалены пестрые матрацы, повсюду обрывы в форме стен и башен.

Плавно, без взмаха крыльев кружатся высоко-высоко над причудливо выветрившимися скалами бородатые ягнятники, в зеленых долинах, где журчат ручьи, пасутся лошади.

Что-то завораживающее во всей картине, и странно думать, что эта котловина как бы принадлежит Бадзару, где пасутся только его табуны и куда никого не пускают его слуги. По всей видимости, сельскохозяйственное объединение еще не настолько окрепло, чтобы выгнать кулака с лучших пастбищ, а возможно, ученый сын Бадзара профессор Бадрах ограждает его от посягательств аратов. Чужая, сложная жизнь, в которой Пушкарев еще не успел разобраться. Он только может догадываться: здесь, как и повсюду, кипят человеческие страсти.

Он словно бы на другой планете, и все-таки обстоятельства складываются так, что он становится как бы частью этой чужой жизни, занял в ней какое-то место, еще не совсем понятное ему самому.

Он думал о том, как далеко заехал от дома, и даже Валя далеко-далеко за горными хребтами, а она уже стала тем «домом», к которому теперь всегда тянет Александра, хотя между ними еще не было сказано ни слова о любви.

Что ты ищешь в Котловине пещер, Александр Пушкарев? Он и сам не смог бы точно ответить на подобный вопрос. «Охочусь за легендой, за мечтой, а так как это согласуется с планами экспедиции и каждый что-то ищет здесь, в Гоби, лазанье по горам оправдано». От него не требуют, чтобы он сказал: здесь есть то, что нужно буду-

щему городу. Он может сказать: здесь нет того, что требуется будущему городу. И никто не осудит за такие слова. Значит, придется искать в другом месте: может быть, на юге, или на востоке, или даже на севере. Но всегда почему-то кажется, что горы богаче открытой степи и что искать нужно именно в горах.

Он будет искать, искать до тех пор, пока не найдет пористые, проницаемые пески — так называемые коллекторы, пески, от которых за версту несет сероводородом...

Действия Пушкарева не всегда были понятны Цокто. Русский геолог лихорадочно составлял поверхностную геологическую карту котловины и вовсе не торопился в пещеры, ради которых, как казалось Цокто, они здесь остались. В высоких красных обрывах виднелись черные отверстия — входы в пещеры, и туда можно было без всякого труда влезть, но Пушкарев вроде бы и не замечал их.

Вставали они очень рано и, наскоро позавтракав, седлали лошадей и отправлялись в путь. Брали с собой еду и термосы с чаем.

Измеряли толщину и угол наклона обнаженных пластов. Каждый пласт привлекал внимание Пушкарева. Над головой вздымались веерообразные сизые осыпи, а над ними — отвесные столбчатые скалы.

— Где пористые пески, где?! — в каком-то исступлении выкрикивал он, а жгучее солнце палило их лица. — Нет их, даже намека нет. Можно было бы и не тащиться сюда...

Случалось, совершенно изнуренные зноем, они забирались в тень и забывались тяжелым сном. По ним спокойно ползали ящерицы и змеи, но они даже не подозревали ни о чем.

Иногда Пушкарев подолгу сидел, склонившись над картой, втолковывал:

— Как я понимаю, Котловина пещер лежит на антиклинали. Да и все эти горы — сложно построенная антиклинальная зона. Понимаете, к чему я вас подвожу?..

Цокто ничего не понимал, но делал вид, будто понимает. Не все ли равно, на чем лежит котловина, если за три перевала отсюда бушует эпидемия, артельный скот подыхает от чумы... А Пушкарев даже ни о чем не подо-

зревает. И глупый табунщик тоже не знает ничего. Может быть, стоило бы уничтожить и скот самого Бадзара, да жаль лошадок... Артельных почему-то не так жалко.

Пушкарев расспрашивал о Котловине пещер.

— Араты испокон веков называют это место Галын-Алам — «Огненная щель». Почему так, я не знаю. Когда-то здесь в пещерах жили монахи, был у них свой храм — дацан под землей. А куда он девался, никто не знает. Да и не любят пастухи заходить в пещеры, боятся подземных жителей биритов, — отвечал нехотя Цокто.

— А как же они в темноте молились, монахи, которые справляли богослужение в подземном храме?

— Думаю, зажигали свечи. И еще говорят, будто основатель ламаистской веры в далекие времена посетил храм и совершил чудо: зажег на алтаре перед каменным бурханом-женщиной чудесный огонь. Но все считают это сказками и в волшебный огонь, который горит сам по себе, не верят.

— А мне хочется в него верить, — сказал Пушкарев. — Если храм существовал, то нужно во что бы то ни стало найти вход в него. А храм был, иначе зачем все эти пещеры-кельи? Здесь жили не просто отшельники, а ламы, служившие в монастыре.

— Почему так думаешь?

— Сколько пещер? Я насчитал полсотни, а их гораздо больше. И куда ни сунься — везде молитвенные цилиндры с тибетскими письменами, бронзовые статуэтки богов, медные чашечки, курительные свечи, иконы, картины на коже, священные книги, постель, посуда. Отшельники не живут большими общинами; здесь был монастырь, монахи ходили в храм молиться. А где он, храм? То-то же! Почему убежали монахи? Может быть, вспыхнула эпидемия чумы или холеры? Мы нашли пещерный храмовый комплекс. Нужно найти святилище.

Цокто зябко повел плечами: упоминание о чуме сразу испортило ему настроение.

— Какое-нибудь из отверстий и есть вход в храм, — сказал Пушкарев. — Нужно искать.

Цокто не согласился:

— Так никогда не найдем. Надо найти «высокий путь».

— Высокий путь?

— Да. Дорогу из каменных плит. Такая дорога ведет в храм. По ней имели право ходить только ламы.

— Любопытно! Попробуем.

Пещер в самом деле оказалось гораздо больше, чем насчитал Пушкарев. Вход в ту или иную из них можно было отыскать, лишь обследовав каждую щель, каждую скалу — работа под силу большой экспедиции.

Очень скоро Александр понял, что тайну подземного храма одному ему не разгадать. Где этот «высокий путь»? Не лучше ли вернуться в базовый лагерь, где его ждет Валя? Просто если не везет, так не везет! Да ему вообще не везло на открытия. Никогда! Удачливым нужно родиться. Пока ему повезло в одном: он встретил Валу. Встретил и полюбил. Глупая пословица: кому в любви везет — в игре не везет...

И все же он продолжал искать... Изю дня в день обследовали они узкие ущелья, «висячие долины», и повсюду находили пещеры, словно только вчера покинутые людьми. Часто у входа лежали и стояли массивные голубые и зеленые плиты с золотыми знаками. Внутри находили утварь, разные предметы, книги. Пушкарев набрасывался на массивные книги в деревянных переплетах, обтянутых, как объяснил Цокто, человеческой кожей, на пальмовые свитки — сутры, восхищался яркостью красок икон и картин рая и ада, нарисованных на холсте. Тут имелись даже планы небесных дворцов, в которых обитают боже-ства; только нигде не было плана монастыря.

В одной из пещер они обнаружили красочную картину, где было изображено так называемое «колесо жизни»; колесо держал в руках отвратительный клыкастый демон-мангус с темно-синим лицом — символ смерти. В картине было сконцентрировано в образной форме все мистическое учение буддизма, и Пушкарев впервые задумался над тем, как длинен и труден путь человека к истинному знанию.

Повсюду на стенах пещер и на скалах было высечено знаменитое мистическое заклинание: «Ом мани падме хум». Как он понял со слов Цокто, в этой формуле якобы сосредоточена вся магическая сила буддизма.

— А как перевести на русский язык заклинание? — допытывался Александр у Цокто. Тот лишь пожимал плечами.

— Никто не знает. Это ведь на каком-то неизвестном языке — ни монголы, ни тибетцы не могут сказать, какой смысл этой молитвы. Наверное, в Древней Индии знали, а теперь забыли. «Ом мани падме хум» — магическое заклинание, которое несет в себе силу, освобождающую от грехов и исполняющую твои желания. Произнося заклинание «Ом мани падме хум», человек приучает себя уподобляться Будде, словно бы перерождается в него и сам становится богом. Так нас учили в детстве, так говорится в священных сутрах.

— А вы часто повторяете заклинание?

Цокто рассмеялся:

— Я во всю эту чепуху не верю!

Пушкарев скопировал тибетские письма в свой дневник: получилось красиво — многоэтажные знаки, напоминающие нули и пятерки, тройки, математические радикалы.

— Ом мани падме хум... — повторял он, засыпая. — Сезам, откройся! По моему велению, по моему хотению...

...В местах осыпей склоны гор были пересечены пегматитовыми жилами, в которых сверкали блески золота и кристаллы оловянного камня. На дне каждого ручейка лежали тяжелые зернышки золота. Да, в котловине еще не ступала нога геолога. Тут можно сделать много важных и ценных открытий.

Узкие сумрачные ущелья, куда они въезжали на лошадях, неизменно заканчивались тупиками. Повсюду виднелись пещеры — целый пещерный город. Глухие, не ведущие никуда каньоны... Собственно, здесь была окончательность массива Гурбан-Сайхан, как бы южный отрог его — зубчатая стена, закрывающая выход в пустыню.

...Ущелье вело на юг. Оно было настолько узким, что две лошади в ряд едва могли протиснуться. И забрели-то сюда так, на всякий случай. Сверху, из-за камней мог напасть барс: барсы здесь водились в изобилии и они постоянно выслеживали человека, нападали на скот. Их не раз отгонял Тумурбатор выстрелами.

Шелестела галька под копытами лошадей. На минуту остановились перед огромным камнем, словно бы вделанным в скалу. Камень чем-то привлек внимание Александра: на нем были тибетские письма, но не заклинание «Ом мани падме хум», а что-то другое.

— Что здесь написано?—спросил Пушкарев у Цокто.

— Откуда мне знать? Какая-нибудь молитва.

— А я знаю,— пошутил Пушкарев.— Здесь вход в «державу света» Шамбалу. Вход по пропускам.

Они двинулись дальше. Узкое ущелье постепенно расширилось. Они даже не поняли сперва, что произошло: горячий ветер обдал их с ног до головы, и вместо привычных красных и фиолетово-серых обрывов они увидели плоскую черную равнину, усыпанную сверкающей галькой.

Равнина тянулась во все стороны на многие десятки километров, а вдали, в дрожащем мареве, голубели горы — вторая цепь Гобийского Алтая. До гор Сэвэрэй на юго-западе было рукой подать.

— Мы вышли из котловины в пустыню! — крикнул, захлебываясь от восторга, Пушкарев.— Этот проход не обозначен на карте... Вон хребет Нэмэгэту, вон!.. А тот огромный вулканический конус на юге — Ноян-Богдо.

Перед ними зыбилась, струилась черная равнина, а горячий ветер обжигал лица. Гоби, страшная безжизненная Гоби — и ни юрты, ни верблюда, ни человека на всем огромном пространстве. Галька отражала солнечные лучи, от зеркального блеска можно было ослепнуть.

Они выехали в пустыню и двинулись вдоль стены хребта на запад. Над черной, глинисто-щебневой равниной лежало тяжелое безмолвие, иногда вспыхивали вихри и кружились, будто ввинчивался в землю пыльный штопор. Можно было ехать и час и два — и не было конца ни горам, ни пустыне.

Они намеревались повернуть обратно, когда Пушкарев заметил точно такой же камень, как и в ущелье, и с такими же непонятными письменами. Только здесь была нарисована священная птица Гаруда со змеей в клюве.

Слезли с лошадей, подошли к камню. Он прикрывал вход в пещеру. Под изображением птицы Гаруды была начертана ломаная линия. Что-то наподобие пилы.

— Пещера в пустыне? Карстовая, лавовая, эоловая?

— Самая святая пещера,— сказал Цокто.— Видишь каменные плиты? «Высокий путь». Храм! Нашли! И камень с Гарудой, пожирающей короля змей.

Попытались сдвинуть камень, но это оказалось не так-то просто.

— Нужно привести сюда табунщика и Тумурбатора, — посоветовал Цокто.

— Ерунда! Наши лошадки проделают эту работу лучше, чем табунщик и Тумурбатор. Давайте веревку!

Он прямо-таки танцевал возле камня от нетерпения. Неужели Цокто ошибается?..

Обвязали камень веревкой, кони поднатужились и сдвинули глыбу с места. Открылся вход в пещеру. Оставив лошадей, они смело нырнули в зияющее чернотой отверстие. Да и чего им было бояться в этом пустынном месте, где нет ни зверя, ни человека, куда даже вездесущие копытки не залетают? Возможно, даже за последние сто, а то и двести лет здесь никто не бывал.

Пушкарев зажег электрический фонарь. Шли по галерее с гладкими стенами, шли во весь рост; казалось, подземному коридору не будет конца. Но внезапно он расширился, и Пушкарев замер на месте: вдалеке блеснул огонек. Да, то был огонь, и, как они вскоре убедились, большой огонь...

Цокто задрожал от суеверного страха.

— Бириты! — сдавленным голосом произнес он.

— Не говорите глупостей, — одернул его Пушкарев. — Это то, что я искал! Вечный огонь...

Его даже не удивило, что научный сотрудник верит в каких-то там биритов, якобы живущих в подземном железном городе; бириты вечно голодны, так как глотки их узки и они не могут глотать еду; кроме того, у них изо рта все время вырывается пламя и сжигает все, что они подносят ко рту. Ах, Цокто, Цокто, здесь даже в биритов можно поверить...

Впереди был вечный огонь — огонь надежды и исполнения мечты... Голубоватое зарево освещало обширный грот, потолок и стены которого терялись в густом мраке. Храм был велик, больше любого собора, — это как-то сразу угадывалось.

Обитель вечного безмолвия и смерти. Огонь горел как бы сам по себе. Давно умерли люди, зажегшие его, прошли поколения, исчезли могучие азиатские империи пастухов, а он все горел, скрытый от всех и никому не нужный.

Пушкарев выключил фонарь и во весь дух побежал к огню, протягивая к нему растопыренные пальцы. Он

боялся, что видение исчезнет, окажется светлячком. Но видение не исчезало.

Внезапно геолог споткнулся обо что-то жесткое, больно ушиб колено и во весь рост растянулся на полу. А когда поднялся, охнул от изумления: с высоты пятиэтажного дома из мрака пещеры на него смотрело прекрасное каменное лицо богини. Он сперва видел только это огромное лицо с благожелательной улыбкой на пухлых, слегка выпяченных губах, видел тускло мерцающий винно-рубиновый камень во лбу статуи, темно-синий шлем, обнаженные плечи, ожерелье, спадающее на грудь, потом охватил ее взглядом всю, сидящую на каменном цветке лотоса: обнаженное, стройное тело с тонкой талией; левая нога поджата; правая опущена; на колене спокойно лежит рука. Пальцы другой руки подняты вровень с грудью, молитвенно сложены.

— Богиня Тара...— сказал Цокто.

Перед статуей на алтаре ровным голубоватым светом горел вечный огонь. Он выхватывал из темноты лишь часть пещеры, и Пушкарев не сразу понял, что споткнулся о кости какого-то гигантского животного.

Он снова зажег электрический фонарь и теперь больше не глядел на каменную богиню: весь пол пещеры был завален огромными черепами, бедренными костями, позвонками, ребрами... Не хотелось верить собственным глазам: скелеты динозавров!..

«Да уж не сплю ли я?.. Кто притащил сюда стопудовые кости? Зачем? Как жертвоприношение богине?.. Динозавры! Динозавры!..» Он щупал руками белые и темно-коричневые кости, и от одного прикосновения становилось жутко — будто протянул руку в прошлое через семьдесят миллионов лет.

На алтаре лежали округлые камни величиной с огурец. Они не привлекли особого внимания Пушкарева. Приняв их за крупную гальку, он сунул один камень в геологическую сумку.

В институте Пушкарев изучал палеонтологию, многое забылось, но он сразу узнал целый скелет хищного динозавра, его массивные задние ноги с огромными когтями, длинный хвост — метров пятнадцать—двадцать, короткие передние конечности со шпорообразными роговыми когтями на пальцах. Скелет лежал на полу, но чувствова-

лось, что кости разложены со знанием дела, и это удивляло больше всего. Неужели древние ламы знали анатомию давно вымерших ящеров? В такое трудно верилось.

Открытий было так много, что у Пушкарева закружилась голова.

— Мы открыли нефтяной газ! — сказал он Цокто. — Огонь горит не одну сотню лет и не потух. Значит, запасы газа велики. Топливо для будущего города. Говорят, в Китае древние храмы тоже освещались природным газом. Дело сделано! А кости ящеров — огромное богатство для музеев...

Они вышли из пещеры. В глаза ударил блеск пустыни.

Завалили камнем вход. Пушкарев зарисовал в тетрадь и птицу Гаруду и непонятную ломаную линию; двинулись по узкому ущелью обратно, к своей палатке, где Тумурбатор хлопотал у дымного костра. Он был хорошим охотником, и к обеду они всякий раз имели жаркое из дикого козла или барана.

Да, это была победа! Наконец-то Пушкарев доказал, на что способен. А для Вали — новая сказка пустыни: вечный огонь, мягкая, таинственная улыбка богини Тары, скелеты динозавров и кости величиной с телеграфный столб...

Несмотря на обилие впечатлений, Пушкарев заснул мгновенно — как в черную яму провалился.

Цокто ворочался, ему показалось душно, и он вышел из палатки освежиться. Не успел сделать и десятка шагов, как кто-то цепко схватил его за локоть. Это был Очир. При свете звезд его лицо с высокими скулами казалось зеленым, зловещим. Глаза блестели.

— Заждался? А я тут как тут. И за вами присматривал. Огонь в пещере видел, кости дракона видел. Ты молодец, Цокто: артельный скотдохнет, эпидемия. Ветеринары понаехали — не могут понять, откуда чума на коров свалилась. Хотел я ветеринаров порешить, да Бадзар воспротивился: пусть, говорит, моему скоту прививки сделают. Хочешь, твоего русского геолога порешу?

Цокто охватила злоба, она душила его.

— Зачем? — спросил он.

— Как зачем? Не бойся, все сделаю без шума: свяжу его, отволоку в пещеру, положу на алтарь перед бурханом, а священный огонь потушить можно. Геолог нагло-

тается газа и умрет. Никто никогда не догадается, не найдет.

— Священный огонь гасить нельзя.

— Почему?

— Старики говорят, война начнется.

— А разве война — плохо? Война — всегда хорошо.

— Но тот, кто погасит священный огонь, сам умрет. Разве не знаешь? Эрлик-Номон-хан, владыка смерти, смотрит за такими, как ты, каждую минуту.

Очир задумался. Он был суеверен.

— А как же его прикончить, твоего русского? Может, так, как я прикончил дархана Дамдина? Я его задушил, сбросил в пропасть Ногон-могой. Все труп не там ищут, где надо. Пусть ищут.

Цокто Очира не боялся. Теперь, после того как узнал об эпидемии, он уже ничего не боялся: он сам стал государственным преступником. И если заговорщиков схватят, то схватят и его, Цокто; возможно, приговорят к расстрелу. Но в душе все еще жила надежда: как-нибудь вывернусь. А если глупый Очир убьет русского геолога, тогда подозрение падет на Цокто и вывернуться не удастся. Прирезать бы Очира...

— Ты Пушкарева не трогай,— сказал он Очиру строго.— А то мы и тебя можем отнести в газовую пещеру, и твой японский хозяин никогда не найдет тебя.

И в голосе его была такая твердость, что Очир испугался.

— Ну, ну, я пошутил,— сказал Очир.— Фарфоровая посуда не должна ссориться с глиняной. Ты все равно теперь у нас в кулаке, как мышь. Поезжай со своим русским в лагерь, а я тут немного побуду — дела есть, поживу в юрте табунщика Яримпиля.

Через два дня пришла машина. От шофера узнали, что в стадах объединения вспыхнула чума крупного рогатого скота. Пушкарев, Цокто и Тумурбатор, плотно позавтракав жареной бараниной, распростились с Котловиной пещер. Очира нигде не было видно.

ПРАЗДНИК „БОЛЬШОЙ ВОДЫ“

— Ты — со мной, а остальное не так уж важно, — сказала она. — Мне бы частичку твоих удач, и я была бы самым счастливым человеком.

— А кому они нужны, мои удачи, если воды опять не окажется. А мечта найти алмазы рухнула. Куда девался старый Дамдин?.. Что-то мне все это не нравится. Слишком уж много случайностей: пропали пиропы, исчез Дамдин... Ну, а насчет воды у меня все же есть предчувствие — вода скоро будет!

— Не надо утешать. Тут на интуиции далеко не уедешь.

Они шли по степи. Вечернее солнце золотило дали, пустынный простор словно бы затягивал их. Им было хорошо вдвоем, хотелось идти и идти, и заботы дня постепенно уступали место интимному чувству, желанию ни о чем не думать, говорить о красоте жизни, о ее необыкновенности.

— Я совсем извелась без тебя, — сказала она.

— Ну, положим, мне было не слаще. Если хочешь знать, я все это время держался на самолюбии.

— И нашел нефтяной газ. У меня тоже самолюбия хоть отбавляй, да толку от него никакого. А Зыков гоголем ходит: «Все конспектики, конспектики... Без конспектиков воды нет и с конспектиками воды нет». Все-таки ты повидал чудеса, а я за это время, кроме ухмыляющейся физиономии Зыкова, похожей на недожаренную яичницу, ничего не видела. Его вид вызывает у меня аллергию. Если бы можно было хотя бы одним глазком взглянуть на каменную богиню и на кости динозавров! Кости динозавров... Сумасшествие...

— Такая возможность не исключается. Когда я рассказал обо всем Сандагу и Тимякову, они прямо-таки остолбенели. Все суетились возле меня и Цокто, какао и коньяком угощали. И знаешь, что самое обидное: чувствую — Сандаг и Тимяков не верят ни одному моему слову. Сандаг так осторожненько, вроде сам с собой, рассуждает: «Каменной Тары исполинских размеров быть не может. Кто ее изваял? Дзанабадзар, великий скульптор семнадцатого века? Но Дзанабадзар работал с бронзой, с металлами вообще. Резьбой по камню он не зани-

мался. Его богиня Тара — это скульптурный портрет его возлюбленной. Нет уж, извините, пока не увижу собственными глазами, не поверю. Если даже она из мыльного камня или вылепленная из глины, наподобие субурганов, все равно не верю. Цельный скелет динозавра? Да ни один монгол, будь он ламой или пастухом, ни за какие блага в мире не дотронется до костей дракона — потому они и пролежали на поверхности семьдесят миллионов лет. Подобные жертвы богам у нас не приносят. Ну, а вечный огонь, если это не какой-нибудь ламский фокус...» В общем, все мои находки свел к нулю со знаком минус.

— Надо было захватить кость динозавра.

— Надо было. Да как везти чертову кость длиной в восемь метров? Так вот: Сандаг и Тимяков решили, как я полагаю, проверить мою заявку и совершить большую разведочную поездку по Гоби. После того как найдем воду, сразу же отправимся в Котловину пещер, а потом вроде бы спустимся до второй цепи Гобийского Алтая, к хребту Нэмэгэту, и вернемся домой через пустыню, будем обследовать по пути все источники и оазисы. Так что теперь все зависит от вас с Зыковым.

— Ты хочешь сказать — от меня?

— Ну, считай так. Я лично убежден в твоём прогнозе: правильно сделала, заложив скважину навстречу падающим пластам.

На буровую они вернулись в полной темноте. Пушкарев вскочил на свою лошадку и помчался по ночной степи в лагерь экспедиции. Ему хотелось остаться на буровой, очень хотелось, но остаться он здесь не мог.

...Теперь Пушкарев каждый день появлялся на буровой. Найти воду во что бы то ни стало! Помочь Вале... Если говорить по правде, то он только и занят был делами гидрогеологов, забросив поиск угля и горючих сланцев. Своих геологов разделил на два отряда. Отряды, правда, насчитывали не так уж много народу: геолог, шофер, коллектор. Наметил маршруты геологической съемки для них. С утра до поздней ночи разъезжали отряды по степи, описывали все обнажения, все выходы пород, все «наводящие признаки», все источники.

В очень короткий срок составил он предварительную геологическую карту огромных пространств, и Валя могла теперь судить о простираннии тех или иных пластов, а

это главное. Пушкарев обнаружил водоносные песчаники. Большого Саша сделать не мог. В соответствии с предполагаемым простиранием этих пластов и заложили еще три скважины.

Саша Пушкарев... Каждый приезд его на буровую делался для нее событием. Иногда они приезжали с Тумурбатором, и пограничник развлекал Долгор. «А из них могла бы получиться неплохая пара...» — думала Валя. Но чаще всего она думала о воде.

И снова скрипит железный трос о блоки, снова многометровая свеча штанг гнется и вздрагивает — вот-вот оборвется...

Таинственное исчезновение старого мастера Дамдина озадачило всех и опечалило. Куда он мог деваться? В юрте все осталось на своих местах, даже незаконченная работа из нефрита. Меньше всего можно было думать о преднамеренном убийстве почти столетнего старца.

Пушкарев понимал: искать месторождение алмазов бессмысленно, и все-таки он не оставлял надежды. Случались дни и часы, когда они с Цокто и Тумурбатором забирались далеко в горы, обследовали котловины. Но это была, так сказать, побочная, «необязательная» работа.

Пушкарев был геологом, и все, что встречалось на пути, подмечал его острый глаз. Оставив лошадей в каком-нибудь укрытии, они поднимались почти к самым вершинам гор. Тяжелый рюкзак с разноцветными штучками оттягивал плечи. Они прослеживали обширную зону пегматитовых жил, наносили на карту обнажения. Пушкарев брал в левую руку кусок породы и точным ударом геологического молотка отбивал выступающие части.

— Пиропов нет!

Александр объяснял Цокто:

— От внимания геолога не должна ускользать ни одна мелочь. Даже растения помогают иногда делать открытия. К примеру, смолки с розовыми и красными цветами, фиалки и белые ярутки вбирают в себя из земли медь и цинк. Один из видов астрагала с бело-розовыми цветами выдает тайну залежей урана. Если скромные анютины глазки раскрашены в яркие, кричащие тона, то, значит, под ними в земле прячется цинк.

— А вода? — спрашивал Цокто.

— Для воды существуют свои признаки, я говорил о них Басмановой. Если песчаный камыш, вайда, дюнник растут все в одном месте — верный признак пресной воды. А соседство верблюжьей колючки, тамариска и вейника указывает на минерализированные воды.

Цокто все было интересно. Конечно, он не мог признаться русскому геологу в том, что приставлен к нему соглядатаем Бадзаром и Накамурой. Цокто должен следить за всеми находками Пушкарева, и если геолог найдет красные камни или алмазы, сразу же сообщить. Если бы не это обстоятельство, Цокто чувствовал бы себя прекрасно.

— Нет, друзья, — сказал однажды Пушкарев, — искать алмазы в этих горах должна специальная экспедиция. Все гораздо сложнее, чем показалось сначала. Оставим эту затею.

— Оставим, — обрадовался Цокто. — Я ведь еще в Улан-Баторе говорил: нет алмазов!

— И Дамдина вряд ли найдем, — сказал Тумурбатор. Наконец-то и сам Пушкарев понял, зачем он забирается в горы, лазает по скалам, не зная устали: не алмазы ищет! Ищет тело старого Дамдина...

Однажды спросил у Цокто:

— Куда мог деваться Дамдин-гуай?

Цокто почему-то смутился, долго не отвечал. Потом, отведя глаза в сторону, сказал:

— Куда девался? Никуда не девался. Он был стар, очень стар. А когда человек чувствует смерть, он «переходит в степную юрту», ложится на траву и ждет конца. У нас ведь не зарывают в землю, как у вас. Тело Дамдина мы здесь все равно не найдем — в степи искать нужно.

В горы они больше не ездили. И мечта об алмазах потускнела.

— Старому Дамдину камни привозили со всех концов Монголии, — говорил Тумурбатор. — А до революции он их получал даже из Китая и Тибета.

Но Пушкарев не сдавался:

— Почему все же старик послал камни в Ученый комитет? Это же заявка на пиропы!

— Не знаю.

— Пиропы где-то здесь, неподалеку.

Сандагу Александр признался:

— Вся эта история с пиропами и исчезновением Дамдина что-то мне не нравится. Формально ни к чему не придерешься, а есть какой-то смутный осадок на душе, ощущение того, что именно красные камешки погубили старика.

— Ну, это слишком уж смелое предположение: старый Дамдин, возможно, искал нужные камни для своей работы и сорвался со скалы. И сами будьте осмотрительнее: не сорвитесь!

— Я-то не сорвусь, если не столкнут насильно. Ладно, буду искать уголь, буду искать сланцы, нефтяной газ, воду — все, что угодно. А к пиропам все равно рано или поздно вернусь: они должны быть! Я чувствую: они где-то совсем близко, просятся в руки.

Тревога все сильнее и сильнее завладевала Пушкаревым. Да, араты из артели обшарили ближайшие горы и ущелья, но тела старика так и не нашли. Не получилось Шерлока Холмса и из Пушкарева.

Степное спокойствие обманчиво. Кому-то из тех людей, кого он даже не знает, есть дело до русского геолога, кто-то, возможно, следит за каждым его шагом, ждет чего-то.

Он приезжал на буровую, и здесь ему всегда были рады. Иногда его сопровождали Тумурбатор и старик Лубсан, сторож лагеря.

В холодные вечера Лубсан деловито разводил огонь в печурке, усаживался на туго свернутые кошмы, вынимал из-за пазухи книжку и, в который раз, начинал неторопливо перелистывать ее. Это была книга Тимякова, подаренная им Лубсану, книга о Монголии, о нем, Лубсане.

В тот самый день, когда экспедиция приехала в эти края из Улан-Батора, Тимяков, поздоровавшись с Лубсаном, протянул ему небольшую книгу в коричневом переплете, тисненном золотом, и сказал:

— Вот, возьми от меня в подарок — о тебе книгу написал.

Лубсан бережно взял заскорузлыми руками книгу и долго рассматривал золотые буквы. Он не умел читать, но знал, что в книгах скрыта большая мудрость, которая делает людей сильными, и потому относился к печатному слову с уважением. Он стал тогда осторожно перелисты-

вать тонкие страницы, усеянные черными непонятными значками, и неожиданно качнулся в сторону, залился беззвучным смехом.

— Да это же мой верблюд Лентяйка! — вскрикнул он. — И я рядом... — Он схватил книгу и ткнул пальцем в свой портрет. — Всем показывать буду. Ая-яй, хорошо... Ну, спасибо. Порадовал старика!

Теперь, сидя в юрте Басмановой на войлоках, Лубсан перевертывал каждую страницу и когда на фотографиях узнавал своих приятелей, их коней и яков, юрты и собак, то снова заливался смехом.

— А чего здесь написано? — спрашивал он и, когда Валя или Пушкарев объясняли, слушал внимательно, боясь пропустить хоть слово.

— Почитай еще, пожалуйста, — просил Лубсан, когда Пушкарев умолкал. — Спрашивать будут — рассказывать придется.

И чем дальше читал Пушкарев книгу, тем серьезнее становилось лицо Лубсана. Перед старым кочевником проходила вся его жизнь, словно это была книга не его друга Андрея, а судная книга загробного князя Эрлик-Номон-хана, в которой записаны и добрые дела и грехи человека. То видел он себя в рваном халате и старых гутулах, заплатанных шкурой верблюда, загоняющим в лютую стужу хозяйский скот; то вставали перед ним необозримые картины Гоби и Алтая, где водились хулань и янгеры, и он видел себя подкрадывающимся к осторожному, пугливому зверю; то брел он в зной с караваном по пескам Алашаньской пустыни, умирал от жажды и голода, дрался с кровожадным барсом, а в трудные годы, когда погибал весь его скот и зверье уходило неизвестно куда, просил подаяния у монастырских ворот. Было сказано даже о том, как новая власть подарила ему юрту и несколько голов скота на развод. Вся его жизнь точно на ладони представала перед ним. Было здесь и хорошее и плохое.

«Однако мало добрых дел сделал, — думал он с грустью. — Не знал, что книга обо мне будет, а то постарался бы».

Книга произвела на Лубсана большое впечатление. Он решил, что будет хранить ее на божнице, вместе с бурханами.

Любил эти тихие вечера в юрте Басмановой и пограничник Тумурбатор. Он окреп, поправился, чувствовал, как силы возвращаются к нему, стал с нетерпением ждать летнего праздника Надома, надеясь принять участие в спортивных играх, в борьбе с местными силачами.

Ему все больше и больше нравилась тихая, немногословная Долгор, которая как-то робела в его присутствии, смущалась, и стоило больших трудов вызвать ее на разговор. Постепенно она привыкла к нему; заведя его на пороге юрты, улыбалась, спешила подать пиалу холодного кумыса. Совсем осмелев, расспрашивала о службе на границе и о том, как японцы напали на заставу, как Тумурбатор попал в госпиталь. Он не любил об этом рассказывать. Больше говорил об Улан-Баторе, где ей никогда не доводилось бывать.

— Ты видала когда-нибудь многоэтажный дом? — спрашивал он.

Нет, ей было непонятно, как люди могут жить в таком доме, друг у друга над головой.

— Вот поедешь с Вале́й в Улан-Батор, все своими глазами увидишь: промкомбинат, магазины, театр, кино. Про Чапаева интересно. А Надом не то что здесь: тысячи людей съезжаются! Ты спрашиваешь, как в больших домах люди живут друг у друга над головой? Смешная... Вот спроси у Вали или Пушкарева, какие дома в Москве: таких и в Улан-Баторе нет — в ящике наверх поднимаются, лифт называется.

Вспыхивала электрическая лампочка. Делалось тепло и уютно. Появлялись Чимид и Гончиг, который все еще батрачил у Бадзара. Они устраивались прямо на полу и жадно ловили каждое слово Пушкарева и Вали. Пушкарев знал много интересных историй, но лучше всего он умел рассказывать о той стране, откуда приехал в Монголию. Это была удивительная страна, и рассказы о ней Долгор готова была слушать хоть до утра. Пушкарев говорил о далекой Москве, где все было чудом: и высокие дома с зеркальными витринами, и стальные мосты, и бесконечный поток автомашин. Там находилось диво из мрамора и металла — солнечная улица под землей. А вечером на башнях Кремля загорались рубиновые звезды. Валя вспоминала полноводную Волгу, так милую ее сердцу. Она задумчиво смотрела в открытую дверцу

печурки, где весело потрескивали дрова, и неторопливо рассказывала о белых пароходах, огромных плотках, медленно плывущих вниз по реке, об изогнутых парусах у дымного горизонта.

Иногда Пушкарев и Валя говорили «не для всех», а для себя.

Долгор не знала, о чем они говорят, но по выражению их лиц, по интонации голоса можно было догадаться, что разговор идет все о той же большой стране, которую называют Советским Союзом. Должно быть, в этой стране и в самом деле очень хорошо, так как после воспоминаний о ней оба делаются очень грустными и долгое время сидят молча.

Все это были будни экспедиционной жизни.

Великий праздник Надом, которого с таким нетерпением ждал Тумурбатор, подкрался как-то незаметно. Он совпал с радостным событием на буровой.

А произошло все так. Решили бурить и по ночам. Сроки поджимали да и нет иссушающего зноя, легче работать. Они достигли проектной глубины, а воды все не было. Валя нервно кусала губы. Неужели все ее надежды — только досужий домысел?.. Самое страшное — это то, что будет потом, когда бур пройдет проектную глубину...

Бур прошел ее.

Под утро после очередного подъема агрегата из скважины вдруг с силой вырвался мощный фонтан воды. Этого вроде бы и ждали, но все случилось так неожиданно, что все растерялись.

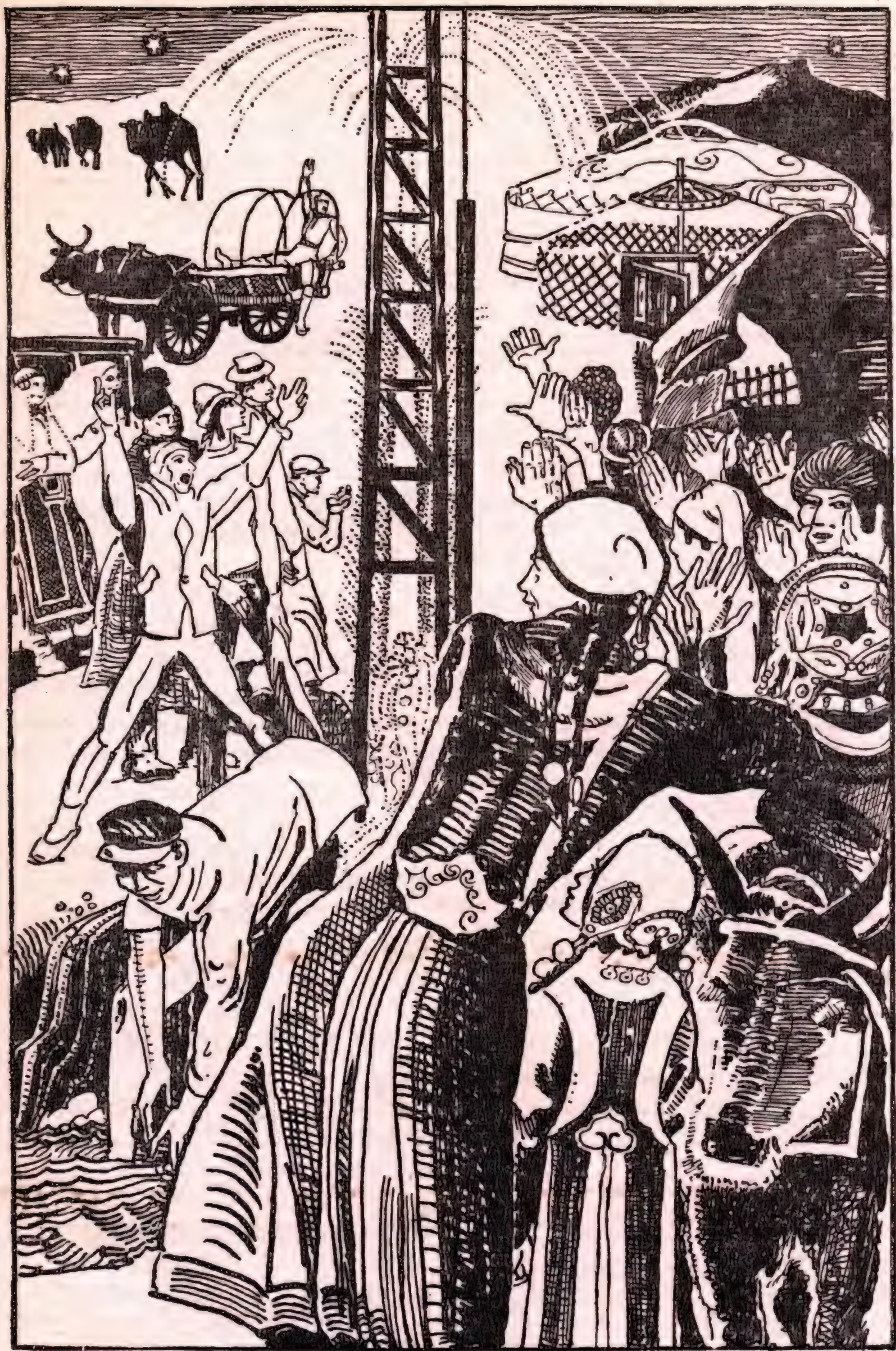
Первым опомнился Зыков.

— Трубы! Трубы нужно наращивать! — завопил он.

Рабочие подкатили тяжелую чугунную трубу. А Валя стояла и не знала, что ей делать, — ведь это была первая самоизливающаяся скважина в ее практике. Она завороченно смотрела на толстые косматые струи необыкновенного фонтана.

Трубу подцепили к тросу и поставили над устьем скважины. Но вода переливалась через края трубы, белыми бурунчиками пенилась на земле.

— Ну и фонтанчик! — прокричал Зыков в самое ухо Вале. — Поздравляю вас, Валентина Васильевна.

Конспектики положили меня, старого дурака, на обе лопатки. Знание — свет, незнание — тьма!

— Скачите к Сандагу и Тимякову! Пусть все знают...

Вскоре приехали Сандаг и Тимяков. Несмотря на ранний час, на скважину съехались араты: откуда только они взялись? Кричали, шумели, смеялись. Кое-кто даже пустился в пляс. Большая вода — большое событие.

— Знал бы — не уезжал с буровой, — сказал Пушкарев и при всех положил Вале свои жесткие ладони на плечи. — Ты — самый большой начальник самой большой воды. Теперь-то Сандаг разрешит тебе взглянуть на каменную Тару.

Весть о «большой воде» полетела по степи, и к буровой началось настоящее паломничество. Все, кто приехал из дальних и ближних стойбищ на великий праздник Надом, считали своим долгом прежде всего взглянуть на «большую воду», которая бьет фонтаном, а уж потом предаваться веселью и торжествам.

Гобийцы прибыли огромными караванами, со своими палатками и юртами, пригнали гурты баранов, привезли бурдюки с кумысом, разбили становища в ближайших лощинах. К месту торжества тянулись всадники и всадницы в фиолетовых, розовых, зеленых, малиновых халатах. Силач Тумурбатор, изловивший знаменитого разбойника Жадамбу, разъезжал от юрты к юрте на верблюде. Скоро начнется борьба, и он, конечно же, снова получит звание прославленного борца. Но уже сейчас его встречают как лучшего друга, поят арькой и кумысом. На нем войлочная тюбетейка, твердая, как железо, и праздничный чесучовый халат. За ним на сивой лошадке всюду следует пастух Гончиг. Он уважает силу и сейчас греется в лучах чужой славы.

— Мы всех этих с Мухур-Нура положим на обе лопатки, — говорит Гончиг.

Вдруг поважневший Тумурбатор не удостаивает его ответом, но слова Гончига ему нравятся, и поэтому он позволяет пастуху садиться на почетное место рядом с собой.

Аюрзан распорядился соорудить на ровной площадке трибуну. Сюда же привезли и сенокосилку для всеобщего обозрения. Раньше на празднике монахи устраивали священный танец цам. На этот раз аратское правление

все решило взять в свои руки. Будут показаны загоны для скота и колодцы. Сандаг прочтет доклад о международном положении. Агроном поведет всех на огороды и угостит огурцами и редиской. Жена Аюрзана Даши-Дулма возглавит самодеятельность.

Даже Чимиду нашлась работа: он должен был исполнять роль старого ламы в пьесе, сочиненной силами молодежи объединения.

В лагере экспедиции торжество началось необычно: рано утром, когда все еще спали, в юрту Сандага и Тимякова ворвался радист и закричал:

— Правительственная радиограмма! Нас поздравляют с праздником...

Немедленно были собраны сотрудники экспедиции и обслуживающий персонал. Сандаг зачитал текст радиограммы.

Все, кто имел оружие, выстрелили в воздух.

Сандаг был глубоко взволнован вниманием правительства. Он знал, что обстановка в стране напряженная. Правительству приходилось заниматься ликвидацией остатков шпионско-вредительской организации, раскрытой еще в прошлом году. Ходили упорные слухи, что японцы стягивают к границам большие силы. По сей день японские войска делали попытки вторгнуться в пределы Монголии — об этом писалось в газетах. И все же об экспедиции помнят, следят за ходом ее работ.

После завтрака отправились на главную площадь — пустырь. Здесь уже закончилась официальная часть. Гремела музыка. Трибуна была задрапирована бордовой тканью, украшена флагами. Зрители располагались двумя полукольцами по сторонам пустыря. Тут были и всадники на лошадях и верблюдах, и пешие. Девушки, увешанные серебряными украшениями, покуривали трубочки — гансы, смеялись, весело переговариваясь, выбивали трубки о каблук; парни пили кумыс и городское пиво. По площади шествовали ряженые, изображающие древних богатырей. Будто вызванные из глубины седых времен, шли колонной стройные сильные юноши, поблескивая чешуей панцирей и остриями копий. Лица их дышали мужеством, отвагой. Зрители аплодировали: богатыри несли красные знамена.

После карнавального шествия началась борьба. Де-

сять пар борцов, в узорных гутулах, мускулистые, сильные, молодые, напряженно ждали сигнала к началу боя. Главным судьей был старик Лубсан, знаток всех правил; он вручит приз лучшему борцу. Лубсан сидел на скамеечке, вытирал голову платком, щурился от яркого света. Потом махнул платком. Борцы стали сходиться, хлопая себя руками по ляжкам, подпрыгивая. Приготовились к схватке, сцепились. Лубсан подбадривал борцов, угощал победителей жирными борцигами — печеньем, подносил им кувшин с кумысом. Однажды побежденные уже не имели права бороться вторично. Из победителей составлялись новые пары.

В начале третьего тура посредник правого крыла громким голосом выкрикнул:

— На радостном и великом празднике Надоме в честь семнадцатой годовщины Монгольской Народной революции, чело борцов, глава всех могучих, выдающийся из сонма сильных, выдвинувшийся из десяти тысяч борцов, сильнейший из сильных, преисполненный неубывающей мужественности, прославленный народом Тумурбатор вызывает борца Мухур-Нурской долины Чултума, радостно крепнущего в расцвете сил и мощи, в семью могучих.

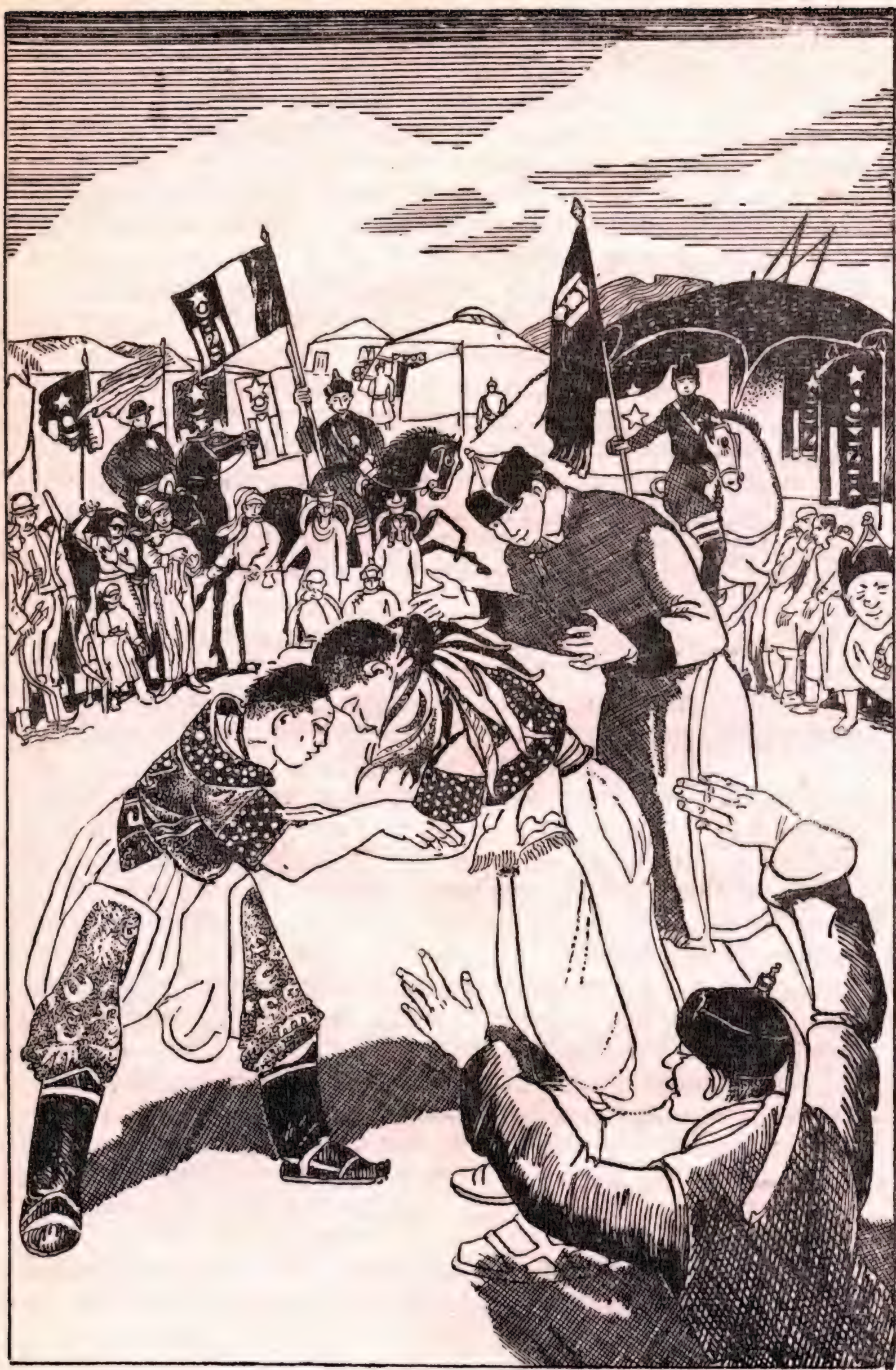
— Благодарим за честь! — донеслось со стороны левого крыла.

Особым, танцующим шагом, ритмично взмахивая руками — изображая полет орла, — вышли на поле силачи.

Борцы сошлись, покосились друг на друга, словно собравшиеся бодаться быки, и сшиблись в схватке. Борьба длилась долго. По правилам, чтобы стать победителем, не требуется свалить противника на землю, а достаточно сбить его с ног так, чтобы он, потеряв устойчивость и равновесие, лишь коснулся рукой земли. Из-за этого и шла борьба. Лицо Чултума сделалось пунцовым от натуги. Шея Тумурбатора вздулась. Моментами зрителям казалось, что рука Чултума вот-вот коснется земли. Но через мгновение в таком же положении оказывался Тумурбатор.

В конце концов Тумурбатор сбил своего противника с ног.

Зрители пришли в сильное возбуждение. Они повскакали с мест, подбрасывая вверх шапки, били в ладоши, протягивали руки к Тумурбатору.

Обычно скромный, застенчивый, Тумурбатор сейчас выпятил грудь. Чултум приложился ладонями к согнутым локтям победителя в знак того, что он признает его превосходство и уважает его. С выпяченной грудью и широко расставленными руками победитель, переваливаясь с ноги на ногу, приблизился к Лубсану. Судья поднес победителю большую пеструю пиалу кумыса. Тумурбатор осушил ее до дна.

Одержав победу, Тумурбатор отвел Гончига в сторону и прошептал:

— Сегодня ночью...

Пушкарева и Валою привлекли конные скачки. Наездниками были дети от шести до двенадцати лет. Не верилось даже, что малыши в островерхих шапочках с красной звездой пустят горячих жеребцов вскачь и хладнокровно пройдут всю дистанцию в тридцать километров.

Вот они начали разминку. Скакуны шли по кругу, а малыши высоким речитативом запели старинный клич «Гинго». Было не меньше сотни участников скачек.

— Гинго! Гинго! Гинго! — выкрикивали они, а лошади напрягались, прядали ушами.

На одежде каждого наездника имелся свой отличительный знак: порхающая бабочка — в знак того, что юный наездник, как бабочка, легок и не утомляет лошадь; летящая птица — в знак того, что скакун мчится как птица; узор — нить счастья; три кружка — драгоценности, чандмани.

В момент старта зрители запели хвалебную песнь знаменитому скакуну — «Чело десяти тысяч скакунов».

Цокто рассказывал:

— В давние времена был знаменитый скакун Джонон Хара, что значит «Царственный Вороной». После его смерти его безутешный хозяин сделал скрипку, увенчал ее гриф гордой головой Царственного Вороного, выточенной из драгоценного сандалового дерева, натянул на деку скрипки нежную кожу коня, чтобы, как живая, она чувствовала каждое движение смычка, и приладил две струны из конского хвоста. Так появилась монгольская скрипка моринхур.

К финишу первым пришел скакун маленького Самбу. Скакуна провели вокруг трибуны, ему лили кумыс на голову и крестец.

Славильщик звучным речитативом, высоко держа повод скакуна-победителя перед гостями, выкрикивал:

Гордость и краса обильной и широкой земли,
Чело несказанной радости всего народа,
Украшение державного Великого Надома,
Скакун, мчащийся вихрем
Во главе десяти тысяч бегунцов,
Скачущий, растягивая шелковые поводья,
Скакун с телом стройным и гибкой спиной,
С гривой, словно у шапки-«шасер»,
Сверкающий в беге ногами,
Лучший из коней всего народа...

Была стрельба из лука. Здесь победителей называли «удивительной меткости стрелок». Среди них почему-то было больше всего стариков. Восьмидесятилетний Узэмчин восьмьюдесятью стрелами выбил восемьдесят очков. Славильщики пели:

Меток лук его, и друг он верный могучему мужу.
В бою он верен, и счастье, добычу приносит дому.
Владеть им мужу, богатырю сильномогучему.
Натягивать его, сгибаясь станом крепким.
Слава луку желтому и белым стрелам быстрым!

У лотков, наполненных до краев сахарными пряниками, ватрушками, стояли девушки. Они громко зазывали покупателей. Около раскрашенной будочки толпился народ. Монгольская фортуна в виде узкоглазой насмешливой девушки крутила колесо лотереи, соблазняя желающих попытать счастья карандашами, папиросами, блокнотами. Это была палатка Монгольского центрального кооператива, присланная сюда из Улан-Батора.

Особенно задорные заставляли крутить колесо по десятку раз, пока не изгонялись со смехом. Пушкарев тоже решил попытать счастья. Валя, улыбаясь, поддержала его, и они пошли к будочке.

Выиграли куклу. Появление геолога с куклой в руках вызвало взрыв смеха у присутствующих. Кукла пошла по рукам. Ее рассматривали, клали на широкие ладони, чтобы она закрывала глаза, и хохотали. Валя тоже сме-

ялась. Когда кукла оказалась у нее в руках, щеки ее порозовели.

— Что же я стану с ней делать? Я в куклы уже не играю,— сказала она, лукаво взглянув на Пушкарева.

— Возьми, возьми! — закричали со всех сторон.— Пригодится! — и покатывались со смеху.

Куклу пришлось взять. Так и ходили они с куклой. Все на них оглядывались и понимающе улыбались.

Араты выбирали седла, украшенные серебряной отделкой тончайшей работы, каждое с именем мастера, его изготовившего, уздечки и котлы для варки чая и мяса, железные печки, патефоны, юрты с новыми войлоками, покупали аккуратные свертки синей и желтой да-лембы на халаты. Девушки примеряли шелковые тэрлики¹, смотрелись в зеркала, вплетали ленты в длинные косы и напевали про себя что-то веселое.

Чимид охранял витрину экспедиции. На стеллажах лежали глыбы самородной серы, флюорита и другие ископаемые; образцы почв, гербарии, семена трав и огурцы. Сам Чимид, как умел, рассказывал о богатствах края.

Вечером зажглись костры.

Пушкарев и Валя уселись на траву и слушали, как нежно звенит моринхур. Цвели тамариски, и воздух был наполнен их тонким запахом. День погас. Сделалось прохладно.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил Пушкарев.

Валя поправила волосы и серьезно сказала:

— Я ни о чем не думаю. Просто мне хорошо...

— А я вот думаю: везет мне в жизни. Ехал сюда за тридевять земель. И вот встретил тебя... Странно... Ведь это дело случая. А теперь без тебя жизнь показалась бы пустой. Смешно от таких признаний?

— Нет, не смешно. Сейчас мне кажется, что по-другому и не могло быть. Да никого на твоём месте я и не могу представить. Тот, другой, был бы не ты, и я его не смогла бы любить. Нам только кажется, будто случай руководит всем. Но ведь некоторые так и остаются одинокими, не встретив того, кого должны были встретить.

— Да, во всем этом, что называется жизнью, лю-

¹ Тэрлик — летний халат.

бовью, есть какое-то волшебство. Почему везет одним и не везет другим...

Он взял ее за плечи и хотел поцеловать, но она слабо отстранила его:

— Не надо, Саша. Кто-то идет.

Кусты зашуршали, и на полянке показался Тумурбатор. Рядом с ним шла Долгор. На Тумурбаторе была пограничная форма. Они о чем-то разговаривали. Долгор засмеялась. Тумурбатор взял ее за руку. Они прошли мимо, не заметив Вали и Пушкарева.

— А твоя подшефная совсем ожила,— сказал Пушкарев.— Этакого парня подхватила, тихоня!

Они рассмеялись.

Ламы из монастыря тоже ждали праздника Надома и по-своему готовились к нему. После долгих совещаний заговорщики решили испортить «красный» Надом, отвлечь от него верующих степняков.

— В дни Надома мы проведем Майдари-хурал,— сказал настоятель Норбо-Церен.— Этот хурал проводится обычно в это время, и никто не может запретить его, так как нарушения закона народной власти нет. Мы на виду у всех сожжем «сор», а потом развернем знамя Чингисхана, знамя войны!..

Замысел был ясен всем. Да, только таким способом можно объединить верующих, съехавшихся со всех стойбищ и кочевий.

Сжечь «сор» — значит нанести удар по врагам религии. Развернуть знамя Чингисхана — значит призвать к восстанию.

Майдари — грядущий будда. Он еще не пришел, но должен прийти на смену заленившемуся будде Шакьямуни, допустившему в Монголии народную власть. Известное дело: Шакьямуни — великий обманщик. Рассказывают, будто Шакьямуни и Майдари поспорили, кому из них править миром. Сошлись на том, что править будет тот, у кого в горшке быстрее вырастет цветок. Цветок вырос в горшке Майдари, но Шакьямуни воровским способом завладел цветком. Майдари якобы рассердился и воскликнул: «Правь этим миром, но пусть он будет таким же лживым, как ты. А я приду и прогоню тебя, и тогда воцарится истина...»

Теперь Норбо-Церен решил не без намеков пышно от-

праздновать Надом в честь грядущего мироправителя, сделать намеки, что державой света Шамбалой является Япония и что священная война ее против еретиков и безбожников скоро начнется.

Рано утром съехавшиеся в урочище кочевники были разбужены громким тягучим звуком: то ревели пятиметровые монастырские трубы ухыр-бурэ.

Из монастыря вышла торжественная процессия монахов в ярко-красных мантиях, желтых накидках и медленно двинулась вдоль наружной стены. Бритые толстомордые монахи волокли колесницу с крупным золотым изображением Майдари, знаменем, завернутым в желтую дамбу, курительными свечами и священными книгами. У каждого поворота, у каждого из двадцати восьми грушеобразных субурганов подолгу задерживались, читали молитвы, пили кирпичный чай из пиал, ели сладости и пресные лепешки. В колесницу также было впряжено чучело слона, слон помахивал хоботом. Ламы ходили и ходили вокруг монастыря; и сюда, к его стенам, постепенно стекался народ.

Среди публики толкались Тумурбатор и Гончиг. Они поглядывали на знамя, завернутое в желтую материю, и едва приметно улыбались, вполголоса переговаривались.

Процессию охраняли ламы, вооруженные бамбуковыми палками. Если кто приближался к колеснице, того били без всякого предупреждения. Таков был порядок, заведенный еще тогда, когда религия пользовалась уважением. За колесницей шел монах в огромной маске бога войны, украшенной человеческими черепами.

Норбо-Церен поднялся на помост и важно уселся на шелковых подушках. Он наблюдал за соблюдением церемонии, и вид его был суров.

Наконец настало время нанести удар по врагам религии — сжечь «сор» — красивую трехгранную пирамиду из теста. Считалось, что вместе с пирамидой сгорят и души всех врагов желтой религии.

На пустыре развели костер.

Двое важных лам вынесли из узорной палатки на деревянных носилках огромную, увенчанную человеческим черепом пирамиду-«сор», вобравшую в себя все преступления народной власти против желтой религии.

Монахи громко забормотали молитвы, зазвенели колокольчики, завыли раковины, совсем по-конски заржали чанлины—трубы из бедренной кости человека, оправленные в серебро, глухо загудели массивные гонги, дробно посыпали горох барабаны. Сила музыки все нарастала, крепла, доводя молящихся до исступления. Закружился в танце бог войны Чжамсаран, украшенный короной из человеческих черепов. Откуда-то появились мальчики в масках в виде мертвых голов. Пляска перешла в неистовые прыжки и кружение.

И вот пирамида-«сор» с оскаленным черепом, напоминающая наконечник огромной стрелы, полетела в огонь; и наконечник этот был направлен в сторону юрт аратского объединения. Намек всем был ясен.

Неожиданно наступила тишина.

И среди тишины раздался сипловатый, но еще сильный голос настоятеля монастыря Норбо-Церена.

— Дети мои, заблудшие овцы! Враги веры наказаны, им предназначено гореть в вечном огне. Сейчас перед вами совершится чудо: владыка державы света Шамбалы благословенный Ригден Джапо прислал нам высшую драгоценность — чандмани — знамя мудрости и победы на все времена. Придите, дети мои, под это священное знамя — знамя истинной веры и великого учения. Мы развернем его сейчас и победим с ним всех врагов Монголии...

Он подал знак. Ламы проворно сдернули со знамени желтый чехол и развернули полотнище. По толпе пронесся возглас изумления, удивления, радости.

У Норбо-Церена отвисла челюсть: перед ним струилось, колыхалось на ветру алое шелковое знамя с портретом Сухэ-Батора.

— Убрать! Убрать! — закричал настоятель и в бессильной ярости закрыл лицо руками, сник.

А в толпе уже поняли, что произошло. Сперва раздался смехок. Потом весь пустырь задрожал от смеха сотен людей. Смеялись и взрослые и дети.

— Ну, нам здесь больше нечего делать! — весело сказал Гончигу Тумурбатор. — Все это похоже на похороны прежней, старой жизни. Дай скрестить с тобой руки, как с верным другом, и пожать их, как теперь делают все. Спасибо за помощь, батыр. Знамя Чингиса в музей пошлем. Хочешь, научу приемам борьбы?

— Эй, эй, только не жми руку, она мне еще нужна!

— Уходи от этого кровопийцы Бадзара к нам в объединение — человеком будешь.

— Уйду, наверное, — согласился Гончиг.

...Великий праздник Надом, который стали здесь называть также праздником «большой воды», был в полном разгаре. Он будет кипеть, бурлить и день, и два, и неделю, и две, так как люди рады побыть друг с другом, рассказать новости за год, отпраздновать веселые свадьбы.

Но членам экспедиции было некогда: все готовились в дальнюю поездку, которая займет несколько недель. Они должны пройти по самым безлюдным местам пустыни Гоби, исследовать горы Гобийского Алтая.

— Я рассчитываю проследить древнюю речную сеть, — говорил Тимяков.

Для Сандага Гоби была необозримым пастбищем. Верблюдов, коз и овец госхоз будет разводить в Гоби. Здесь на многие сотни километров простираются пастбищные угодья. Любимая пища верблюдов, коз и овец — полукустарничковые солянки, ежовник, лук многокорешковый. А этими-то растениями как раз и изобилует Гоби.

Иногда они откладывали в сторону бумаги и любовались степью, залитой лунным светом. Легкая седая мгла окутывала юрты, древние могильники. В открытые двери врывались запахи трав.

— Что ж, кажется, все ясно, — говорил Сандаг, когда уже начинало светать. — Сделаешь хорошее дело — тебя встретит добрый путь. До Котловины пещер поедem на автомашине. А дальше — на верблюдах в горы Нэмэгэту, обогнем их и вернемся домой пустыней. Этакая петля. А сейчас — спать, спать! Днем надо наведаться к Аюрзану, договориться, чтобы верблюдов заблаговременно отвели в Котловину пещер. Вопрос с Басмановой решен: она должна ехать с нами. А что делать с Долгор? Валя просит взять Долгор.

— Возьмем. Вале одной среди мужчин покажется скучно.

— И то верно. Сделаем из Долгор повара.

Сандаг и Тимяков жили в одной юрте. Юрта была пятистенная, просторная. Сандаг увлекался ботаникой, и пол юрты был завален гербариями и снопами разных

трав. Можно было подумать, что это не юрта двух ученых, а кусочек Гоби: корявый куст саксаула с торчащими вверх безлистными ветвями, веточка кустарника «золотой нити» — алтан утас, напоминающая по форме морозный узор на стекле, сухой тамариск, сульхир, из зерен которого гобийцы мелют муку и питаются ею круглый год, хармык, карагана, астрагал, который применяют при болезнях сердца, дерис и еще какие-то причудливые растения пустыни, мохнатые, седые, колючие, покрытые восковым налетом.

Так и спали ученые среди этих кустов.

...На фоне всеобщих забот мало кто придавал значения приезду профессора Бадраха. Он остановился в юрте своего отца Бадзара, в лагере появился всего лишь раз, за день до отъезда экспедиции в горы.

— Не утерпел, прикатил сюда, — сказал он Сандагу и Тимякову. — Я ведь обычно отпуск провожу здесь, в родных местах, возле старых родителей. Плохи стали, мать часто болеет... Говорят, вы нашли пресную воду! Большое событие. От всего сердца поздравляю! И радуюсь. В этом краю, забытом богом и цивилизацией, люди живут мечтой о воде. Признаться, даже не верил, что вам так быстро удастся справиться с этой задачей... Вроде бы и на остальных буровых дела идут успешно.

— Это так, — подтвердил Тимяков. — У гидрогеолога Басмановой особое чутье на воду. Молода, а глаз наметанный, любому инженеру фору даст.

— И все-таки я продолжаю считать: место для города и для госхоза выбрали вы неправильно, неудачное место.

— Почему? — удивился Тимяков.

— Район неблагонадежен в санитарно-ветеринарном отношении. Тут, кстати, и раньше отмечались случаи заболевания скота сапом и сибирской язвой. Кто может дать гарантию, что при массовом скоплении скота эти болезни не вспыхнут с невиданной силой? Слышал, в объединении Аюрзана крупный рогатый скот поражен чумой.

Да, страшная весть о «черной смерти» ползла и ползла по степи. Теперь пастбища объединения да и само объединение объезжали далеко стороной. Здесь пахло карболкой, известковым молоком и сулемой. Вете-

ринары в просмоленных плащах день и ночь разъезжали от стада к стаду, делали прививки скоту. Противочумную сыворотку вводили под кожу и зараженным животным.

Потом случилось несчастье. Поздно ночью ветеринар возвращался верхом в юрту. И когда пробирался по узкому ущелью, откуда-то сорвался увесистый камень, сломавший ему плечо. Конь приволок бесчувственного ветеринара к юртам.

Но главное было сделано: вовремя произведены прививки скоту. Погибло всего десятка три коров. Урон был незначительный, но сидевший у монастырских ворот подслеповатый Шараб сиплым голосом говорил о гневе богов:

— Отступают от старых порядков, сено косят, в артель объединяются — вот и разгневали богов. Погодите, еще не то будет...

Наиболее трусливые ушли было из объединения, но потом вернулись.

Все вроде бы успокоилось, только профессор Бадрах испытывал тревогу за судьбу будущего города. Он был достаточно умен и воспитан, чтобы не перечить председателю Ученого комитета и известному русскому ученому, авторитет которых был выше авторитета самого Бадраха. Он пытался заронить сомнения.

Когда от Цокто узнал о находке пещеры с вечным огнем, каменной богиней и костями динозавра, заволновался:

— Постарайся выяснить, когда Сандаг и Тимяков собираются ехать туда. Это очень важно.

— Скоро все поедет, пойдем через всю пустыню. И в пещеру заглянем, — сказал Цокто.

У отца Бадрах сурово спросил:

— Ты отправил пакет, который передал тебе Цокто? Большой, коричневый...

— Сразу же отправил с Жадамбой.

— Нужно немедленно послать туда верного человека с новым письмом. Пусть они там поторапливаются, если не хотят потерять все.

— Завтра пошлю.

— Не завтра, а сегодня. Сейчас! Это мой основной капитал — я под угрозой разорения из-за какого-то рус-

ского геолога. Очир мог давно его убрать, а теперь это не имеет значения. А Дамдина убрали — это хорошо: в Монголии алмазов нет и не должно быть! Нам с тобой они не нужны.

Бадраху хотелось попасть в эту большую поездку, задуманную Сандагом и Тимяковым, и он притворился смирившимся. В одну из встреч с Сандагом он сказал:

— Может быть, вы и правы: с чумой ведь тоже можно бороться. Я — человек старого закала. Но работы экспедиции меня заинтересовали. Если намечаются поездки, сулящие какие-либо археологические открытия, то прошу принять меня в состав отряда — будем считать, что лед между нами сломан.

Сандаг криво усмехнулся:

— Такие поездки не намечаются. Мы сейчас не можем отвлекаться на исследование памятников старины. А что касается льда, то ваши американские и английские друзья любят повторять, что способ ломки льда зависит от толщины льда.

После столь прямого ответа Бадраху ничего не оставалось, как встать и откланяться. Но он продолжал сидеть.

Улучив минуту, когда Сандаг вышел из юрты по делам, сказал Тимякову:

— Я помню вас совсем молодым. Великий отец археологии Петр Кузьмич Козлов был влюблен в вас, считал своим преемником, был уверен, что вы пойдете его путем. Вы были романтиком... да, романтиком. Рунические надписи приводили вас в трепет. И странно, что, прожив много лет в нашей стране, вы не стали археологом! Вспомните, Козлов назвал в честь вас Андреевским тот из Ноинульских курганов, где вы нашли череп гунна и голову мифического животного из ярко-червонного золота.

— Это давно решенный вопрос, — холодно ответил Тимяков. — Археология — не моя область. На мой взгляд, наука должна не только собирать древности, но и помогать строить настоящее. Я предпочитаю помочь преобразованиям Монголии.

— Все это, конечно, похвально. Но неужели вы всерьез думаете, что у моей бедной страны есть будущее, ради которого стоит тратить свои силы, отдавать

жизнь? Монголия вся в прошлом. И только оно, это прошлое, может иметь значение для мировой науки.

— Вы обо всем этом написали в своей последней книге. Я читал ее. Она производит странное впечатление. Стоит ли говорить о том, как вы заблуждаетесь?

— Да, написал и буду писать! Буду утверждать, что времена Чингисхана были золотым веком монголов. Великая монгольская империя обратилась в руины. Ее население постепенно вымирает, количество скота с каждым годом сокращается. Монголы из «князей пастухов» превратились в жалкий сброд. Они вырождаются умственно и физически, и, наверно, им предначертано исчезнуть с лица земли, как исчезли племена гуннов и сяньбийцев.

— Вы не любите свой народ, Бадрах. Ваша книга вышла не в Монголии, а в Англии. Почему? Кто вырождается? В своей книге устами одного японского авторитета вы предлагаете создать ни больше ни меньше, как Великое монгольское государство. Вы, правда, не указываете, под чьим протекторатом будет это государство, но японский авторитет говорит сам за себя. Как видите, вопросы, казалось бы, чисто теоретического порядка перерастают в вопросы государственной важности. Тут мы с вами — противники. Монголия должна перенимать опыт Советского Союза, максимально развивать производительные силы страны, поставить достижения науки на службу народу, чтобы ослабить зависимость кочевого скотоводства от природных и климатических условий. За это дело я, русский советский человек, готов отдать жизнь. Вы — ученый и должны помогать своему народу, который не вымирает, как вы утверждаете, а возрождается. Мы присутствуем при его возрождении.

Бадрах порывисто встал.

— Ну что ж, — сказал он, — останемся при своих заблуждениях. Вы на редкость откровенны со мной.

— Я хочу вам добра. Опомнитесь, пока не поздно.

На темно-красных губах Бадраха появилась саркастическая улыбка.

— Ноинульские курганы стоят тысячелетия, — сказал он. — И один из них, получивший ваше имя, вошедший в мировую археологию как Андреевский курган, ждал вас все эти тысячелетия. Он как памятник всего

вашего земного существования, ваша вечная слава. А город, который вы собираетесь построить в этой пустыне, не продержится и года — он никому не нужен! Его не будет, просто не будет... Прощайте!

В его голосе Тимяков уловил скрытую угрозу. Бадрах ударил ногой дверцу юрты и вышел.

«Чего он от меня хочет?» — подумал Тимяков. Поведение профессора почему-то встревожило Андрея Дмитриевича. Что кроется за горячностью Бадраха? Нет, никогда еще они не разговаривали вот так... Отношения у них были всегда сдержанные. А сегодня Бадрах словно бы решил обратить русского географа в свою веру.

Завтра экспедиция отправляется в далекий и, несомненно, опасный путь... Тимяков вышел из юрты и окинул взглядом далекие горы и пустыню. Небо было охвачено вечерним багровым пожаром.

Вот так вот всякий раз перед большой дорогой он заражался непонятным беспокойством, томился, и на память неизменно приходили слова неутомимого исследователя Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова, любившего все эти необозримые пространства: «Душу номада даль зовет... Путешественнику оседлая жизнь что вольной птице клетка... Таинственный голос дали будит душу: властно зовет к себе. Воображение рисует картины прошлого, живо проносящиеся непрерывною чередой... Сколько раз я был действительно счастлив, стоя лицом к лицу с дикой, грандиозной природой Азии...» Он был поэтом странствий, в нем жило ощущение самого себя как номада-кочевника, и это ощущение хорошо было знакомо и самому Тимякову.

Да, Козлов много сделал для археологии, открыв Ноинульские курганы гуннов и мертвый город Хара-хото. И своим преемником считал его, Тимякова.

«Тебе суждено открыть развалины других городов, тебе завещаю и Ноинульские курганы, все их тайны,— говорил Козлов, напутствуя юного Тимякова.— Могу повторить лишь слова моего великого учителя Пржевальского: «Твоя весна еще впереди, а для меня уже близится осень».

И теперь, после разговора с профессором Бадрахом, Андрей Дмитриевич чувствовал словно бы некую вину за собой: не оправдал надежд учителя! Почему — не оправ-

дал? Может быть, просто не стремился их оправдать. Почему великий путешественник, не спросив желания самого Тимякова, выбрал ему судьбу археолога? Да, но и ты в самом деле был опьянен этой наукой, решил посвятить ей всю жизнь. А потом вдруг круто изменил.

С чего все началось?.. С некой увлеченности древностями. Тогда, десять — двенадцать лет тому назад, для него существовали только древности. И они казались самым главным, самым существенным. Да, да, тогда они с Петром Кузьмичом Козловым открыли в Северной Монголии, всего в ста тридцати километрах от Улан-Батора, двести двенадцать курганов и глубоких могил, относящихся ко временам ханов-гуннов первой кочевой империи.

Это было одно из самых крупных археологических открытий века. Могилы гуннов. Двести двенадцать курганов! Если заниматься только их раскопками и изучением добытых материалов, то дела хватит на многие десятилетия.

Тимяков бредил тогда гуннами и решил посвятить им жизнь. Кто они, гунны? Тут вырисовывалась большая и интересная проблема: некоторые ученые-востоковеды высказывали предположение о монгольском происхождении гуннов, или хунну; другие считали, что это племя тюркской этнической принадлежности. Некая интуиция подсказывала Тимякову: гунны и монголы — родственники. Но это еще требовалось доказать. Тогда он обладал слишком скромным запасом знаний для подобных обобщений и решил учиться.

Были великие кочевые империи. Держава гуннов при правителе-шаньюе Модэ достигла наивысшего могущества и простиралась от Восточного Туркестана до реки Ляохэ, от Китайской стены до Байкала; ядром этого племенного союза была территория современной Монголии. Китайский двор каждый год отправлял гуннам богатую дань. Жил Модэ лет за двести до нашей эры. Он убил своего отца шаньюя Туманя и захватил власть. У него, у этого Модэ, было своеобразное представление о демократии: всякий раз перед большим походом он обращался за советом к старейшинам, терпеливо выслушивал каждого, но если мнение кого-нибудь из них не совпадало с мнением самого Модэ, то он приказывал отрубить голову

дерзкому инакомыслящему. «Я всегда прав,— говорил Модэ,— потому что, покорив племена дунху, юэчжи, динлин, гэкунь, куньюй, цхюеши, шаили и других, превзошел всех мудростью и сравнялся с небом. Чего стоит человек, оспаривающий меня? Он или глупец, или решил возвыситься надо мной. И то и другое — зло. В большом деле, где все должны размышлять так, как я, подобный человек опасен. Лучше уж заранее избавиться от него».

Примерно так же рассуждал другой вождь гуннов — Аттила. Правда, Аттила жил на много веков позже Модэ и умер в 453 году нашей эры. Аттила образовал крупное государство на Дунае. Гунны, постепенно продвигаясь на запад от границ Китая, вторглись в Восточную Европу в семидесятих годах IV столетия нашей эры. Они создали гигантское государство — от Волги до Рейна. Аттила совершил победоносный поход в Италию, мечтал о покорении вселенной, но смерть помешала ему осуществить свой замысел. Вскоре гуннская монархия распалась.

А куда делись гунны? Ассимилировались или вернулись в родные пределы? Во всяком случае, известно, что в том же IV веке южные гунны завоевали Северный Китай, основали два государства. А после падения этих государств большинство гуннов вернулись в Монголию, и еще долго они были грозой для Китая.

К какой эпохе относятся захоронения в Ноинульских курганах? Петр Кузьмич Козлов относит их к Ханьской династии, то есть к временам шаньюя Модэ. Так ли это, Тимяков решить не мог. Но ему повезло в тот раз: на дне гробницы, почти на пятнадцатиметровой глубине, он нашел китайскую чашечку с точной датой изготовления: чашечка была сделана за два года до нашей эры! Это был ключ ко всему. Весь ученый мир следил за ходом раскопок Ноинульских курганов, а потому имя Тимякова очень скоро сделалось известным во многих странах. То была его находка!..

Он сам раскапывал курган, с каждым днем опускаясь все ниже и ниже в гуннскую гробницу. Требовалась предельная осторожность: огромная и глубокая погребальная камера, обшитая толстыми кедровыми досками, оказалась набитой бесценными сокровищами. То была полоса сплошного везения в жизни Тимякова: на стенах гробницы и ее коридоров он обнаружил тонкие шелковые

драпировки, греческие вышивки с фигурами людей; на шерстяной темно-коричневой ткани была изображена человеческая фигура, вырастающая из цветка. Рисунок громадного настенного панно, изображающий летящих птиц, был выполнен в стиле плоскостного монгольского письма; тут преобладали красновато-коричневые и желтые тона. А вообще, как он подметил, гунны любили голубые, красные, желтые и черно-белые цвета. Пол гробницы устилал ковер с шитьем, изображающим бой быка с леопардом. Вдоль стен лежали груды золотые серьги, кольца, фигурки мифических животных из червонного золота, крупные янтарные шарики для головных уборов. Одни эти находки могли прославить археолога навеки. Но везению Тимякова, казалось, не будет конца: на дне могилы стоял большой массивный деревянный гроб, обитый золотыми пластинами — орнаментными накладками. Что там, под крышкой гроба?

До сих пор Тимяков помнит, с каким волнением приподнял эту крышку. Там, на дне гроба, лежал гунн, вернее, скелет гунна!..

В груди Тимякова тогда сладко и тревожно заныло. Несмело прикоснулся он к почерневшему черепу с темными глазницами, поднял его. Почти гамлетовская сцена. Кто он, этот «бедный Йорик»? Может быть, сам грозный Модэ? Или кто-нибудь из его преемников, великих шаньюев — Лаошан-Гиуй, сын Модэ, Цзюнь-чэнь, И-чи-се? А может быть, все-таки эти захоронения относятся к более позднему периоду гуннской истории, скажем, к IV веку нашей эры, когда гунны покорили Северный Китай и основали два государства под названием Хань и Чжао? Эти государства просуществовали почти сто лет! Ну, а чашечка с точной датой, греко-бактрийские ткани и ковры, металлические китайские зеркала с древним орнаментом, керамика, деревянные орудия для добывания огня, возможно, передавались из поколения в поколение как фамильные святыни?

В гробу лежала черная женская коса с вплетенным красным шнурком. Почему коса очутилась в гробу шаньюя? Тимяков знал: женские и мужские волосы, заплетенные в косы, клались в могилу в знак траура, клались возле гроба. Кто нарушил священный ритуал две тысячи лет тому назад? На такой вопрос невозможно

было ответить, даже вооружившись знаниями. Из древних источников известно, что у гуннов существовало многоженство: «Хунну по смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтобы не пресекся род...»

Ночами Тимякова терзали кошмары. Он видел красное небо над Ноинульским хребтом; погребальное шествие растянулось от речной долины вверх по узкому ущелью. По сторонам ехали всадники, закованные в броню, их кони были покрыты тяжелым панцирем; прикованные к панцирю цепью длинные штурмовые копья почти упирались в землю. Ехали пышно разодетые, с янтарными шариками на высоких шапках темники. Каждый из них командовал десятью тысячами конницы. Вся долина реки Хары, насколько хватал глаз, была запружена конницей. Каждый всадник и каждый пеший воин имел при себе по три огромных лука, три больших колчана стрел с железными наконечниками. Бесконечно длилось призрачное шествие. Шелковые халаты, накидки с широкими рукавами, отороченные соболем, куньи шапки, золотые украшения. Тяжелый саркофаг с умершим шаньюем несли молодые воины в шишаках, в броне из кожи с железными пластинками. Саркофаг был открыт, и Тимяков видел лицо умершего: низкий широкий лоб, чуть приплюснутый нос, черные усы, а под ними узкая блестящая полоска приоткрытых зубов, голый подбородок. Это лицо Тимяков видел и раньше: на шелковой вышивке, которую нашел в гробнице, лицо гунна, жившего тогда, когда человечество этих мест еще только-только освободилось от первобытно-общинных отношений, когда оно еще не осознало себя, когда еще не существовало народа, породившего Тимякова. И об этом страшно было думать: будто ты смотришь в бездну слепых времен...

Хотелось написать подлинную историю гуннов. Он знает о них больше всех ученых, взятых вместе,— он прикоснулся к материальной культуре гуннов, как бы встретился с ними лицом к лицу. Он знает, во что они одевались, как жили, как обрабатывали железо, как делали чугунную и глиняную посуду, как пряли пряжу и гранили драгоценные камни. Да, они не только кочевали, но и занимались земледелием, у них были железные сошники и хлебные амбары. Жили они не только в кибитках,

но и в домах, спали на стеганых матрацах. Он не сомневался, что здесь должны сохраняться развалины гуннских городов и поселений, как сохранился до нашего времени вал Чингисхана,— нужно только поискать! Нужно искать крепостные стены, остатки крепостей и домов.

О, он много знает о гуннах! А ведь вскрыто всего десять курганов. Из двухсот двенадцати... Какие сюрпризы ждут исследователей в оставшихся двухстах двух курганах?

По ночам Тимякова преследовало видение: тонкая смуглая женщина с большими заплаканными глазами понуро идет за гробом шаньюя, как-то выделяясь из погребальной процессии. Была ли она одной из жен шаньюя, а возможно, тут крылась иная история, но в картине далекого прошлого обязательно должна присутствовать женщина — прекрасная, с одухотворенным лицом и тонкими смуглыми пальцами. Во все времена существовали любовь и печаль...

А потом, к концу сезона, Тимяков сделал еще одно открытие, выдающееся открытие, которое произвело переворот в воззрениях на культуру гуннов: считалось, что у них не было своей письменности — для сношений с другими народами они пользовались китайскими иероглифами. На черепках домашней посуды Тимяков обнаружил какие-то странные угловатые значки. Сперва посчитал их чем-то вроде тавра. Но потом вспомнил, что точно такие же знаки видел на одной из камнеписных стел, найденных в другом месте, в Хошо-Цайдаме, в долине Орхона. Письменность гуннов!.. Буквы. От подобной мысли захватывало дух. Теперь он не сомневался, что при вскрытии других курганов будут найдены камнеписные стелы гуннов. Нужно только запастись терпением, но именно нетерпение сжигало его тогда, он находился во власти открывательского азарта, задыхался от желания открыть все сразу. Курган, где он вел раскопки, отныне стал именоваться «Андреевским», так он вошел и в историю археологических открытий. Но не тщеславие, а безграничная любознательность лишала его сна и покоя. Он был слишком впечатлительным молодым человеком, и воображение работало беспрестанно, распаляясь все больше и больше. И казалось: нет страсти более сильной и сжигающей, чем страсть научных открытий.

Земля Монголии была перенасыщена археологическими сокровищами и памятниками древности, памятниками культового зодчества. Иногда ему даже казалось, будто Монголия живет сразу в двух временах — в прошлом и настоящем, ибо тени прошлого были слишком одухотворенными, реальными, оказывали воздействие на сегодняшний день. Держава гуннов, государство Сяньби, Тюркский каганат, Уйгурское ханство, Киданьская империя, империя Чингисхана... Народы создавали могущественные империи, а потом империи гибли, оставляя после себя многочисленные памятники. Тимякова влекло к развалинам Каракорума, который был некогда столицей Угэдея и Мункэ, в древний монастырь Эрдэни-дзу, чтобы взглянуть на золотой субурган. Потом все это было. Было даже два путешествия в знаменитый город Харахото в Эдзингольском оазисе. Первый раз в Харахото Тимяков шел вместе с Петром Кузьмичом Козловым.

Лишь ничтожная доля территории Монголии была обследована знатоками, и в области археологии предстояло много сделать...

И как трудно было Тимякову освободиться от «археологического опьянения», стряхнуть его. Но он стряхнул... А Бадраху стряхнуть так и не удалось. Или ему просто нет никакого дела до судьбы своего народа? Почему это так?..

Сейчас Андрей Дмитриевич думал о том, что вся его жизнь тесно сплетена с Монголией, с ее историей и народом и что без этой прочной связи словно бы и нет Тимякова. Да, все правильно. Каждое время ставит перед ученым свои задачи. Трудно найти развалины некогда известного города, но еще труднее построить город в этих местах для живых.

Он вспоминал и вспоминал свои прошлые экспедиции. То были поездки, в общем-то на свой страх и риск. Он брал в них и свою молодую жену Люду. Она вела хозяйство экспедиции, обрабатывала материалы, охотилась на диких коз. Им было хорошо и радостно вдвоем. Об иной судьбе и не мечтали. Зачем? Бродить и бродить бесконечно по дорогам земли...

Потом появилась дочь. Пришлось обеих отправить в Москву.

«Нужно привыкать к разлукам», — сказал он Люде.

Зачем привыкать? Или он мало сделал для Монголии? Сиди в тиши московского кабинета, обрабатывай экспедиционные материалы за много лет, пиши книги. Тебе предлагают кафедру. Пора учить молодежь, а ты все носишься и носишься по горам и пустыням, будто у тебя в запасе еще сто лет.

Но он вдруг понял, что просто не может жить без всего этого. Не может! Здесь должен подняться город. И сквозь багряную дымку он видел его здания, стены, улицы...

Тимяков не заметил, когда подошел Сандаг.

— Все готово, — сказал он. — Завтра в пять утра отправимся. Не кажется ли вам, Андрей Дмитриевич, что этот дьявол Бадрах замышляет что-то против нас?..

ГОБИЙСКИЕ СЮРПРИЗЫ

Настал день отъезда. Сандаг растолкал заспавшихся шоферов — Аракчу и Дугарчика. Началась погрузка имущества — лагерь покидали на две недели! Сандаг, поразмыслив, разрешил и Долгор ехать вместе со всеми — повар в экспедиции нужен. На старой стоянке оставались только агроном, Зыков, радист да рабочие. Долгор хлопала в ладоши и смеялась от радости.

Когда автомашина взобралась на возвышенность, все увидели суровую громаду Гурбан-Сайхана. Подножие лилового от утренней зари хребта утопало в облаках, а хмурые величественные зубцы вершин, покрытые пятнами снега, четко вырисовывались на фоне высокого неба.

Все приподнялись с мест.

На невысоком плато Аракча и Дугарчик остановили машину: впереди виднелись стада куланов. Животные бегали, играли, дрались, поднимая клубы пыли. До путников доносилось их непрерывное ржание.

Страсть охотника проснулась в Сандаге. Он выпрыгнул из кузова, вскинул винтовку и выстрелил. Один кулан упал. Он лежал на брюхе, подогнув передние ноги. По виду и величине он походил на мула. Шерсть сверху была светло-коричневой, снизу — белая. По-видимому, пуля угодила в позвоночный столб, так как обычно крепкое животное уходит при ранении.

Лубсан снял шкуру с убитого кулана, отрезал голову и положил ее на бугорок мордой кверху. Прочел молитву и бросил на голову горсть земли.

— Ушла душа кулана в страну бурханов, — сказал он. — Мяса теперь хватит.

— Дайте мне кусочек шагреновой кожи, — попросил Пушкарев. — Хочу, чтобы исполнилось мое желание.

Тимяков и Сандаг заспорили, считать ли кулана лошастью или ослом, так как у животного ослиные уши.

— У яка хвост лошади, но никто его лошастью не считает, — горячился Сандаг. — У кулана ослиные уши, но это еще не значит, что его нужно причислять к ослам.

— Умел бы кулан разговаривать, спросили бы у него самого, кем он себя считает — ослом или лошастью, — сказал Пушкарев Вале шутливо. — Вот я, например: иногда кажусь себе лошастью — рысакom, клячей, в зависимости от настроения; а иногда вдруг чувствую, что осел я и есть осел: так было в истории с алмазом. Куда делся алмаз? До сих пор ума не приложу. Но чувствую, кто-то ловко обвел меня вокруг пальца. Зачем? Неужели только затем, чтобы завладеть алмазиком? Никогда не поверю. А исчезновение Дамдина? Если произойдет еще что-нибудь подобное, поверю в некие враждебные силы, мешающие нам.

— Не преувеличивай. Мне найти воду никто не мешал, и вредительства на буровой не было, а ведь вода — главное! Тут бы враждебным силам и показать себя.

— Да они могли просто не верить в то, что ты найдешь воду.

Поднялись во всю ширь горизонта полированные ветрами ребра скал, и Валя ахнула от восторга: таких исполинских черных зеркал ей еще не приходилось видеть.

Машины, захлебываясь от жары, ползли на запад, к хребтам Дунду-Сайхан, Барун-Сайхан, Дзолэн — горам, «Приносящим счастье».

Девичий перевал, с двумя священными обо — грудами камней, Падь ягнятников и, наконец, Огненная щель, или Котловина пещер...

Машины по старинной верблюжьей тропе спустились на дно впадины и заглушили моторы у юрты табунщика.

И снова табунщик Яримпиль выбежал из юрты; не

умеющие лаять тибетские доги на этот раз очень спокойно отнеслись к появлению людей и машин. Величественные черные псы с незакрывающимися ртами спокойно лежали у юрты и делали вид, будто их не касается все происходящее вокруг.

— Ну и страшилища,— сказала Валя Александру,— только погляди на их морды со складками, на отвислые губы!

— Тибетские доги очень умны и сообразительны. Хотел бы я завести такую собачку.

Когда из юрты вышел Очир, у Цокто сразу же испортилось настроение: оказывается, этот дьявол все время жил здесь! Знал: рано или поздно экспедиция заглянет сюда. Цокто боялся, что глупый Очир сразу же подойдет к нему, но тот весело скалил крупные белые зубы, не обращая ровно никакого внимания на Цокто, потом бросился разгружать машины. Он вел себя так, будто был обыкновенным табунщиком Бадзара.

В котловине решили задержаться на несколько дней, обследовать пещеру с вечным огнем, уточнить маршрут, совершить несколько рекогносцировочных поездок по пустыне на тех верблюдах, каких приведут завтра Тумур-батор и его напарник Дамчиг.

Вале и Пушкареву не терпелось сразу же поехать к пещере с богиней Тарой, но приходилось подчиняться общему ритму экспедиционной жизни. Пещера никуда от них не уйдет и завтра, а сейчас нужно раскинуть палатки, еще раз проверить имущество и продовольствие, приготовить ужин.

— И эти мрачные горы называются «Приносящие счастье»? — воскликнула Валя.— Более неудачное название трудно придумать. Они вызывают у меня безотчетный страх, завять хочется.

Пушкарев не мог с ней не согласиться: очутившись здесь, он тоже испытывал необъяснимую тревогу, будто черные зубчатые вершины несли в себе смертельную опасность, какую-то угрозу.

Возможно, таково было свойство всей обстановки, красных и темных зазубренных утесов и скал, острых вершин, глубоких ущелий, гранитных плит с неведомыми письменами, яркого высокого неба с медлительно плавающими в кристальной синеве большими коричне-

выми птицами: они кружат и кружат над головой, словно беспрестанно заглядывают в каменную воронку, выискивая жертву. А по вечерам небо здесь багрово-серое, тревожное. По ночам воют барсы, приползая к жилищу человека.

— Зато завтра ты увидишь статую Тары. Она прекрасна. Уверен, что скульптор был влюблен в натуру. Вот я видел в Улан-Баторе, в Гандане шестнадцатиметровую бронзовую статую Будды с шестью золочеными руками, фарфоровым лицом, сапфировыми глазами и блестящей диадемой на лбу. Вроде бы грандиозно, а ощущения красоты, одухотворенности не было. Потому что передо мной был не человек, а бронзовый идол, а эта... Да ты сама увидишь...

Рано утром Сандаг отправил машины обратно в лагерь. Вскоре Тумурбатор и Дамчиг появились в котловине с красными верблюдами. Сквозь ноздри верблюдов были продеты палочки, к которым прикрепляются поводья.

На Тумурбаторе была пограничная форма.

— Я пойду с вами,— сказал он Сандагу и посмотрел на Долгор.

— Но ты еще не настолько окреп, чтобы пускаться в такое трудное путешествие! Две недели придется сидеть в верблюжьем седле и идти пешком.

— Я окреп. Кроме того, мне нужно на заставу Балбырха, а вы, как слышал от отца, пойдете туда.

— Да, на обратном пути придется завернуть на заставу, дать передышку и людям и верблюдам.

— А я останусь на заставе.

— Останешься? Почему?

— Теперь буду там служить — ближе к дому. Пришло распоряжение из Улан-Батора.

— Ну это другое дело.

Тумурбатор не сказал всего. Не сказал того, что ему присвоили звание старшины и представили к правительственной награде. Он хотел бы вернуться на родную заставу, на восточную границу, но начальство рассудило по-другому. У Тумурбатора осталась небольшая хромота. Для хорошего наездника, каким был Тумурбатор, это не так уж важно. И все же... Демобилизовать его нет оснований, пусть послужит на более спокойной границе.

Так были решены все проблемы. А как добраться до заставы? Машины туда не ходят, дорога дальняя и опасная, во всяком случае, в одиночку отправляться нельзя. Опять случай шел навстречу Тумурбатору. Второй раз экспедиция его выручала.

Дамчиг также согласился сопровождать экспедицию, быть погонщиком верблюдов.

И еще один человек предложил свои услуги: Очир.

Цокто хотел было шепнуть Сандагу, что неизвестного этого человека брать не следует, но побоялся, промолчал. Очир выполнял задание своего начальника — японца, и шутки с ним были плохи.

— Кто знает этого парня? — спросил Сандаг.

— Я знаю, — подал голос табунщик Яримпиль, по-видимому не без наущения самого Очира. — Это новый табунщик Бадзара, еще один его приемный сын. Он хочет заработать немного денег на свадьбу. Он сюда специально приехал из Восточного аймака. А Бадзар денег не дает.

Все заулыбались.

— А кто знает тебя? — спросил Сандаг Яримпиля. — Почему мы должны верить твоей рекомендации?

Яримпиль смутился.

— Меня не знает никто, — сказал он глухо. — Я не нойон, не тайжи и даже не передовик скотоводства. Зачем знать меня?

— То-то же. Ладно, зачислим твоего дружка, если уж ему так срочно нужно жениться. А тебе пора переходить в объединение. Какой ты приемный сын? Ты батрак из батраков, гнешь спину на Бадзара, а что получаешь взамен? Может быть, твой кошелек раздулся от тугриков? Или у тебя свой табун завелся?

Яримпиль молчал. Он сам не знал, почему зарабатывает богатство этому Бадзару, которому и дела-то никакого нет до Яримпиля.

Красные верблюды понравились Вале. Она больше не боялась их, спокойно садилась в верблюжье вьючное седло. Она сделала открытие: верблюды трусоваты, всего боятся; даже когда на них нападают вороны, они не защищаются. Двугорбые верблюды-бактрианы были легки на ходу. Правда, без привычки трудно качаться на верблюжьей спине, перегибаясь в пояснице. А когда

бактриан переходит на рысь, то тебя болтает из стороны в сторону, ты взлетаешь чуть ли не до небес и чувствуешь, как все внутри у тебя переворачивается.

— Как на русских горках, — сказал Пушкарев. — Могучий зверь. Говорят, он запросто может пройти сто километров в день. Недаром его называют «кораблем пустыни».

Утром, после чая, все завьючили верблюдов и, растянувшись цепочкой, двинулись по узкому сквозному ущелью к пещере-храму, где восседала каменная богиня и горел вечный огонь.

Солнце постепенно поднималось, и пустыня заискрилась, засверкала всеми огнями, расплылась, заструилась миражными видениями. Но воздух еще был прозрачен, не замутнен смерчами, и сразу же справа они увидели, словно бы неподалеку от себя, голубую зубчатую дугу хребта Сэвэрэй, а за ним, как они знали, простиралась до самого хребта Нэмэгэту огромная котловина, тянувшаяся почти на две сотни километров. Скоро, скоро они пойдут на верблюдах по Нэмэгэтинской котловине... На автомашинах не проехать: узкие, глубокие овраги и русла, промоины и канавы, заваленные остроугольными глыбами, низкие пильчатые гребни и мелкосопочник, волнистая равнина, гигантские барханы и рыхлые пески, а в общем-то — неведомое, совершенно незнаемое бездорожье, где поломка хотя бы одной из машин может привести к трагическим последствиям. По великой Гоби ходят только караванными путями, а здесь даже караванных троп нет. Почти неизученный район... Полное бездорожье.

Дружно отодвинули в сторону камень с тибетскими знаками, ломаной линией и изображением птицы Гаруды, пожирающей короля змей Клу. Пушкарев и Валя первыми вошли в галерею со сводчатым потолком.

Сердце Пушкарева сильно забилося, когда вдалеке блеснул огонек. Огромный грот наполнился голосами.

И снова каменная богиня благожелательно улыбалась Александру. Он не сразу понял, о чем спрашивает оказавшийся рядом Сандаг:

— А где же кости динозавров?

Он огляделся по сторонам и почувствовал, как подгибаются от неожиданности ноги: скелетов ящеров не

было! Ни одного. Ни одной кости, ни одного ребра... Как будто здесь их никогда и не бывало.

— Ничего не понимаю... — пролепетал он. — Они были. Цокто может подтвердить.

— Массовая галлюцинация, — сказал Тимяков.

— Наш друг геолог, по-видимому, подвержен самовнушению, — насмешливо произнес Сандаг. — Не напоминает ли вам этот случай историю с пропавшим алмазом?

Александр был уничтожен, раздавлен.

— Вот в такие минуты я чувствую себя ослом, — шепнул он Вале. — Зловещие чудеса.

— Успокойся. Огонь горит, и богиня на месте. А кости ведь могли и привидеться.

— И ты, Брутиха... Что же, по-твоему, у меня с мозгами не все в порядке?

Да, подобного потрясения он не испытывал еще никогда, даже тогда, когда обнаружил пропажу алмаза, и теперь засомневался: да были ли эти кости, величиной с телеграфный столб, величиной с буровую вышку?

— Были, были, — успокоил Цокто. — Ты взял с алтаря такой небольшой гнедой камень. Помнишь? Продолговатый. Их тут лежало много, но кто-то забрал все. Кто?.. Зачем забрал — не понимаю.

Пушкарев вспомнил. Галька... Но галька — еще не доказательство. Все же полез в сумку, вынул камень, протянул Сандагу.

— Здесь, на алтаре, было много таких камней, теперь и они исчезли. Я взял тогда один...

Сандаг повертел продолговатый камень в руках, внимательно осмотрел его, провел ногтем черту по его поверхности и взволнованно произнес:

— Окаменевшее яйцо динозавра! Карст продавал каждое такое яйцо в естественно-исторические музеи Европы и Америки по десять тысяч долларов за штуку... Я, кажется, все понял. Здесь тайный склад охотников за динозаврами! Воры... Немедленно выступаем в дорогу... А впрочем, в этом, пожалуй, нет смысла: они намного опередили нас. Кости и яйца динозавров давно переправлены в Китай.

И хотя репутация Пушкарева была восстановлена, он все не мог успокоиться. Да, да, какие-то злые силы

все время стоят у них на пути! Кто бы мог предполагать, что он совершенно случайно обнаружит тайный склад бандитов-охотников за палеонтологическими сокровищами? Костей здесь было так много, такое невероятное количество — по-видимому, собирали их, прятали много лет, вели систематические раскопки под чьим-то умелым руководством, — а теперь, конечно же, потребовался большой караван верблюдов, чтобы увезти все.

И в самом деле, вскоре Лубсан обнаружил в пустыне следы большого каравана. След уходил на юго-запад, к горам Сэвэрэй.

— Придется отменить рекогносцировочные поездки, — сказал Сандаг. — Если мы и не догоним бандитов, то хотя бы будем знать, в каком направлении они ушли. У них груз тяжелый, и они вынуждены устраивать дневки. А по нынешней жаре с грузом далеко не уйдешь: не больше двадцати километров в день. Мы пойдем налегке, будем двигаться до полуночи, а то и до утренней зари, возьмем самое необходимое.

Сандаг догадывался, как все произошло: прознав каким-то непонятным образом, что тайник раскрыт, бандиты переполошились и сразу же ринулись сюда спасать награбленное богатство. Границу они, конечно, перешли незаконно где-нибудь в безлюдной местности, ночью, а потом гнали верблюдов рысью, стараясь выиграть время. Уж не старый ли знакомый Карст пожаловал в гости?..

Сандаг очень сожалел, что поторопился отпустить машины. Но дело было сделано. Он составил текст радиогаммы на имя правительства, рассказал о нарушении границы бандитами и просил принять срочные меры, поставить обо всем в известность погранзаставы и пограничные пункты. Приходилось отказываться от одного из караванщиков.

— Бери лошадь и скачи во весь дух в лагерь, передай радиогамму радисту, поставь обо всем в известность Аюрзана! Пусть пошлет лучших наездников к пограничникам, — сказал он Дамчигу. — В пути ни в коем случае не задерживайся! Да ты ведь все знаешь, сам служил на границе. Используйте экспедиционные машины: скажи — мой приказ! Я написал тут письмо агроному и Зыкову.

До лагеря было далеко, когда еще доскачет по горам туда Дамчиг...

Сандаг надеялся быстрее добраться до пограничников — напрямую!

Завьючили верблюдов, наполнили бочки водой, взяли кожаные ведра, две небольшие палатки, провизию на две недели, инструменты и выступили на юго-запад. Они должны были, по замыслу Сандага, в короткие сроки пройти между южными хребтами Ноян-Богдо и Тосту к неведомому урочищу Балбырха на самой государственной границе. Там погранзастава. Там четыре колодца.

Почти сразу же за щебнистой, гладкой, как стол, равниной пришлось ехать среди беспорядочного скопления невысоких холмов. Потом стали встречаться овраги. Немалых трудов стоило заставить верблюдов спускаться по их крутым склонам. Только к вечеру путники добрались до песков и заночевали в чахлах зарослях саксаула под прикрытием невысоких черных скал. Развели костер. Верблюды жевали солоноватые сочные ветви саксаула. Старые стволы этого корявого кустарника горели, как каменный уголь, и жар держался долго. Немного отдохнули — и снова в путь. Шли всю ночь. Валя держалась за луку седла, от беспрестанного покачивания ее мутило, и она не раз пожалела, что отправилась в эту поездку. Она с ненавистью смотрела на узкую, змеиную голову своего бактриана, на его бочкообразное туловище, силилась улыбаться Пушкареву, но улыбка была вымученная.

Утром путешественники засмотрелись на восход солнца. Окрестные скалы в лучах восходящего светила казались темно-багровыми. На юге, совсем рядом, четко рисовался высокий хребет, вершины которого были словно вылеплены из лазурита. По небу тянулись огневые полосы. Ничто не нарушало безмолвия пустыни. Только один раз над верхушками скал пролетел бурый гриф.

Пока Долгор и Тумурбатор кипятили чай, Тимяков и Пушкарев обследовали скалы. Там, на гладкой черной стене, оказались высеченными какие-то непонятные значки. Пушкареву и до этого случалось находить на камнях непонятные знаки. Каким народом и в какое время они были высечены — трудно было сказать. Но они словно

напоминали, что и в те отдаленные времена человек стремился как-то запечатлеть свою мысль, свое восприятие окружающего мира. Александр решил зарисовать непонятные знаки в тетрадь, и вдруг рука его дрогнула: он увидел на скале грубо намалеванную белой масляной краской птицу Гаруду, пожирательницу змей. Краска успела слегка пожелтеть, но то была именно масляная краска. А внизу — знакомая ломаная линия-пила, рельефно выведенная все той же масляной краской.

— Значит, мы на верном пути, — сказал Тимяков. — Птица Гаруда и ломаная линия, как на том камне, — указатель, стрелка, одним словом: идти надо на северо-восток. Без подобных ориентиров здесь легко сбиться; бандиты ходят, как видим, по азимуту.

Открытие заинтересовало и Сандага. Стали ломать голову, что могла бы означать ломаная линия, но так ничего и не придумали.

— Может быть, ползущий ящер?

— Хищные ящеры ходили на двух ногах, как кенгуру.

— Может быть, количество лощин и перевалов, какие нужно пересечь на пути к пещере?

— Не получается. Ладно, будем считать ползущим гадом — не ошибемся.

Чем запутаннее был рельеф местности, тем чаще встречалась на скалах и на камнях ломаная линия, иногда с изображением Гаруды, но чаще без нее.

...Перевалив хребет Сэвэрэй, к вечеру стали спускаться в широченную Нэмэгэтинскую котловину. Это была особая котловина. Другой такой не было нигде на земном шаре. Она тянулась на двести километров с востока на запад, ограждали ее с севера высокий, зубчатый и угрюмый массив Нэмэгэту, с отметкой, как знали Тимяков и Сандаг, 2766 метров, и горы Гильбенту; с юга — Тосту и Ноян-Богдо. Туда, к хребту Нэмэгэту, и намеревалась сперва сделать бросок экспедиция, но на это ушло бы очень много времени и бандиты могли ускользнуть. Нэмэгэтинская котловина занимала свыше пятидесяти тысяч квадратных километров, и все это было, как догадывались ученые, кладбищем динозавров! Безжизненная и суровая межгорная котловина, район громадных захоронений древних рептилий и млекопитающих, место, забытое богом и людьми.

До этого только раз Тимякову и Сандагу довелось побывать в ней. Много лет назад. В книге Тимякова имелась запись о том посещении, и теперь, на коротких привалах, Пушкарев и Валя вчитывались в каждую строку: «Котловину Нэмэгэту, куда мы направляемся, называют «Домом смерчей»...» Они всматривались в огнистую вечернюю даль, где крутой мрачной стеной чернел Нэмэгэту, и жалели, что не удастся побродить в гигантском красном лабиринте извилистых и глубоких каньонов, раскинувшихся у его южного подножия. Там фантастический призрачный город, башни красных песчаников, желтые и красные стены, купола, арки, колонны — и повсюду, как говорят, торчат кости динозавров. Город вымерших драконов...

— Там столько загадок и тайн, что на сто лет хватит,— сказал Тимяков.— Мы с Сандагом в прошлый раз едва не заблудились, вернее, едва выбрались из лабиринта.

— А почему Нэмэгэтинскую котловину называют «Домом смерчей»? — поинтересовалась Валя.

— Нам только бы проскочить ее! Это аэродинамическая труба пустыни, она открыта с запада и востока — сквозные ворота западных ветров. А чтобы проскочить, потребуется не меньше двух дней, а то и больше. Ширина все-таки около пятидесяти километров! Воды нет совсем. Мы, по сути, еще и не добрались до самой котловины. Вот когда появится большой сайр¹ и станет нечем дышать...

— Вот так труба!

На дне котловины виднелись кочковатые пески, кое-где заросшие низкими, скрученными ветром кустами саксаула.

— А что такое там — большое, черное? — спросила Валя, указывая на темный клубок среди перекрученных ветвей саксаула.

— Это гнездо пустынного грифа,— сказал Тимяков.

Погасли лазоревые миражи, только горели красные облака.

...Путешественники, измученные трудным переходом, спешились, развели костер, вскипятили чай. Пустыня еще

¹ С а й р — сухое русло водяного потока.

не охладилась, но уже жила. К ногам Вали безбоязненно подкатился ушастый гобийский еж, ткнулся острым носиком в подошву ее сапога, обнюхал. Она дала кусочек сахару. Еж взял. Появились еще три ежа. Стали отнимать сахар у первого. Получилась забавная сцена.

— Ежи — хорошо, — сказал Сандаг. — В здешних местах много ядовитых змей — щитомордников. А ежи в обиду нас не дадут.

И все-таки от его слов у Вали мороз пошел по коже. Сколько раз у себя на буровой она видела змей, гнезда фаланг и молодых скорпионов. Особенно ненавидела и боялась скорпионов, которые здесь, в отличие от казахстанских, были бледно-зеленого цвета, почти прозрачные.

— Терпеть не могу всю эту мерзость! — говорила она Пушкареву.

— А теперь придется терпеть. На меня ведь тоже сперва смотрела, как на щитомордника. А теперь терпишь.

Отдыхать долго не пришлось.

— Поспешим! — сказал Сандаг. — Отдохнем потом. Нам к утру надо подойти к горам Хана-Хере.

Теперь они двигались при свете звезд по сплошному кочкарнику, пересекали сухие русла...

О горах Хана-Хере Сандаг и Тимяков рассказывали разные чудеса, и всем не терпелось поскорее добраться до них. О каких «зеркалах скольжения» толкуют ученые?

— «Хана-Хере, Хана-Хере!..» — повторял и старый Лубсан. — Зеркало царицы. Там живут страшные призраки, злобные демоны — докшиты.

— А вы их видели? — спросил Пушкарев.

— Видел. Андрей видел, Сандаг видел.

Но ученые не пожелали ничего объяснить.

— Сами все узнаете. Поспешим, пока солнце не поднялось. В здешних местах днем можно превратиться в жареную яичницу или в печеную картошку — по выбору.

На всем пути от Дзолэна до Хана-Хере они не встретили ни одной юрты, ни одного человека. Тимяков как-то говорил, что плотность населения в Южногобийском аймаке достигает 0,1 человека на квадратный километр. Но даже и одной десятой человека не обнаруживалось здесь.

Рассвет опалил их зноем. Заплясала, задрожала горячая миражная дымка. Между песками струился, тек желтый сумрак. День только начинался, и жизнь еще не забила в норы, не скукожилась от зноя. Проворно бежали огромные мохнатые фаланги на высоких паучьих ногах; они иногда застывали на месте и почти осмысленно смотрели большими выпуклыми глазами на людей и верблюдов. Во время привала Долгор сбросила щелчком фалангу, которая забралась ей на рукав. На скатах барханов росли широко расползшиеся кустарники селитрянки, покрытые красными ягодами, а также сульхир, полынь, тимурия. Иногда проползала по песку ярко-зеленая или красная змея. Щебетала саксаульная сойка. Встречались целые заросли саксаула, мешавшие свободному движению каравана. Иногда караван попадал в длинные узкие коридоры, образованные красными и черными скалами, отполированными до блеска, или же поднимался на вершину бугра, и отсюда открывался обширный вид на котловину. Глаза слепило от блеска песка и скал.

Верблюды шли с трудом. Их губы отвисли, ноздри расширились. Скрипел под ногами песок. И нигде не было тени, чтобы укрыться от палящего зноя. День казался бесконечно длинным. Теплая вода не освежала. В целях экономии воды верблюдам только смачивали губы.

Сандаг подбадривал:

— Жара — разве плохо? Монгол жары не боится. Мороза тоже не боится. Монгол боится сырости.

Спереди горизонт закрывали совершенно немыслимые горы: исполинские кубические глыбы, будто искусственные сооружения, матовые, черные, как бы мерцающие — стена до неба из правильных кристаллов необыкновенных размеров.

Когда подошли к стене ближе, все невольно придерживали верблюдов и, несмотря на иссушающую жару, почувствовали озноб: со стены — блестящего экрана, из самой глубины хребта на них глянула большая ухмыляющаяся физиономия и сразу исчезла, потом появились причудливые клубящиеся фигуры. Иногда физиономия во всю стену появлялась на мгновение, корчилась в смехе и пропадала.

Пушкарев, Валя, Тумурбатор и Долгор подъехали к каменному массиву и увидели, как их отражение выступило, отделилось от скалы и двинулось им навстречу. А там, за призрачными фигурами, чувствовалась вовсе не зеркальная глубина, а некий неведомый, инопланетный мир; казалось, сделай они еще хотя бы шаг — и войдут туда, в туннель из темного света, ведущий в непостижимое, в то, чему нет названия, в сказочную Шамбалу иных пространственных и временных измерений...

Они отпустили верблюдов, а сами стояли у раскаленных камней и не могли оторвать глаз от меняющейся поверхности горного зеркала.

Звенело в голове от жары; казалось, мозг превратился в расплавленный свинец. Все хватало пересохшими ртами горячий воздух, а призраки манили их в прохладную глубину иного бытия, обещали покой.

— Кажется, я схожу с ума... — простонала Валя и судорожно потерла пальцами виски. — Уйдем отсюда. Это страшно, пусть даже оптический фокус. Как в бредовом сне. И пить хочется...

— А вот и знакомая цапля, — указал Пушкарев на белую Гаруду, намалеванную на скале. — И та же самая ломаная линия. Фирменный знак: «Икс и компания».

Они стояли подавленные, словно бы не уверенные в реальности всего. Александр держал Валину руку. Сияло небо, а по сторонам простиралась голодная, мертвая пустыня, и не было ей ни конца, ни края. Им еще предстояло идти и идти, волоча усталые тени, и никто не знал, чем все кончится.

Куцая тень от скал не спасала от зноя. Вода в бочонках была теплая и не давала облегчения. Верблюды лежали, поджав под себя ноги, и глаза их были печальны, светились стеклянным блеском. Сандаг решил дать отдых тэмэнам (так он называл верблюдов) на несколько часов.

— Верблюд — существо кроткое, нежное. Нужно обвязать им тряпками подошвы ног, чтобы не стирались о песок. Эй, Тумурбатор, Очир, исполняйте!

Караванщики безропотно принялись за дело. Сейчас от выносливости верблюдов зависело все, сама жизнь пятнадцати членов экспедиции. На помощь здесь рассчитывать не приходится.

Вокруг только горячая пустота да пышущие жаром камни.

Хребет Дзолэн, откуда они вышли, превратился в голубую полосу, поднимающуюся за Сэвэрэем; дальше на севере и на северо-западе — острые синие зубцы хребтов Гильбэнту, Нэмэгэту, а на юге — едва приметный плоский Тосту и величественный Ноян-Богдо.

За скалами Хана-Хере начиналась настоящая Нэмэгэтинская впадина, простирающаяся в широтном направлении, ее, так сказать, магистральное русло.

Так как вода в бочонках убывала, Сандаг, Тимяков и Лубсан решили поискать колодец, который якобы в прошлый раз был в этих местах. Пушкарев и Валя, хоть и чувствовали себя разбитыми, присоединились к ним. Захватив винтовки и наказав Цокто и караванщикам присматривать за лагерем, они стали спускаться на дно котловины, где виднелись заросли дерисуна. Здесь, среди сноповидных кустов, должен был быть колодец без сруба — обыкновенная яма с водой. И Валя подтвердила:

— Где растет дерисун, смело можно рыть колодец, вода недалеко от поверхности.

Но только зря тратили они силы, обливались потом. Колодца не было. Тимяков сверился со своими прежними записями, с топографической картой, которую сам составлял в прошлые годы: все сходилось.

— Здесь, у красных камней, был колодец, а теперь кто-то его засыпал. И совсем недавно, — сказал он, опускаясь на колени и щупая землю. — Не просто засыпали, а утрамбовали почву и забросали дерисуном.

— Колодец надо откопать, — сказал Сандаг. — Карст решил таким образом задержать нас. Жалкая уловка.

Они вернулись в лагерь, взяли две лопаты. Общими усилиями колодец откопали, показалась вода. Она была холодной, слегка солоноватой, но приятной на вкус. Напоили верблюдов, наполнили бочки и фляги.

— Ты берешь пиалу левой рукой, — сказал Пушкарев Вале со смехом. — Это же неприлично!

— Разве? Что же ты раньше не предупредил?.. Теперь я знаю: самая сладкая вода в Гоби!

Можно было отправляться в путь, но прибежал запыхавшийся Лубсан:

— Андрей, Сандаг, там хабтагаи!

— Где?!

— В кустах тамариска.

Ученые мигом похватали винтовки. Не понимая, что случилось, Пушкарев тоже схватил винтовку. Хабтагаи?.. Бандиты?

Цокто успокоил:

— Хабтагаи — дикие верблюды! Очень редко встречаются. Идем посмотрим.

За дальними кустами тамариска паслось стадо верблюдов. Казалось, самые обыкновенные домашние верблюды.

— Ложитесь! — крикнул Тимяков.

Все упали на землю. Усталости как не бывало. Дикие верблюды, или хабтагаи! Как много доводилось слышать об этих таинственных животных! О них писали почти все путешественники, начиная от Марко Поло, Пржевальского и кончая Тимяковым. Решили, что Сандаг и Лубсан останутся в засаде, а Тимяков обойдет стадо с восточной стороны. Он знал, что хабтагаи обладают тонким слухом и острым зрением. Было чудом, что они до сих пор не заметили людей.

По оврагам и рытвинам ученый стал подбираться к стаду. Когда он приблизился на винтовочный выстрел, то замер на месте. От зноя и волнения кровь стучала в висках. Вот они, цари пустыни!

Тимяков прицелился и нажал спусковой крючок. Выстрел треснул сухо, один из самцов сделал прыжок. Стадо бросилось бежать. С места хабтагаи не могли развить большой скорости, и Тимяков сделал еще несколько выстрелов. Дикие верблюды скрылись за холмами. Только старый вожак остался на месте и испуганно смотрел на окруживших его охотников. Несколько минут он продолжал жевать, потом вытянул шею, прощальным взглядом окинул пустыню, холмы, за которыми скрылось стадо, и свалился на бок. Еще несколько минут он хватал воздух широко открытой пастью, потом затих. Взгляд его печальных стекленеющих глаз надолго запомнился географу.

Шкуру снимали двумя частями, сделав разрез по хребту. Шерсть у хабтагая была мягкая, тонкая, мясо — как у кабана, с прослойкой сала.

— Вы великий охотник, Андрей Дмитриевич! — воскликнул Сандаг.— Ай-ай... жир, мясо!.. Сегодня мы хорошо поужинаем. Жаль, арки не захватили. Великая удача...

У всех было приподнятое настроение.

— Скелет хабтагая возьмем с собой. Для музея.

— Хабтагаи по неделе могут оставаться без воды,— объяснял Сандаг,— а зимой — до двух недель. В январе они часто нападают на домашних верблюдов, убивают самцов, а самок угоняют с собой.

— А может быть, это не хабтагаи, а просто одичавшие верблюды? — высказал предположение Пушкарев.

— Не думаю,— ответил Тимяков.— Дикие и домашние верблюды — две разновидности, имеющие общих предков.

...Сверкало солнце, кривились нечеловеческие лица в зеркальных скалах. У всех воспалились глаза от нестерпимого блеска песков и камней. Мучили миражи. Возникали белые города с фантастическими башнями, шпилями и арками. Возникали и тут же таяли. А неутомимое солнце вновь плело из миражной дымки морскую гладь, роскошные сады, многоярусные пагоды, грушеобразные субурганы... И все это представление совершалось природой здесь изо дня в день в течение многих тысячелетий, и не для случайных зрителей, а для самой себя, словно бы природа забавлялась, пробуя подражать людям. И зеркальные скалы с их оптическим эффектом тоже были всего лишь ее забавой для себя, так как в эти угрюмые места редко кто заглядывал, да и вообще суеверные арабы объезжали их далеко стороной.

...Караван шел по душной Нэмэгэтинской котловине. И каким же маленьким выглядел он в угрюмом сухом море!

Поступь верблюдов была неровной, неуверенной.

— Ну как ты? — то и дело справлялся Пушкарев у Вали.

— Спасибо. Наконец-то исполнилась моя заветная мечта: я попала в историю, какие бывают только в приключенческих книжках. Какой здесь воздух тяжелый. Будто в закрытой яме. А еще «Домом смерчей» называется! Ни ветерка...

— Да, циркуляция воздуха слабая. Но я что-нибудь

придумаю,— шутил он.— Ом мани падме хум, ом мани падме хум, хочу прохлады!..

— Зря стараешься. Волшебник из тебя никудышный! Целый вагон костей динозавров проворонил, а теперь гоняйся за ними...

— Так откуда мне было знать, что подохшие семьдесят миллионов лет назад твари умеют бегать?!

Разговаривать не хотелось. Они умолкли, сделались безучастными ко всему окружающему.

Бесконечно тянулся день.

Они шли и шли по накаленной добела пустыне, сквозь колеблющиеся горячие миражи, шли, уже ничего не соображая, отупевшие от жары. Шли и не заметили, как оранжевый диск солнца затянулся седой дымкой. Сразу небо потемнело. Казалось, в десяти шагах обрывается мир, а дальше — серебряная пустота. Неожиданно грянул гром. Первые крупные капли дождя упали на землю.

— Скорее наверх! Скорее! — закричал Лубсан.

Под яростным ливнем верблюды стали взбираться вверх сухого русла, вдоль которого они до сих пор шли. Через несколько минут внизу уже стремительно неслись мутный бурлящий поток. Подмытая земля с плеском падала в воду. А вода все прибывала... Образовавшаяся река, сплошь покрытая клочьями пены, со страшной силой сокрушала все на своем пути.

Лубсан и Цокто растянули брезент, устроив из него подобие огромной чаши, и вскоре эта чаша наполнилась холодной дождевой водой. Сверкали молнии, раскаты грома сотрясали небо и землю. Все промокли до нитки. Путники лязгали зубами от холода.

— Из огня да в полымя! — выкрикнул Пушкарев, стремясь пересилить голосом рев потока.

Приходилось поторапливаться: вода грозила выйти из берегов. Но впереди были другие овраги, по которым мчались такие же бурлящие потоки. Дождь хлестал не уменьшаясь. Воду из брезента перелили в бочки. На вершине холма поставили палатки. Дальше двигаться нечего было и думать.

— Я же говорил: монгол боится сырости,— шутил Сандаг.— Теперь понятно, почему ее надо бояться?

Путники сидели в тесных палатках, прижавшись

друг к другу. Валя не могла отделаться от впечатления, что все это происходит во сне.

Через час дождь прекратился, вода в оврагах стала убывать. Пора было собираться в дорогу.

Ночь застала путешественников в мрачных пустынных горах. Утомившись за день, все скоро заснули. Только Пушкарев и Валя долго сидели у костра. Небо над ними было яркое, звездное, необыкновенно глубокое. Оно мерцало, словно пронизанное какими-то неведомыми лучами.

Александр привлек к себе девушку и поцеловал ее. Она крепко прижалась к нему.

— Что бы ни случилось с нами потом, — сказал он, — но того, что уже было, не вычеркнешь из жизни. И оно было, было — и ты была рядом...

КОГТИ ДИНОЗАВРА

Багровый диск солнца поднялся над далеким хребтом Ноян-Богдо, оплавил небо. Снова заплясали горячие миражи, и в них небольшие холмы с обрывистыми скатами выросли до огромных размеров, встали красной стеной.

Экспедиция все еще пробиралась по Нэмэгэтинской впадине, пересекая невысокие скалистые горы и широкие песчаные долины. Зной расслабляет, не хочется ни разговаривать, ни думать, а пустынному, безотрадному пути нет конца: все тихо и мертво, ни птицы, ни зверя; котловинки, покрытые выцветами соли; небольшие вихри долго кружатся на одном месте, обдают усталых путников соленой пылью.

Верблюды то спускаются на дно сухих русел, то поднимаются на площадки, покрытые мелкой галькой и щебнем.

Бактрианы не умеют спускаться по крутому борту русла шагом, они бегут, и седоку приходится крепко держаться за луку седла или за горб верблюда, чтобы не свалиться на землю. Это мучительно. Лучше всего перед спуском слезть, а чтобы слезть, нужно сперва уложить верблюда на брюхо, а перебравшись через овраг, снова уложить его и влезть в седло. При этом верблюд плюет жвачкой и ревет: он устал.

Идти пешком очень трудно: корявые ветки саксаула цепляются за одежду, рвут ее, даже в сапогах на толстой подошве горячо ступать по песку и раскаленному щебню.

Цокто все время находился в какой-то тяжелой дреме. Он не обращал внимания на тряску, привычно держал в руке поводок, привязанный к палочке, которая пропущена через прокол в носовой перегородке верблюда. Он словно бы слился со своим «кораблем пустыни».

Если бы рядом не было злого демона Очира, Цокто чувствовал бы себя почти счастливым: он любил зной, пустыню и дальнюю дорогу.

Но Очир все время нашептывал:

— Пора кончать с ними! Отравим всех верблюдов, оставим двоих для себя; воду из бочонков выльем, удерем ночью. Как все заснут, поднимайся тихо, наши верблюды будут наготове...

Цокто хотелось остановиться и крикнуть, чтобы слышали все:

«Хватайте его: он японский шпион!»

Он жалел, что не взял револьвер, который навязывал ему Бадзар: завести эту японскую гадину в холмы и прикончить, а потом сознаться во всем... Казалось немыслимым погубить Сандага, Тимякова, Пушкарева и этих двух девушек, которые даже не подозревают, как они близки к своей смерти.

— Мы с тобой сыновья князей... — нашептывал Очир. — Сейчас в сомоне Бадзар и Накамура начали восстание. А экспедиция сама залезла в ловушку. Они гонятся за Карстом... Глупцы! Люди Карста хорошо вооружены, все равно всех перещелкают поодиночке. По ошибке и нас могут пристрелить. Меня дела Карста не интересуют. Мы должны с тобой вернуться к Накамуре...

Цокто находился в растерянности. Нужно обо всем рассказать Сандагу... Но поверит ли Сандаг?.. Придется рассказать все: о Бадрахе, о японце, о заговоре...

Верблюд спускался в глубокий сайр; песчаник борта был крепкий, и трясло невероятно. Внезапно глаза Цокто расширились от ужаса: впереди из песчаника торчала огромная рука или лапа с тремя темно-коричневыми мечеобразными когтями — казалось, она вот-вот схватит верблюда за шею. Бактриан шарахнулся в сторону, Цокто от неожиданности перелетел через его голову и очу-

тился рядом с когтистой лапой. Геолог завыл от неожиданности.

— Что случилось?

Это был Сандаг. Вскоре все сгрудились возле лапы с чудовищными когтями. Каждый коготь был не меньше семидесяти сантиметров.

— Передняя конечность динозавра,— сказал Пушкарев.— Странное дело: насколько известно, передние лапы у них были короткие, не больше, чем руки у любого из нас. Это какой-то новый вид! Поздравляю, Цокто: считайте, что ваше имя уже навеки вписано в анналы науки — вы сделали величайшее открытие!

Все стали поздравлять Цокто, пожимали ему руки, а он никак не мог прийти в себя от испуга.

Лапу динозавра вытащили из песчаника, и теперь можно было рассмотреть ее как следует. Да, несомненно, она принадлежала самому крупному хищнику, когда-либо обитавшему на земле. Таких гигантских острых когтей, слегка изогнутых, широких и плоских, похожих на косу, не имелось ни у одного из известных науке животных. То было страшное оружие.

Семьдесят миллионов лет торчала она из красного песчаника, наводя ужас на случайно забредших в здешние места пастухов. А возможно, здесь вообще не ступала нога человека.

След Карста, если то был он, экспедиция давно потеряла и теперь брела просто на юг, к урочищу Балбырха, за которым находилась погранзастава. Во всяком случае, изображения пожирательницы змей птицы Гаруды больше не встречались на скалах.

Наконец и до Цокто дошло, что, сам того не желая и не ведая, он сделал крупное палеонтологическое открытие, о котором в скором времени заговорит весь мир. Цокто не был тщеславным, и все-таки было приятно осознавать, что его имя напечатают в толстых журналах, и Бадрах уже не сможет смотреть на него с легким презрением и пренебрежением, как глядел до этого. А из тех, кто стоит сейчас возле него, ни Сандаг, ни Пушкарев, который тоже увидел лапу динозавра почти в одно время с Цокто, не претендуют на роль первооткрывателя. Лапу, оснащенную тремя мечевидными когтями, нашел младший научный сотрудник Цокто, и только он!

Сандаг обнял Цокто, прижал его к груди.

Погонщик Очир с саркастической улыбкой наблюдал за этой сценой. А когда караван тронулся в путь, Очир подъехал к Цокто и сказал:

— Ты правильно сделал, что забрал эти когти дракона: за границей, где мы скоро очутимся, тебе за них дадут много тысяч долларов. Тот же Карст даст.

Но Цокто не отозвался: он был во власти своих невеселых дум. «Если Сандаг и другие узнают, что я заговорщик,— размышлял он,— будут ли мое имя печатать в толстых журналах и присвоят ли мне звание старшего научного сотрудника? Меня посадят в тюрьму, а человек, сидящий в тюрьме за измену Родине, не имеет права на мировую славу: все с презрением отвернутся от меня и проклянут навсегда...»

Как быть, как поступить?..

Пламенела раскаленная земля; как дурной сон, тянулись мертвенные равнины с красными кустарниками тамариска; поднимались красные и желтые песчаниковые останцы причудливых очертаний, шагали и шагали верблюды в лазоревую даль...

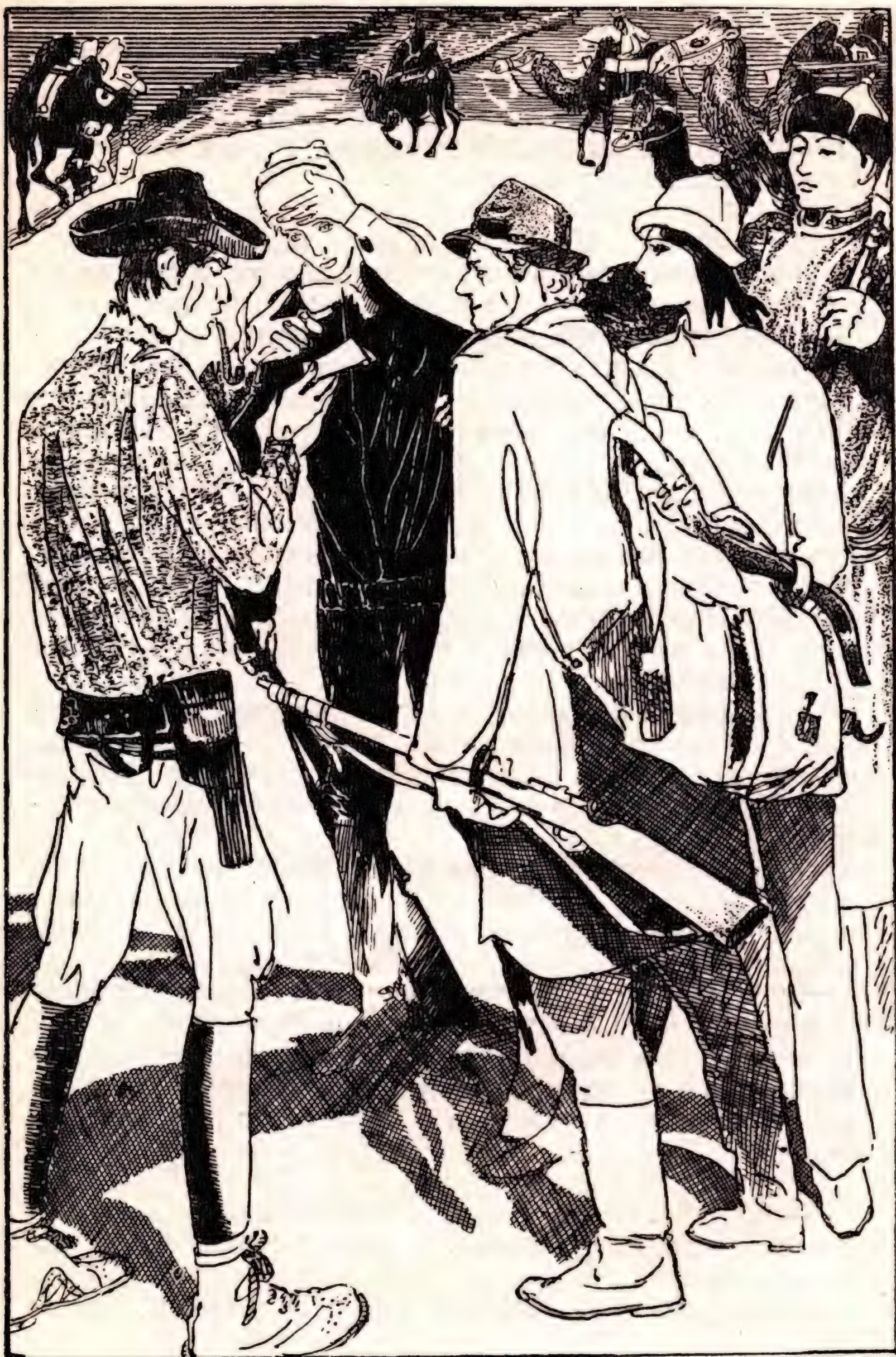
Еще одна ночь в песчаной пустыне. У костра мало разговаривали. Только Долгор чувствовала себя хорошо; смеялась, помогала развешивать животных. После душевной ночи наутро — снова утомительная дорога, крутые спуски, рыхлый песок, засыпающий ноги верблюдов по колено. Лишь к полудню караван стал спускаться в котловину, заросшую баглуром и саксаулом.

И вдруг путешественники увидели то, что заставило их приостановить верблюдов: внизу были раскинута палатки, а на высокой мачте развевался пестрый флаг неведомого государства. Это было до того неожиданно, что Сандаг протер глаза. Но палатки не были миражем. На песке лежали верблюды, сновали люди, на земле груды были свалены ящики и тюки.

Сандаг присвистнул и переглянулся с Тимяковым.

— Всем зарядить винтовки и быть готовыми к любым неожиданностям! — приказал Сандаг. — Все-таки догнали!

Встреча с отрядом бандитов в этих пустынных песках не сулила ничего хорошего. Усталость как рукой сняло.

Валя подъехала к Пушкареву: около него она чувствовала себя в безопасности. Александр ободряюще улыбнулся ей, хотя пальцы его дрожали от возбуждения.

— Ну что ж, друзья мои,— сказал Сандаг,— на нашей стороне закон, а следовательно, и сила. Не будем терять времени на размышления.

Он был начальником экспедиции, и сейчас его слово было решающим. Он поехал впереди каравана.

Высокий человек в клетчатой ковбойке, в мексиканской широкополой шляпе и гамашах с крагами вышел навстречу путешественникам. Он держал руки в карманах галифе, попыхивал трубкой. Это был Карст, расхититель палеонтологических и археологических сокровищ Монголии. Лицо его было иссечено суровыми морщинами. У сухого рта лежали резкие складки, но голубые глаза поблескивали молодо. Он спокойно окинул всех взглядом и произнес на чистейшем русском языке:

— Я рад вас видеть, господин Тимяков. Мы встречались с вами в Урге в двадцать пятом году. Я читал ваши оригинальные работы и восхищен. Вы родились ориенталистом и много сделаете для мировой науки... Прошу, господа, в мой шатер!

— Я представляю здесь закон Монгольской Народной Республики,— резко сказал Сандаг,— и хочу знать, на каком основании вы здесь находитесь?

Карст рассмеялся добродушно, потом серьезно ответил:

— Моя экспедиция находится здесь на законных основаниях. Вот, пожалуйста, если это так необходимо.

Он полез в нагрудный карман, извлек оттуда большой плотный конверт (Цокто сразу узнал этот коричневый конверт!) и протянул его. Сандаг вынул оттуда большой лист бумаги и некоторое время изучал содержание документа. Это было официальное разрешение, уполномочивающее экспедицию палеонтолога Карста производить раскопки на территории Монголии. Подписи, печать, дата. Сандаг был непреклонен.

Он вернул бумагу и сказал:

— Правительство отказало вам в просьбе вести раскопки на нашей территории. Я хорошо это знаю. Откуда этот документ?

Карст улыбнулся снисходительно, понимаяюще.

— Я человек далекий от политики,— сказал он.— Правительства или разрешают, или отказывают. После отказа я снова обратился к вашему правительству, и мне все-таки разрешили. Я работаю на благо мировой науки, и, по-видимому, ваше правительство наконец поняло это и пошло мне навстречу. Ведь я и раньше бывал в вашей стране... Я обещал подарить вашему краеведческому музею кое-какие экспонаты. Как видите, все законно.

— За исключением пустячка, господин Карст,— ваши бумаги не имеют законной силы: здесь нет моей подписи — подписи председателя Ученого комитета, а она обязательна.

— Откуда мне знать такие тонкости? Мне выдали бумагу, и все.

— Я сомневаюсь в подлинности этого документа. Я ведь тоже член правительства МНР. Представьте себе, я сделал запрос по радио (когда мы обнаружили пропажу костей динозавров, хранившихся в храме-пещере), и теперь правительству известно, что некая иностранная экспедиция находится на территории МНР. Пограничники не выпустят вас...

Карст побледнел. Но он быстро справился с растерянностью и заулыбался.

— Нам нечего бояться,— почти весело произнес он.

— Я тоже так думаю. Но так как на вашем документе нет отметок пограничников, вам придется последовать за нами на погранзаставу.

— А если мы не последуем? Наши верблюды обьелись баглуром и в плохом состоянии. Поэтому мы и задержались.

— Вас все равно задержали бы. И все-таки, господин Карст, вам придется проследовать на погранзаставу. Караван можете оставить здесь на своих помощников. Мы вам дадим лучшего верблюда. Наш лучший караванщик Тумурбатор поведет его. Эй, Тумурбатор, усади господина Карста на Плешивого! Нам некогда задерживаться.

— Но я должен распорядиться...

— Не беспокойтесь, вашим помощникам я сам все объясню. Мы выясняем маленькое недоразумение.

— Это незаконно!

— Вот и выясним, законно или незаконно. И не взду-

майте делать глупости: Тумурбатор этого не любит,— предупредил Сандаг, заметив, что Карст хочет позвать своих людей на помощь.

— Значит, я под арестом?

— Считайте как вам удобнее. Вы похитили палеонтологические сокровища — так считаем мы. Ну, а если мы ошибаемся, то после визита на погранзаставу принесем вам самые глубокие извинения.

— Хорошо, я подчиняюсь обстоятельствам,— неожиданно успокоился Карст.— В самом деле, не будем терять времени!

— Ваши верблюды в плохом состоянии! — крикнул Сандаг людям Карста.— Так ли это?

— Да! — дружно донеслось в ответ.

— Мы приведем вам здоровых. Господин Карст сам выберет по вкусу. Подтвердите, господин Карст!

— Я скоро вернусь с верблюдами,— унылым голосом подтвердил Карст.— Не беспокойтесь. А если верблюды поправятся, не ждите меня, идите домой! Я догоню вас,— добавил он.— Или закопайте кости дракона в укромном месте и уходите в Нинся...

— Ну это вы зря,— рассердился Сандаг.— Впрочем, далеко они все равно не уйдут.

Заподозрили ли люди Карста что-нибудь неладное? Может быть, и заподозрили, но не подали вида. Сейчас вступать в перестрелку не имело смысла: их верблюды в самом деле объелись баглуром, лежали и рыгали — непредвиденное обстоятельство, задержавшее бандитов. Все шестьдесят верблюдов лежали и рыгали, и еще неизвестно было, поднимутся ли они на ноги. Отбить верблюдов у монгольской экспедиции? Но на них не увезешь скелеты динозавров: верблюдов мало, можно пересчитать по пальцам. Кроме того, Карст не подавал сигнала к нападению, а это значило, что у него было что-то свое на уме. Они-то хорошо знали своего предводителя — ловкого, изворотливого джентльмена удачи. Откуда здесь пограничники? Может быть, засада?.. Стрелять нельзя, очень опасно...

— Как я выяснил, в этом районе много ядовитых растений,— с непонятной усмешкой произнес Карст, обращаясь к Сандагу.— Я не ботаник, но ядовитый ковыль от обыкновенной тирсы отличить могу.

Сандаг заинтересовался:

— Ядовитый ковыль? Где вы его видели?

— Да повсюду. Попадется, сами увидите. Вы ведь ботаник, если не ошибаюсь?..

Караван шел до тех пор, пока не сделалось совсем темно. Они выбрались наконец из Нэмэгэтинской котловины и очутились в широкой долине, разделяющей хребты Ноян-Богдо и Тосту. Дальше, на юге, лежала совершенно бесплодная равнина, где даже саксаул не рос, Эзгуй-Гадзар, что значит «Необитаемая земля». Она была залита зеленоватым лунным светом, блестела, словно озеро, покрытое мелкой рябью. Караван некоторое время пробирался по ней, но дневной переход был слишком тяжелым, и решили заночевать. Теперь торопиться не имело смысла: Карст в руках, до границы не больше двух переходов. Сторожить Карста вызвался Очир.

— А кто будет сторожить тебя, приبلудный пес? — спросил у Очира Тумурбатор. — О чем это ты шептался с Карстом? Я видел. Уж не подкупить ли тебя он хочет?

— Ты угадал, — согласился Очир. — Он предлагал мне целый табун коней или много пачек тугриков. А я сразу догадался, что он большой преступник. Таких расстреливать надо. Монголию грабят, с фальшивыми документами пробрался... Я бы его своими руками задушил!

— Зачем? Его судить будут. Большой суд. Узнают, кто помогал ему. Ладно, пожалуй, постереги часок, а я вздремну. Верблюдов стреножил — все равно далеко не уйдут.

— Отдыхай. Я верблюдам соли дам.

Лагерь быстро погрузился в сон. Громче всех храпел Тумурбатор. Но лежал он с открытыми глазами и настороженно прислушивался к каждому шороху. Однако ничего особенного не происходило. Карст лежал неподалеку, завернувшись в экспедиционное одеяло. Очир дал верблюдам соли и тоже улегся на кошму. Он толкнул в бок Тумурбатора, а сам сразу же засопел носом.

В три часа утра поднялись, завьючили верблюдов и поспешно выступили на юг, чтобы пройти как можно

больше, пока пустыня не накалилась. Сейчас она была покрыта бронзовой синевой.

Карст был весел и напевал тягучую, как вой степного ветра, монгольскую песню:

Далек, далек конец пути,
Держись, не шатайся...

Он не унывал. Иногда бросал быстрые взгляды на Очира, но тот не поднимал головы.

То, что Очир и Карст затевают какую-то игру, Цокто догадался сразу, но никак не мог понять ее смысла и решил все время быть настороже, держался ближе к Сандагу и Тимякову.

Карст, конечно же, попытается улизнуть. Но почему он не убежал ночью? Хитрая лиса Карст. Делает вид, будто и не пойман с поличным. Таковую бы выдержку Цокто!

Всю ночь Цокто не спал, все ждал, что те, оставшиеся в лагере Карста, догонят их и совершат нападение. Нападения не произошло, никто за ними не гнался. Может быть, впереди у Карста какая-нибудь засада?.. Хорошо, что ехать приходится по широко открытому пространству. Где здесь быть засаде...

А солнце набирало и набирало силу. Необитаемая земля, придавленная тяжелым зноем, была как расплавленный свинец. Галька и щебень. Палит и палит. А позади — силуэты хребтов Тосту и Ноян-Богдо, громоздящихся на высоких пьедесталах. Когда подходили к Тосту, он казался невысоким, а с юга обернулся высокими скалистыми и обрывистыми цепями.

Потянулись пески. Здесь не было барханов. Просто песок и песок, обширные пространства сверкающих солончаков — гуджиров. На юге поднимался горный кряж Хонгор. Песок был подвижный, как вода: он струился, тек от малейшего дуновения ветерка. Волнистые пески — и нет им конца. Пылающая пустота, золотистое море...

...Караван, растянувшись извилистыми петлями, пробирался по пескам. Впереди дрожали миражи. Фляги давно уже были пусты. На привале Лубсан сделал невеселое открытие: бочки протекали. Доски по неизвестной причине разошлись, и вода струйкой просачивалась в образовавшиеся щели.

Старик выругался: много воды утекло! Но щели быстро заделали.

Во время пути случилось еще одно происшествие. Старый верблюд Вали, поднимаясь на крутой склон, неожиданно опустился на колени, а потом свалился на бок. Девушка едва успела соскочить на песок. Верблюд лежал и рыгал. Вскоре он околел.

— Ушла душа верблюда в страну бурханов,— невесело сказал Пушкарев.— Не дожил до сорока лет два дня. Пересаживайтесь на запасного.

Но вскоре верблюды стали падать один за другим. К двум часам дня пятнадцать верблюдов околели. Шестнадцатый было свалился, но потом поднялся на ноги и тусклыми глазами смотрел на пески и на людей.

— Простофили мы! — ругался Сандаг.— Этого нужно было ждать... Ведь в котловине было много ядовитых растений. Верблюды их ели...

Как ни странно, но на ногах остались три верблюда: те, на которых ехали Карст, Очир и Цокто.

Пришлось остановиться. Долго обсуждали, что делать дальше. Осталось всего три верблюда! Бросили все снаряжение, даже лапу динозавра.

— Надо вернуться в мой лагерь,— предложил Карст.— Там вода. Идти дальше бессмысленно: мы погибнем от жажды. Идти пешком я отказываюсь.

— Ваше мнение нас меньше всего интересует,— сурово сказал Сандаг.— Ваши верблюды объелись баглуром, но они не подошли. А наши полегли. Все это кажется мне странным.

Карст пожал плечами.

— Я пойду пешком,— произнес он смиренно.— Пусть на верблюдах едут дамы. Я джентльмен.

Потянулись скучные, томительные часы. Пескам, казалось, конца не будет. Остаток воды почти совсем не расходовали: смачивали носовые платки и прикладывали к губам.

— Гойо! — сказал Тимяков и указал на торчащие прямо из песка среди сухих кустарников селитрянки мясистые толстые стебли. Все стали выдергивать эти стебли и жевать. Жажду пытались утолять также и ягодами хармыка. На глинистых площадках рос корявый ветвистый кустарник. Собранные в кисти черные, красные,

желтые ягоды, похожие на черную смородину, имели солоновато-сладкий вкус.

Миражи и зной доводили до исступления. Валя тяжело дышала. Ее с двух сторон поддерживали Долгор и Пушкарев. Напрягая последние силы, она думала, что вот-вот упадет и больше не встанет. Александр, сам осунувшийся, черный, с глубоко ввалившимися глазами и потрескавшимися губами, из которых сочилась кровь, говорил ей что-то нежное и ободряющее. Они шли позади всех; слов Пушкарева горячих и бессвязных, как бред, Долгор так и не могла понять. Но когда эти слова доходили до сознания Вали, она горько улыбалась. Среди этой раскаленной пустыни он говорил о любви и о будущем, о том, как они вернутся в лагерь и навсегда будут вместе.

Долгор тоже выбилась из сил. Все чаще и чаще опускалась она на песок. Сидела безмолвно, недвижимо. Она не жаловалась на жару и не просила пить. Она привыкла ездить по степи на лошадях, и ей еще никогда не приходилось совершать такой долгий путь пешком. Иногда она выкапывала рукой ямку и, если песок оказывался чуть влажным, клала его в рот. Но от этого хотелось пить еще сильнее.

Тумурбатор со страдальческим видом смотрел на девушку. Его сердце переполняла острая жалость к Долгор. Может быть, вот сейчас, когда она сидела на песке, беспомощная, обессилевшая, он ясно осознал, что любит ее и будет любить до конца своих дней...

Но он ничего не сказал о своей любви. Он только подошел к Долгор и помог подняться.

— Я буду поддерживать тебя,— сказал он хриплым голосом.— Потерпи немного...

— Ничего... я сама... Береги свои силы.

И в самом деле она тихо пошла за Тумурбатором. Ее сапоги вязли в песке. В ушах звенело. Но она видела впереди себя Тумурбатора и потому двигалась вперед, боясь, что он исчезнет, растворится в этом знойном просторе.

Тимяков пытался ободрить разбитых, утомленных людей. Он рассказывал о своих странствиях, о мертвом городе Хара-Хото, говорил о мужестве русских путешественников, и это немного приободряло его спутников.

— Ничего, все скоро останется позади, и мы вернемся домой, — говорил он.

«И откуда у него берется энергия?..» — удивлялся Пушкарев. Выносливость ученого казалась ему сверхъестественной. Географ даже не прикладывал мокрый платок к губам: он берег воду — скромный остаток на дне фляги. Андрей Дмитриевич хорошо понимал, в каком тяжелом положении очутилась экспедиция по милости Карста.

Ему казалось, что и в истории гибели верблюдов как-то замешан Карст. Как замешан Карст, он не знал, но не верил, будто верблюды отравились. Такого случая, чтобы верблюд за верблюдом падали на землю, еще не было. Нет, они не объелись баглуром и ядовитым ковылем. Тут было что-то другое. А Карст только ухмылялся. Предъявить ему обвинение они не могли: за Карстом все время наблюдали, он не делал попыток к побегу, не жаловался. Он только ухмылялся, словно бы поддразнивал их, говорил всем своим видом: «Я хитрее всех вас. Вы простаки. Мы могли бы уложить вас всех, но я редко прибегаю к оружию. Убить члена правительства Монголии и крупного русского ученого — не в моей манере. Мое оружие — ум. Я все равно вывернусь, уйду и на этот раз».

Цокто шагал в каком-то забытьи. Он потерял представление обо всем и не подозревал, что считанные часы отделяют его от смерти. И сон и явь смешались.

Они брели по плоским пескам, их окутывал красноватый сумрак. Иногда ветер поднимал в воздух тучи пыли, и она спирала дыхание, лезла в глаза и рот. Тело мучительно зудело. Они шли, крепко держась за руки, чтобы не потерять друг друга. Хотелось пить. Воды не оставалось ни капли, а Сандаг вел и вел их на юг...

Цокто грезилось, будто с ними бредет и убитый Очиром старик Дамдин, тот самый, который прислал в учком красные камни и алмаз.

Дамдин вынимает из-за пазухи узелок и развязывает его.

«Драгоценные камни, — говорит он. — Много камней! За каждый камешек можно купить верблюда и бегунца. Но разве купишь в пустыне хотя бы глоток воды?» И старик бросает камни в песок. Цокто видит, как глубоко

ввалились глаза его спутников. Их губы потрескались, сочатся кровью.

«Я знаю колодцы Балбырха,— неожиданно произносит Тимяков.— Четыре колодца!.. Вода в них солоноватая, но вполне пригодная для питья. Они за той грядой...»

Вместе со всеми Цокто поднимается на гряде. С вершины открывается вид: бесконечное взволнованное песчаное море. А где же колодцы? Они будут, должны быть...

Он очнулся, когда услышал голос Сандага:

— Привал!

Измученные люди сбились в кучу, они хотели пить, а солнце жгло и жгло их лица и руки.

— Не понимаю, почему я должен умирать вместе с вами от жажды? — сказал Карст.— Дайте мне проводника, и я вернусь в свой лагерь.

— Я проведу его! — хриплым голосом выкрикнул Очир.— Все равно мы все умрем без воды... Я не пойду дальше! Я не давал обещания подыхать вместе с вами... Цокто, ты идешь с нами?

Цокто нехотя поднялся, взял пустую флягу, раскаленную солнцем, отшвырнул ее в сторону и выкрикнул:

— Очир — японский шпион, князь из-за границы! Я знаю. Он отравил наших верблюдов и оставил нас без воды. Хватайте его!.. Он убил Дамдина...

Он хотел сказать еще что-то, но не успел: грянул выстрел, и Цокто, хватаясь за живот, медленно стал опускаться на песок.

Очир кинулся к верблюду, но Тумурбатор ударом кулака свалил его на песок. Очира скрутили по рукам и ногам.

Все обступили Цокто: он еще был жив, но черты его лица сразу как-то преобразились, стали тоньше, одухотвореннее от страдания.

— В сомоне заговор... — прошептал он.— Бадзар, Бадрах, Накамура... Дамдина ищите в пропасти Ногон-Могой...

Он умолк.

Сандаг взял его руку: Цокто был мертв.

Все произошло так быстро, что люди стояли потрясенные и не знали, как действовать дальше.

Только Тумурбатор не потерял присутствия духа. Он подошел к Карсту и прошипел:

— Ты — шелудивый пес, это твоих рук дело, я знаю. Я пристегну тебя к себе веревкой, и ты будешь идти до тех пор, пока не подохнешь...

Он и в самом деле опоясал Карста веревкой и другой конец ее привязал к своему поясу.

Цокто положили в яму, засыпали песком и двинулись дальше. Очира взвалили на верблюда, привязали к седлу ремнями.

Они шли по песчаной равнине, и никто не обратил внимания на тусклую оранжевую радугу на западе. То был грозный знак: шла буря!

— До погранзаставы совсем немного! — сказал Сандаг. — Вон там тополевая роща урочища Балбырха... Будем идти, пока хватит сил... Тут рядом...

Ветер налетел неожиданно. Горячая желтая пыль высокой, упирающейся в небосвод стеной надвигалась с запада. Сразу стало темно. Пустыня пронзительно завывала. Все металлические вещи наэлектризовались, с них сыпались искры.

То, чего путешественники избежали в Нэмэгэтинской котловине, все-таки настигло их. Крутился, плясал песок, поднимался до неба, желто-серые смерчи сбивали с ног людей и верблюдов. Верблюды ревели и не хотели идти. В воздухе летали шары «травы-ветра» — перекасти-поле.

Тумурбатор стащил с седла Очира, распутал ему ноги.

— Пойдешь сам. Попробуешь убежать — убью! Верблюду отдых нужен.

Но Очир не собирался бежать. Куда бежать?..

Стрелка компаса вращалась во все стороны, и путники скоро поняли, что сбились с пути. Теперь шли наугад. Солнца не было видно. Ветер сразу же заметал следы, шум урагана заглушал голоса. Пришлось всем, наподобие альпинистов в горах, связаться веревками, чтобы не утонуть в желтой мгле.

Они продвигались в полнейшем мраке, задыхались от ветра и песка. Они падали и поднимались. Поднимались и падали...

Всех терзала жажда. Хотя бы глоток воды...

Пушкарев поддерживал Валю. Рядом шел Тумурба-тор; ухватившись за его рукав, едва переступала ногами Долгор. Они брели оглушенные и ослепленные, шагали в желтую пустоту, не надеясь, что ураган когда-нибудь кончится. Бешеный порыв ветра свалил их на землю, и она показалась им уютной, как постель; они лежали, больше не сопротивляясь напору бури. Было так покойно лежать под рев разбушевавшейся стихии, — лишь бы лежать и не двигаться.

Но они поднялись.

— Пить, пить... — стонала Валя.

Пушкарев не слышал ее голоса, но он видел ее измученное, запорошенное пылью лицо и страдал еще больше. Иногда она до того выбивалась из сил, что ему приходилось нести ее на руках.

Зачем она здесь?.. Если бы ее не было, он умер бы спокойно, без жалоб, как и положено мужчине. Но видеть ее мучения невыносимо. Неужели никогда они так и не выберутся из этого дьявольского песчаного водоворота?..

Он шел в полузабытьи. Ему грезился далекий сомон с приветливыми юртами и палатками экспедиции. Вот серо-зеленая выцветшая юрта, куда входят согнувшись, где всегда, даже в зной, мягкий сумрак, покой и прохлада. Это жилище Вали. Здесь он говорил ей о своей любви... А вокруг юрты цветущие яблони, прозрачные фонтаны... Но почему-то в глазах все время вспыхивают пляшущие языки огня, кровь пульсирует в висках, голову охватывает жар, и кажется, будто ветер несет его куда-то на горячих колышущихся волнах.

...Взрывался и крутился песок, совершал свой бешеный танец. Тонули в непроглядной мгле фигуры людей, идущих впереди. Только бы не обезуметь окончательно от жажды!...

Было сознание трагической безысходности. Он сидел, низко опустив голову. Сколько испытаний еще ждет их впереди? Будет ли им конец?! И он понял: конец уже наступил.

Впереди — ничего. Покой...

Лежали верблюды, лежали усталые люди с потухшими глазами и обмякшими ногами, а крутящийся песок

все заметал и заметал их, и вот уже около каждого наметало целые барханы песка.

Жизнь и смерть... Жгучая жажда, горячечный бред... Хорошо, что он умрет рядом с любимой. Пусть их засыплют пески вечности...

Но вот на ноги поднялся Тимяков. И сквозь грохочущую мглу долетел его окрепший голос:

— Спать нельзя! Вперед, вперед!..

Почему нельзя спать?.. Так хорошо уснуть... Все равно они не дойдут до неведомого урочища Балбырха. Где оно?..

Утратив представление о времени, они бредут и бредут куда-то в темноту, и не понять, ночь сейчас или утро. Они знают: такие ураганы могут бушевать и день, и два, и неделю. Ураган может бушевать много-много дней подряд, он может бушевать круглый год, вздымая до неба тучи песка. У пустыни нет закона. Нужно идти, идти, пока силы не оставили тебя, и не так уж важно, где найдешь смерть. Важно — стоять на ногах, с бешеным ожесточением бороться с этой обезумевшей стихией, не сдаваться, идти, стиснув зубы, напрягая все силы, падать, вставать и делать хотя бы шаг вперед...

— Не верь во все это... — шепчет Пушкарев Вале. — Не верь... Мы не можем умереть, не можем...

Она кладет голову ему на плечо и беззвучно рыдает...

...Это был колодец. Да, да, колодец, прикрытый ветвями саксаула. Они пили солоноватую воду, лили ее на головы, поили верблюдов, плескались в воде.

Это была жизнь.

— Урочище Балбырха! — сказал Сандаг. — Мы в трех шагах от погранзаставы.

И теперь, когда не было нужды торопиться, они вдруг заспешили, подняли верблюдов. Вода! Они шли и дошли. Песок по-прежнему свистел над их головами, но это уже не имело значения. С аппетитом поели сушеного бараньего мяса, наполнили пустые бочки водой и выступили на юг.

По расчетам Сандага и Тимякова, погранзастава должна была находиться часах в четырех пути.

Но проходили часы, а погранзастава словно сквозь землю провалилась.

— В урочище Балбырха четыре колодца, а мы нашли только один,— сказал Тимяков.— Может быть, этот колодец вырыли совсем недавно, а Балбырха впереди?..

Походило на то. Вскоре им попался еще один колодец. Здесь они и заночевали, так как окончательно выбились из сил.

Утро не принесло ничего нового: песчаный ураган бушевал по-прежнему...

Все воспрянули духом, когда вошли в тоораевую рощу. Конечно же, это урочище Балбырха! Но где погранзаства?

Они пробирались по тоораевым рощам, по песчаным руслам, знали, что идут точно на юг, а погранзаствы все не было и не было.

— Я ничего не понимаю,— признался Тимяков.— Куда мы забрели?

Сбитые с толку, путешественники сгрудились около географа, ждали, что он посоветует. Они верили в него, надеялись на него. Смерть от жажды больше не угрожала. Но теперь, когда они обрели силы, их стала тревожить неопределенность положения: где они находятся? На карте не было ни этих колодцев, ни тоораевых рощ.

И когда ветер немного утих, Карст неожиданно запрыгал как сумасшедший, протянул руку вперед, закричал, захлебываясь от восторга:

— Я вам скажу, где мы находимся! Мы находимся на китайской земле, в провинции Нинся. Мы перешли границу — и я больше не ваш пленник. Вы — мои пленники! Вы — нарушители... Видите эти башни?..

Из оранжевой мглы проступали неясные очертания каких-то стен и башен.

— Хара-хото... Мертвый город! — произнес Тимяков.— Мы в самом деле перешли границу...

БЕГСТВО НАКАМУРЫ И БАДЗАРА

Заговорщики снова собрались в юрте Бадзара.

— Сегодня или никогда! — сказал им японец Накамура.— Как вы уже знаете, войска нашего милостивого императора вторглись в пределы России и успешно ведут наступление против частей красных. Пора и нам

развернуть желтое знамя восстания, нанести аратской власти удар в спину. Воспользуемся отсутствием экспедиции и захватим лагерь, радиостанцию, а потом скрутим Аюрзана. Сегодня ночью нужно собраться.

Весть о событиях в районе озера Хасан давно проникла в далекий южнгобийский сомон. Поговаривали, что Красная Армия вовсю громит японцев и что микадо уже запросил мира.

— Все это пропаганда красных, — говорил Накамура заговорщикам. — Русские мастера на словах делать из воды молоко, а из камней — сливки.

И заговорщики верили ему.

Поднялся настоятель монастыря Норбо-Церен. Лицо его приняло властное выражение.

— Хорошие вести, дети мои! — заговорил он. — Хорошие вести. Их принес нам верный человек. Наши друзья в столице уже начали действовать. Они подожгли склад взрывчатки на Налайхинских коях, устроили обвал, затопили шахты. Много людей погибло. Наши друзья разрушили машины на промкомбинате, подожгли склады с огромными запасами товаров. При каждом удобном случае они убивают аратских главарей. Мы близки к победе. В Улан-Баторе царит паника. Наступил час для наказания отступников и для укрепления религии!..

Верный Норбо-Церену человек принес ему и другие вести. Он сообщил, что руководитель заговора Ендон арестован, что такая же участь постигла и других руководителей монастырей. Араты сами расправляются с подстрекателями-ламами.

Но Норбо-Церен не падал духом. Ненависть к народной власти ослепила его. Ендон арестован. Но что из того? Повстанцы и недовольные новой властью ведь остались! Нужен более смелый и деятельный вождь. Таким вождем будет он, Норбо-Церен.

Вот почему Норбо-Церен сообщил заговорщикам не все вести, какие принес ему верный человек.

А тем временем вокруг юрты, где собрались заговорщики, похаживал Гончиг. Бадзар наказал ему следить за всем происходящим в степи, говорить в случае появления кого-нибудь, что хозяин уехал на дальние пастбища к скоту и не скоро вернется. В удалении от юрты дежурили другие наблюдатели.

Бадзар вчера подарил Гончигу новый халат и гутулы, каких сроду не нашивал пастух. Гутулы были из кожи особой выделки, черной, разрисованной зеленым орнаментом. Желтые подошвы блестели, как два полумесяца. Особенно нравился Гончигу халат из ярко-красной чесучи. При взгляде на этот халат рябило в глазах, а быки, когда Гончиг подъезжал к стаду, приходили в страшную ярость.

— Добрый халат,— причмокивал губами пастух.— А кушак — целых восемь алдан. Любая девка теперь на меня позарится.

Бадзар только посмеивался.

— Будешь служить мне верой и правдой — еще не то увидишь,— сказал он.— Большого человека из тебя сделаю. Главное, держи язык за зубами и не будь ослом, вытряхивающим золото из ушей. Женю тебя на лучшей красавице в аймаке, табун коней дам. После моей смерти забирай себе все добро, богаче нойона станешь. А пока выбери себе из табуна лучшего коня. Ты у меня батыр, а у батыра должен быть добрый конь.

От таких щедрот старика Гончиг совсем одурел. Он ходил, покачиваясь из стороны в сторону, как будто хватил лишнего из бурдюка.

«Хорошо, что в экспедицию не ушел,— думал он.— Чимид целыми днями воду ищет, а прок какой? А тут нежданно-негаданно богатство на голову свалилось. Почему Тумурбатор называет меня темным человеком?»

Гончиг вспоминал огромные гурты бадзаровских баранов и радовался: все это богатство рано или поздно будет принадлежать ему. Восторг переполнил его сердце, и он запел. Он пел без рифмы, без ритма. Песня должна быть широкой, свободной! Обо всем, что хочет сказать человек, должна быть песня.

Скакун, мчащийся вихрем
Во главе десяти тысяч бегунцов,
Скакун с телом стройным и гибкой спиной,
С гривой, словно у шапки-«шасер»,
С хвостом, словно султан,
Быстрый, словно скачущий олень,—
Конь со стальными удилами...
Вот он каков, этот добрый конь!

Скрипнула дверца, и в щель просунулась голова Бадзара.

— Ты что собак скликаешь? — зло сказал он. — Заткни глотку да лучше посматривай по сторонам!

Гончиг не обиделся. Он только ухмыльнулся: все равно Бадзар добрый, хоть и любит побраниться, дать иной раз крепкую затрещину за оплошность. Гончиг присел на белый камень и стал мысленно перебирать всех коней из табунов Бадзара.

«Пегая кобыла? — размышлял он. — Не подходит: уши короткие, грудь впалая, узкая — никакой красоты!.. У коня мускулы должны быть крепкие, бедра расставлены широко, шея гибкая, а хвост и шерсть густые. Нет, пусть кто-нибудь другой разъезжает на этой пегой кляче, а он, Гончиг, знает толк в конях. Вот жеребец-полукровка еще туда-сюда. Пожалуй, лучше гнедого не сыщешь: голова у него сухощавая, в ребрах кость круглая, шаг прямой... а вот холка невысокая и зубы мелкие. Нет, такого коня и задаром не нужно...»

Убедившись, что мир далек от совершенства, Гончиг сплюнул, зевнул, закурил трубку, и мысли его приняли другое направление.

«Кумыс, должно быть, пьют, — подумал он о сидящих в юрте. — Неплохо бы опрокинуть чашку кумыса».

Ему вдруг нестерпимо захотелось пить. Даже спазмы появились в горле. Он вообразил, что гости неторопливо тянут прохладный кумыс, весело болтают о том о сем. Злость овладела им, даже слезы выступили на глазах: он, наследник Бадзара, будущий владелец всех его гуртов и табунов, сидит здесь в одиночестве, умирает от жажды, и никому до него нет дела, будто он последний слуга в этой юрте. Ну ничего, он отомстит всем этим князьям в рваных сапогах. «Заведу себе компанию получше... — решил он. — Пусть Чимид с сестрой приходит, Аюрзан, Пушкарев; Лубсан вместо отца будет — много ли старику места в юрте нужно! Всем подарю по хорошему коню вместе со сбруей и по отаре овец. На радостях весь сомон в гости позову — пусть пьют, едят да знают наших!» Гончиг поднялся с камня.

«А что, если зайти в юрту и потребовать себе кумысу? Пожалуй, Бадзар браниться станет...»

Солнце жгло. Вдали дрожал мираж — злой дух сте-

пей. Пот обильными ручьями стекал по щекам. Все внутри у Гончига пламенело. Ему показалось, что если он сейчас же не зайдет в юрту и не попросит кумыса, то упадет на землю и умрет от жажды. «Послушать нужно: если смеются, то зайду и попрошу. Не умирать же», — твердо решил он.

Гончиг подошел к юрте и приложил облущенное ухо к войлоку. Сперва он ничего не мог разобрать. Гости галдели. Но вот заговорил Бадзар. Гончиг сразу признал хозяйский голос. Бадзар говорил негромко, но резко, будто сердился на кого-то. Гончиг почувствовал, как задрожали у него ноги, потом застучали зубы. Он стоял бледный, растерянный. Боязливо озираясь по сторонам, он отошел прочь от юрты и задумался.

— Дурная кровь! — выругался Гончиг. — Злое дело замышляют. — Пить ему больше не хотелось.

Он представил себе виселицы, какие приходилось ему видеть в соседнем аймаке. На этих виселицах ламы в тридцать втором году вешали членов партии, сомонных дарг и ревсомольцев. То был год черной обезьяны.

Гончигу тогда не было и пятнадцати, он не совсем понимал, что творится вокруг. Но весть о расправе бандитов над ревсомолкой Бор и ее товарищами летела от одного стойбища к другому, наполняя сердца гневом. Бор была секретарем ревсомольской ячейки. Восемнадцатилетняя девушка бесстрашно разоблачала врагов. Банда некоего Бэлэгсамбы захватила ревсомольцев. Их повели на высокий утес. Девушку Бор, измученную побоями, потащили на вершину утеса и сбросили в пропасть. Вроде бы в последнюю минуту Бор крикнула в лицо палачам:

— Сегодня вы нас убиваете, но завтра наши товарищи победят вас! Народ убить нельзя!

В юрте старого дархана Дамдина Гончиг видел вырезанную из камня картину: высокая темно-зеленая скала и наверху тоненькая фигурка девушки с заломленными назад руками.

Заговорщики — ламы, бандиты, — девушка Бор... Для Гончига все это сделалось сказкой, думалось, что сейчас такое невозможно.

«А если я расскажу о заговоре аратам, бандиты могут отомстить мне...» — подумал он и представил, как

его хватают, волокут на вершину скалы, толкают к пропасти, а он идет с гордо поднятой головой. Страху не было.

— Золики¹ проклятые! — выругался он еще раз. — Натворят дел, пожалуй...

«Поеду к Аюрзану и расскажу все!» — быстро решил Гончиг.

Неподалеку паслись кони. Гончиг вскочил на буланого большеголового конька и во весь дух поскакал в лагерь, до которого было рукой подать. Навстречу ему попался Чимид. Он вез какой-то ящик.

— Все ли спокойно? — загорланил Чимид. — Не отправился ли Бадзар в страну бурханов? Что-то лицо у тебя совсем белое...

Гончиг осадил коня.

— Беда! — крикнул он. — Собирай людей... В юрте Бадзара заговорщики, восстание поднимать хотят — сам все слышал. Лагерь захватить хотят... Сандага и Тимякова убить хотят...

— Эге, не вселились ли в тебя те самые духи, которые проживают в кумысных бурдюках? — с усмешкой спросил Чимид. — Давно советовал тебе перебраться к нам. А то сопьешься, пропадешь...

— Хоц! — зло выругался Гончиг. — У меня с прошлой недели ни капли во рту не было. Вот вздернут тебя на веревке, тогда узнаешь, какие духи в меня вселились! — Он повернул коня, ударил его пятками по бокам; конь рванулся вперед, поскакал к бадзаровской юрте.

«А пожалуй, нужно собрать аратов и ребятам об этом сказать, — подумал Чимид. — Гончиг хоть и врун, но иногда правду говорит. Поеду-ка я в аратское объединение к Аюрзану».

Когда Чимид прискакал в объединение, то немало удивился, увидев на пустыре большую толпу. Все были вооружены: у одних в руках были охотничьи ружья с посошками, другие держали увесистые камни, дубины. Сам Аюрзан был вооружен наганом, припрятанным еще со времен подавления первого ламского восстания.

— У дурных вестей быстрые ноги, — спокойно сказал Аюрзан. — Вот собрались проводить Бадзара. Мы ведь давно за всей его шайкой следим.

¹ Золик — злой дух.

Сомонный председатель Арабдан, пожилой человек в очках, не особенно храбрый, трепетал при мысли о возможности мятежа — ведь он отвечал за спокойствие этого края! Он все торопил Аюрзана, чтобы тот арестовал заговорщиков. Но Аюрзан медлил, он выжидал, когда главари заговора соберутся все вместе. Среди охраны, которую выставил Бадзар, были и его люди. Полчаса назад один из них сообщил Аюрзану, что вся шайка собралась в юрте Бадзара; Гончиг подтвердил это. Пора было приступать к делу.

...Совещание в юрте Бадзара все еще продолжалось. Заговорщики строили далеко идущие планы на будущее. Все были уверены в успехе предприятия. Только Накамура понимал, что сил плачевно мало и вооружение ни к черту не годится. Приходилось надеяться на выступление японской армии, на то, что в сомон, удаленный от всех крупных городов, не скоро подойдут части Народной армии.

«В случае неудачи как-нибудь выкручусь», — думал Накамура. Он в деталях обдумал план побега: сперва будет скрываться в горах, где припрятано продовольствие, а потом постарается уйти на юг, за границу, в Эдзингольский оазис...

Дверца в юрту отворилась. Вошло несколько аратов. Среди них и Гончиг.

Бадзар недовольно скривился. «Вздую этого олуха!» — зло подумал он, но, заметив сомонного даргу Арабдана и Аюрзана, быстро подавил в себе гнев и заулыбался.

— Рад, рад, садитесь!.. Эй, Гончиг, налей всем арки! — и сам засуетился, схватил самый большой бурдюк, выставил его на середину.

— Положи бурдюк обратно, — спокойно сказал Аюрзан. — Все равно на всех не хватит: с пяти стойбищ араты съехались. Прослышали мы, что недоброе дело здесь затевается, вот и решили вас всех арестовать.

Заговорщики повскакали с мест. Один Бадзар держал себя так, как будто ничего не случилось.

— Я не понимаю, о каком недобром деле говорит председатель, — отозвался он и пожал плечами.

— А кто хочет лагерь захватить, Сандага и Тимякова убить? — выкрикнул Гончиг. — Я все слышал!

— Собака! — выругался Бадзар. — Что же вы смотрите? — закричал он заговорщикам. — Бейте их! Бейте!

Грянул выстрел. Гончиг с перекошенным лицом упал на кошмы. Почти одновременно раздались два ответных выстрела. Началась свалка. Бадзар и Накамура, пользуясь всеобщим замешательством, выскочили из юрты. На них набросилось сразу несколько человек. Однако Бадзар сумел вывернуться из чьих-то цепких объятий, вскочил на первого же попавшегося коня и помчался в горы. Кто-то за ним гнался. Бадзар отстреливался из кольта, не замедляя бега. Сделалось совсем темно. Он свернул в узкое ущелье и остановил коня. Потом прыгнул на землю и, укрывшись за камнем, стал ждать преследователей, держа кольт наготове. Вряд ли кто осмелится сунуться сюда!

Послышался конский топот.

— Эй, Бадзар, не стреляй... Это я... — услышал он крик Накамуры. На полном скаку японец влетел в ущелье.

— Бросай коня, скорей наверх! — скомандовал Бадзар.

Прячась за скалы, они стали взбираться на вершину горы. Снизу по ним стреляли, но безрезультатно. Уйдя от погони, заговорщики остановились у кучи камней.

— Ну, кажется, спаслись, — сказал Бадзар. Ноги и руки у него тряслись. — Норбо-Церена и других, должно быть, забрали...

— Не велика потеря, — мрачно выдавил из себя Накамура. — Не унывай, не все еще пропало.

Они присели на камни, закурили. Над ними нависали черные, угрюмые скалы. На темном небе серебрились звезды.

— Что делать будем? — спросил Накамура.

— Теперь нас на каждой дороге подкарауливать будут, — сказал Бадзар. — Тут неподалеку люди Карста, дружка моего сына. Сперва здесь, в укромном месте, сидеть будем, а когда все стихнет, к Карсту переберемся. Укроет, в Нинся уйдем...

В кромешной тьме они добрались до глубокой котловины, спустились в нее и, протиснувшись между острых камней, остановились перед плитой с заклинанием: «Ом мани падме хум».

— Тайная пещера,— сказал Бадзар.— Никто о ней не знает. Один я знаю.

А в это время в юрте Бадзара араты подняли Гончига и вынесли на воздух. Он открыл сперва один глаз, потом второй, сел на траву.

— Ты ранен? — спросил кто-то.

— Я со страха на пол плюхнулся. А потом лежал и ждал, что будет дальше. Где Бадзар?

— Удрал. И японец удрал.

— Я знаю, где они.

— Где?

— У Бадзара в котловине Ногон-Могой есть тайная пещера — я как-то проследил. Вход плитой завален. Я покажу. Там их и накроем.

— На коней!..

СКАЗКИ МЕРТВОГО ГОРОДА

Это был мертвый город Хара-Хото, легенда пустыни, ее многовековой сон. Заколдованный город из «Тысячи и одной ночи».

Как ни был измучен Пушкарев, сердце его дрогнуло, когда он увидел высокие стены с башнями по углам, силуэты полуразрушенных мавзолеев — субурганов. Пески вплотную подступили к стенам, взобрались кое-где на них, и только на западе стена вставала в своем перво-зданном грозном величии, перед ней не было песков: на запад, к самой реке Эдзин-гол, тянулась черная пустыня, ровная, как паркет.

Удивительное дело: этот город был известен человечеству давно, еще по запискам великого путешественника Марко Поло,— тогда он назывался Эдзина, что в переводе с тангутского означает «Черная река». Потом жители покинули город, и о нем забыли. На целых шесть веков. Забыли и караванный путь через Эдзингольский оазис. Среди песков и барханов Гоби и Алашаньской пустыни затерялась память о нем. Настолько прочно затерялась, что русский путешественник Владимир Обручев, очутившись в конце прошлого века в Эдзингольском оазисе, слышал от местных жителей-торгоутов лишь смутные легенды о развалинах какого-то

большого города, куда суеверные кочевники боятся заезжать.

Обручев находился от мертвого города всего лишь в двадцати верстах. Открыть его суждено было другому знаменитому русскому путешественнику — Петру Кузьмичу Козлову. Случилось это в 1908 году.

То было величайшее открытие века, о нем сразу же заговорили на всей планете. Козлов открыл целый мир — мир древнего тангутского царства Си-ся. Он извлек из субурганов библиотеки с книгами на странном, непонятном языке, статуи богов, тонкие полотна тангутских икон, поражающие изяществом рисунка и яркостью колорита.

Главным божеством тангутского государства считалась Тара, та самая, чью гигантскую статую Пушкарев увидел в пещере хребта Гурбан-Сайхан. Козлов нашел в одном из субурганов ткань — «кэсы», так она называлась — с изображением прекрасной Зеленой Тары, и это полотно было признано знатоками уникальным образцом средневекового ткацкого искусства.

Много сокровищ нашел в Хара-Хото Петр Кузьмич Козлов: древние ассигнации Юаньской (Чингисовой) династии, оттиснутые на грубоволокнистой бумаге с надписью: «Ассигнация годов правления Чжэ-тун. Стоимостью в одну связку»; богатое собрание рукописей неведомого письма си-ся, красиво отшлифованные стекловидные и топазовые глаза, выпавшие, по всей видимости, из глиняных статуй; позолоченные маски, гобелены, серебряные украшения, золоченые статуэтки и большие статуи и даже скелет женщины.

Сидя на развалинах одного из субурганов, Козлов записывал: «Когда мы раскрыли эти образа, перед нами предстали дивные изображения сидящих фигур, утопавших в нежно-голубом и нежно-розовом сиянии. От буддийских святынь веяло чем-то живым, выразительным, целым, мы долго не могли оторваться от созерцания их, так неподражаемо хороши они были...»

Все это знал Пушкарев. Там, в Москве, Хара-Хото был такой далекой сказкой, что все написанное о нем самим Козловым, Тимяковым и другими, воспринималось как некое сообщение из несбыточного. Больше из праздного интереса, чем из любознательности, много лет

назад парнишка Пушкарев, случайно очутившийся в Ленинграде, отправился с родителями на выставку экспедиции Козлова, где были широко представлены научные ценности, добытые в Хара-Хото.

Почти все забылось. Бронзовые статуи, статуя двухголового Будды, палатка самого путешественника. Больше всего, пожалуй, запомнились чучела птиц: бурые грифы, ягнятники, орлы-беркуты.

Хара-Хото... Теперь Пушкарев жалел, что тогда не обратил внимания на тангутские книги. Самое интересное, самое важное всегда — книги, мысль исчезнувшего народа. Свитки в синих холщовых обложках, навернутые на бамбуковую палочку, а если развернуть — пятнадцатиметровая широкая лента, испещренная черными иероглифами, смысл которых не разгадал пока никто; книги в виде гармошки, в золотистых шелковых обложках, на обложке — заглавие; книги, книги, пухлые, измятые, грязно-серые, будто только что вынутые из земли... Но из всего запомнилась надпись на юаньской асигнации: «Подделывателям будут отрублены головы. В награду доносчику будет выдано пять дин серебра и все имущество преступника». Пушкарева удивляло, что и в незапамятные времена в Центральной Азии расплачивались бумажными деньгами, а не золотом, как в Европе.

Но потом, когда позже Пушкарев прочитал книги о Хара-Хото, ему стало казаться, будто в мозгу навсегда запечатлелось изображение прекрасной женщины на шелковой ткани «кэсы». Репродукция с этой самой «кэсы» была помещена и в книге Тимякова: Тара сидит на цветке лотоса в синей нише, с верхнего свода которой спускаются нити драгоценностей. У богини одна нога спущена и опирается на лотос, в руке у нее также цветок лотоса.

От Цокто Пушкарев узнал все легенды об этом главном божестве великого тангутского государства, от которого остались одни лишь развалины.

— Ламы говорят, Тара родилась из слезы будды Аволокитешвары. Ее называют Милосердной, так как она будто бы ведет род человеческий через бесконечный ряд перерождений. Еще говорят, она живет на сверкающей горе Потала с пятью вершинами и оттуда смотрит

на весь мир. А я думаю, что давным-давно ламы переселили ее в горы Гурбан-Сайхан, потому и статую большую сделали. Вот ты нашел сутру в пещере. А знаешь, что в ней написано?

Тара может быть белой, как пена,
Синей, как сапфир,
Желтой, как золото,
Красной, как утреннее солнце...

Я думаю так: была красивая женщина, просто женщина. Жила и умерла. А тот, кто любил ее, сделал из нее святую. И в Тибете так было, и в Индии, и у нас, в Монголии, когда Дзанабадзар со своей убитой ламами жены, простой аратки, сделал бронзовую статую. Каждый видит ее по-своему. Ты полюбишь Басманову, а потом она тебе Тарой начнет казаться. Так я понимаю.

— А как звали того, кто первый сделал из своей любви святыню?

— Не знаю. Вроде бы тибетский король Срон-бзансгам-по. Королям было легче такие штуки делать.

Цокто нет в живых... До сих пор не укладывается в голове. Станный был человек. Как теперь выяснилось, сын князя... Унес с собой какие-то тайны. Возможно, и тайну пропавшего алмаза...

Экспедиция вошла в мертвый город через западные ворота. Ураган постепенно стихал; он монотонно шумел теперь за толстыми, десятиметровой высоты стенами города-крепости. Там, за стенами, были барханы Алашаньской пустыни, высокие, как горы, и они беспрестанно курились, по равнине тянулись бесконечные песчаные полосы; а здесь, в крепости, стояла тишина, от которой они уже отвыкли.

Пушкарев почему-то рассчитывал увидеть развалины домов, буддийских храмов и мечетей. Все это было, было, но очень уж все разрушилось за шесть веков. Собственно, перед ними простирался огромный бугристый пустырь. Груды кирпича, остатки стен домов, под ногами черепки фарфоровой и глиняной посуды. Но все же он хорошо помнил по книгам план города.

Вот тут проходила Главная улица, а здесь Торговая... Вон развалины западных ворот, а там восточные.

Да, были дома, храмы, базар, оживленная толпа, говор, смех, дети, женщины, воины. Тут кипела чужая, непонятная жизнь. А теперь здесь безмолвие, квадратный пустырь, пересеченный высокими и низкими развалинами, куполообразные субурганы, кирпичные фундаменты. Спит Черный город в песках пустыни, и редко кто тревожит его молчаливый покой. Придет человек, пресытит свою любознательность и снова уведет караван в лазоревые дали. А пески все надвигаются и надвигаются на стены мертвого города...

...Верблюдов уложили возле развалин глинобитного дома, устало расселись возле них, вынули из сумок еду. Лубсан, подобрав на земле старые монеты — чохи с отверстием посередине, гадал на них о дальнейшей судьбе экспедиции.

Когда насытились, молчавший до этого Карст сказал:

— Я требую немедленно освободить меня, отвязать эту дурацкую веревку. В конце концов, мы не на территории МНР, а в Китае, куда вы пробрались незаконно, а я имею разрешение проживать здесь.

— Ну, положим, мы сюда не пробирались, а просто заблудились, — сказал Сандаг. — А вот вы в нашу страну пробрались незаконно. Это уж точно: ваши документы подложные!

— Это еще надо доказать.

— За тем и держим вас! Докажем. Погранзастава не так уж далеко.

— Ну, до нее еще нужно добратся!

— Доберемся! И вас приведем.

— Вы понесете ответственность за произвол!

— А вы — за расхищение богатств МНР. Вы их прятали в пещере еще до двадцать пятого года, а теперь делаете вид, будто нашли сейчас.

— Эти богатства принадлежат не только мне, но и известному ученому профессору Бадраху, и вы не вправе... Он-то монгол! Он выслал мне разрешение на вывоз костей динозавров.

Сандаг и Тимяков заинтересовались.

— Ну это меняет суть дела! — сказал Сандаг. — Бад-

рах пока что находится в моем подчинении. По всей видимости, тайно спекулирует палеонтологическими ценностями или задумал удрать за границу. Вернемся—выясним...

— Не утруждайте себя: по моим подсчетам, профессор Бадрах уже давно ушел в Маньчжурию, вернее, во Внутреннюю Монголию, в ставку князя Балдана... Господин Очир, подтвердите истинность моих слов: ведь князь Балдан — ваш отец, не так ли?

— Так. Я, еще будучи в Улан-Баторе, передал профессору Бадраку приглашение моего отца в его ставку. Думаю, профессор сейчас гостит у нас. Я тоже заявляю протест! — неожиданно заговорил он на ломаном русском языке. — Вы связали мне руки, спутали, как верблюда. Не забывайте: мой дом — Внутренняя Монголия — почти что рядом. Я хорошо знаю правителя здешних мест князя Торгоут-Даши-гуна, он близкий друг моего отца, и он сгноит вас в тюрьме. Немедленно развяжите меня!

— Князь Торгоут-Даши-гун и его сын хорошо знают меня и начальника учкома Сандага, — ответил спокойно Тимяков. — Насколько мне известно, японцев, которым вы служите, он недолюбливает. А вы, как теперь выяснилось, японский шпион. Так что берегитесь! Мы ведь можем сдать вас князю Торгоут-Даши-гуну! Вы убийца, и мы сейчас вправе поступить с вами по закону...

Очир прикусил язык. Откуда ему было знать, что и Тимяков и Сандаг не раз бывали до этого в гостях у местного правителя Торгоут-Даши-гуна.

Сандаг прислушался, сказал с деланным воодушевлением:

— Ну вот, бог ветра, кажется, выдыхается. Думаю, к ночи небо прояснится. Вода у нас есть, с голоду не помрем, так что особенно торопиться не будем: переждем денек-другой, отдохнем, наберемся сил. Здесь некого опасаться: место считается заклтым, никто сюда не заглядывает. До реки близко, от жажды не умрем.

— Благодарите судьбу, друзья, — поддержал его Тимяков. — Без всяких виз мы очутились в мертвом городе Хара-Хото! Изучайте, записывайте; расскажете потом знакомым — не поверят.

— Лично я в восторге! — отозвался Пушкарев. —

Если бы наш поход обошелся без приключений, я был бы разочарован. Правда, судьба несколько перестаралась. Теперь бы выбраться отсюда тихо-мирно, ну, без всяких там погонь, выстрелов и прочего.

— Вы слишком многого хотите,— сказал Сандаг, косясь на Очира и Карста.— Пока мы не избавимся от этих двух господ, погони и выстрелы не исключены. Авантюризм кроется в самой их природе. Нужно бдительно присматривать за ними.

— Вон Лубсан-гуай закончил свое гадание на монетах, и по его лицу вижу, что все обойдется,— пошутил Тимяков.

— Хорошо,— подтвердил Лубсан.

Тимяков и Сандаг пытались ободрить товарищей, но все понимали: за их спокойными словами крылась глубокая тревога: по капризу случая они очутились в чужой стране без права находиться в ней; до границы километров семьдесят; на руках — японский шпион и международный авантюрист, бандит; очень беспокоили предсмертные слова Цокто о заговоре и восстании в сомоне. Что там происходит сейчас, живы ли остальные члены экспедиции, успел ли радист сообщить в Улан-Батор обо всем? В течение многих дней они были оторваны от большого мира и не знали, что происходит в нем, не слышали о событиях у озера Хасан. Они напоминали потерпевших кораблекрушение, выброшенных на необитаемый остров. Только здесь опасностей было больше.

За Карстом и Очиром требовался глаз да глаз, а все измотаны до крайности. Какие еще фокусы могут выкинуть эти двое?..

Двигаться обратно — пока нечего и думать. Нужно отлежаться, отдохнуть, всячески поддержать измученных людей, развлечь их, делать вид, будто все в порядке вещей — бывает, мол, и хуже. Очень важно, чтобы они не погрузились в апатию.

— А после Козлова и вас в мертвом городе бывали другие экспедиции? — спросил Пушкарев, любознательность которого проснулась с неожиданной силой.

Он понимал, что сейчас с ними случилось нечто необыкновенное и, как бы ни повернулись обстоятельства, этого уже не вычеркнешь из жизни: он был, он видел,

все будет занесено в его тетрадь и станет достоянием других... Ведь и Марко Поло, сидя, возможно, на этом самом месте, где расположились они, думал о своей далекой родине, куда вернуться было намного труднее, чем им на свою.

— После Козлова здесь побывали английская, американская, шведская экспедиции, они нашли большое количество древних памятников.

— Значит, искать здесь больше нечего?

— Ну не скажите! На мой взгляд, главные сокровища еще не найдены. Да и трудно их взять. Все потонуло в песке.

— А я все думаю,— не унимался Пушкарев,— нет ли связи между храмом-пещерой в Гурбан-Сайхане, где изваяние Тары, и Хара-Хото, где Тара считалась главным божеством? Может быть, тангутское царство простиралось до Гобийского Алтая?

Тимяков рассмеялся:

— А почему бы не наоборот?

— В каком смысле?

— Ну, предположить, что после распада тангутского царства Хара-Хото вошел в Великую монгольскую империю.

Пушкарев смутился и признался:

— Историю стран Центральной Азии я знаю плохо. Вернее, совсем ее не знаю. Кто такие тангуты, куда они делись?

— Да никуда не делись. Тангуты есть и сейчас. О них писали все путешественники, начиная с Пржевальского. Тангутами монголы, в общем-то, называют тибетцев, а понятие «тангут» в литературе впервые ввел все тот же Пржевальский. Речь, по-видимому, должна идти о разных тибетских племенах, а возможно, о народе, родственном тибетцам. Себя они называли минягами.

— Ну, и какие они из себя, тангуты?

— Высоки, широкоплечи, носят бороды и усы, глаза у них не косо прорезанные, как у китайцев, а круглые, лица смуглые, волосы черные, скулы маленькие. За плечами у них винтовки с приделанными к ним рогатинами. Носят овчинную шубу и кошемные сапоги с загнутыми сверху носками. Ни шапки, ни белья. Единственное украшение у мужчин — воротник из леопарда да сереб-

ряная пряжка на виске, в волосах, или разноцветные бусы на шее. Женщины к мелко заплетенным косичкам прикрепляли множество мелких медных и серебряных украшений.

— Но ведь тангутское государство было?

— Да, государство Си-ся; оно просуществовало около двухсотпятидесяти лет, пока в 1227 году его не завоевали монголы. То было могучее государство. Китайцы выплачивали тангутскому двору большую дань. Чингисхану долго не удавалось покорить его. И лишь завоевав полмира, полководец за год до смерти решил уничтожить любой ценой непокорное государство. После упорных, кровопролитных боев пал Хара-Хото, первый город на пути конницы монголов. Но в следующем сражении за город Сучжоу Чингис понес большие потери. Долго длилась осада и столицы Си-ся. Под ее стенами в год свиньи скончался Чингисхан. А Хара-Хото, то есть «Черный город», стал монгольским, здесь поселились монголы.

Разговор оборвался как бы сам собой. Некоторое время все лежали в каком-то забвении. День только начинался, и никто не мог знать, чем он закончится. Может быть, кто-то враждебный уже напал на их след и спешит сюда... Не подозревая, что находятся на чужой территории, в области Ганьсу, провинции Нинся, в низовьях реки Эдзин-гол, они шли открыто, даже как-то пытались привлечь к себе внимание криками и выстрелами из винтовок, их верблюды своим противным ревом способны были поднять на ноги всю эту провинцию. Неужели их никто не заметил?..

Непонятно было, спят люди или не спят? Пушкарев окликнул Валю, но она не отозвалась. Долгор лежала с закрытыми глазами, свернувшись клубочком. Не подавали никаких признаков жизни Карст и Очир, они тоже отдыхали. И только Тумурбатор сидел, поджав ноги под себя, и не спускал глаз с пленников. Иногда он переводил взгляд на спящую Долгор, и лицо его прояснялось.

К вечеру стало прохладнее. Люди оживились. Валя и Долгор поднялись на ноги, занялись приготовлением чая.

— Как самочувствие, девушки?— спросил Сандаг.

— Хочется поскорее уйти отсюда,— призналась Валя.— Страшно... Мы хорошо отдохнули.

— Вот уж не подозревал, что вы такая трусиха. Я же говорил: мы в полной безопасности. Местные жители считают Хара-Хото заклятым и объезжают его далеко стороной.

— У меня предчувствие беды.

— Ну-ну, стыдитесь. Мне-то казалось, что человек, окончивший гидрогеологогеодезический техникум, теряет веру и в бога и в черта. Если уж вы так суеверны, то почему не верите результатам гадания Лубсана на монетах-чохах? Он ведь заверил нас, что все будет хорошо.

Сандаг и Тимяков знали немало случаев, когда в экспедициях люди умирали от физического перенапряжения: так было в экспедициях Пржевальского, так было у Свена Гедина. И то, что Басманова и Долгор выдержали эту невероятно трудную дорогу, было почти чудом. Девушки живы, чувствуют себя отдохнувшими и готовы в обратный путь. И все-таки нужен еще хотя бы один день передышки...

Но молодая натура Вали брала свое: ей хотелось действовать, идти.

Когда напились чаю, Валя спросила у Сандага:

— А почему Хара-Хото стал мертвым городом? Куда делись его жители? Почему монголы оставили его?

Сандаг рассмеялся, потер руки.

— Вот теперь верю, что вы окончательно пришли в себя. Интерес к истории — первый признак физического и нравственного здоровья. Почему Хара-Хото стал мертвым? Тут все очень сложно. Когда говорят о гибели Хара-Хото, то трудно отделить легенды от действительности. Легенды — они наподобие увеличительного зеркала истории. И увеличивают не всегда главное, истинное, иногда искажают это истинное до неузнаваемости.

Когда Марко Поло был в Эдзине, то здесь обитали уже монголы, а не тангуты, и тангутов в мертвом городе не было. Как известно, в 1368 году владычество Юаньской династии монголов в Китае кончилось. К власти пришла сугубо китайская династия Мин. Но Хара-Хото еще много лет после того оставался независимым, последним бастионом Эдзингольского оазиса. Трудно назвать точную дату гибели Хара-Хото. Если верить леген-

дам, все произошло так: китайцы решили привести к покорности мятежный город и его губернатора Хара-Цзюнь-гуаня, юаньского правителя, монгольского князя. Возможно, это случилось в 1372 году, а возможно, и намного позже — кто знает?

Рассказывают, когда китайские императорские войска подошли к Хара-Хото, Хара-Цзюнь-гуань во главе своих воинов пытался сдержать натиск превосходящих сил неприятеля, но вынужден был отступить и укрыться в стенах крепости. Китайцам взять крепость приступом долго не удавалось. Тогда они пошли на хитрость: решили лишить жителей города воды, для чего реку Эдзингол, поившую Хара-Хото, отвели на запад, запрудив прежнее русло мешками с песком.

Умиравшие от жажды осажденные начали рыть колодец в северо-западном углу крепости. Вон там! Они прошли почти триста метров, а воды все не было. Умирали дети, женщины. Положение создалось безвыходное. Осажденным предлагали сдаться на волю победителя, но гордый Хара-Цзюнь-гуань не принял условий.

Он решил лучше погибнуть, чем попасть в рабство. В колодец приказал сбросить все свои богатства — восемьдесят арб серебра (около сорока тонн по нынешнему счету), золотые украшения, нитки жемчуга и другие ценности.

Больше всего страшился Хара-Цзюнь-гуань, что императорские солдаты надругаются над его двумя женами, малолетними дочерью и сыном. Он своей рукой заколол их всех и бросил в колодец. Колодец засыпали.

Потом приказал пробить брешь в северной стене — вы видите ее, тут легко проедет всадник — и через брешь во главе своих войск устремился на неприятеля. В последней схватке погиб Хара-Цзюнь-гуань, было уничтожено и его отважное войско.

Императорские войска разорили Хара-Хото дотла, но сокровищ так и не нашли. Они и по сей день лежат на дне засыпанного колодца...

Сандаг умолк. Его рассказ произвел сильное впечатление на всех.

— Очень хорошо, — похвалил все время молчавший Карст. — Только в легенде все преувеличено. Во-первых,

серебра было значительно меньше, глубина колодца также преувеличена раз в десять. А сам колодец находился не в северо-западном углу, где был дом правителя, а в юго-западном.

— Вы так думаете?— спросил Тимяков.

— Я не думаю — я знаю! Я нашел эти сокровища! Тимяков даже не удивился.

— А вы, господин Карст, мастер на фантастический экспромт! Уж поверьте: мы пытались проверить легенду, копали в северо-западном углу и во всех углах, и другие, насколько мне известно, копали, да только ничего не нашли. Легенда есть легенда.

Карст усмехнулся:

— Шлиман поверил легенде и раскопал гомеровскую Трою. Я прихожу к выводу, что у каждой легенды есть реальный исток.

— Ну, если вы нашли сокровища мертвого города, то почему об этом не шумели газеты?

— Да потому что мне в тот раз помешали вывезти серебро и прочее, я едва успел припрятать сокровища. Кто-то из моих рабочих-торгоутов донес о находке, ну меня и сцапали, потребовали все сдать.

— И вы сдали?

— Разумеется, нет. Я обвинил доносчика в злостной клевете, а мои компаньоны поддержали меня. Нас даже подвергли пыткам на китайский манер, но никто не сознался.

— Очень убедительно. Но я, господин Карст, все равно не поверю вам, пока не увижу серебро своими глазами.

— Понимаю: в такое невозможно поверить. И все же я не вру. Я покажу вам сокровища. Вам и господину Сандагу — только двоим, и то на определенных условиях: я ведь деловой человек...

— На каких же?

— А это сообщу потом, когда будем на месте.

— Далеко?

— Нет, не очень. В мертвом лесу. Можем отправиться хоть сейчас. Втроем. Ну, можете взять Лубсана. Нужна лопата, а еще лучше — две.

Сандаг и Тимяков не знали, что и подумать. Сокровища, о которых в свое время шумел весь мир, найде-

ны! Конечно же, Карст хитрит, задумал что-то недоброе, ищет простаков.

— А если мы возьмем с собой вашего милого сторожа Тумурбатора?— спросил Сандаг.

Карст спрятал улыбку в уголках губ.

— В конце концов, если примете мои условия, то берите кого угодно, хоть всех. Кроме господина Очира, разумеется. На данном этапе наши планы с ним расходятся: каждый вынужден спасать свою шкуру. Я дорожу не столько шкурой, сколько теми палеонтологическими экспонатами, которые остались под присмотром моих людей в Нэмэгэтинской котловине. В общем-то, я свалял дурака, побоялся связываться с членом монгольского правительства и крупным русским ученым, а теперь жалею, что помешал моим людям стрелять в вас.

— Вы откровенны, господин Карст.

— Мне не остается ничего другого. Сейчас я обращаюсь к вам именно как к официальному лицу, представляющему власть МНР.

— Каковы ваши условия?

Карст придвинулся вплотную к Тимякову и Сандагу и что-то негромко сказал им.

Сандаг отстранил его рукой.

— Нет, господин Карст, ваше условие принять не можем,— с возмущением произнес он.— Если вы в самом деле нашли сокровища мертвого города, то в их дележе участвовать не хотим. Грабежом и воровством не занимаемся, быть соучастниками грязного, преступного дела не желаем.

Карст обиженно поджал губы.

— Как вам угодно,— проговорил он сквозь зубы.— У вас еще есть время обдумать все как следует и обсудить... Сделка есть сделка, а вы ко всему приплетаете политику. С вашим коллегой профессором Бадрахом мы всегда находили общий язык. Он понимал, что в конечном итоге мировая наука от нашего альянса только выигрывает.

— Потому что Бадрах, как теперь я его понимаю, тоже коммерсант и вор от науки. Так что, господин Карст, оставьте попытки найти с нами общий язык: такого языка в природе не существует! Нам легче понять язык древних тангутов, чем ваш.

После этого жесткого разговора все как-то поверили в то, что сокровища мертвого города найдены.

Их нашел международный вор Карст и снова зарыл... Он готов поделиться сокровищами, за определенный процент купить себе свободу, и ему непонятно, почему эти странные люди так несговорчивы. Можно сказочно разбогатеть! Если даже разделить археологическое серебро на равные части... Нет, Сандаг и Тимяков не понимают своей пользы и выгоды...

Разговаривать больше не хотелось. И все-таки, чтобы как-то рассеять неприятное чувство, охватившее каждого, Пушкарев спросил у Сандага:

— Значит, с падением Хара-Хото окончательно пала власть потомков Чингисхана?

— Можно считать так. Хотя история не в такой степени прямолинейна. Нам известна лишь канва ее.

— Истинная правда,— подал голос Тимяков.— История, на мой взгляд, обладает своей иронией. Чингисхан нашел смерть под стенами тангутского города, как уже говорилось, в год свиньи. Почему именно в год свиньи, а не в год тигра или мыши? Потом круг замкнулся, и последний потомок Чингисхана закончил свою историческую миссию в этих же самых местах: начали завоеванием Хара-Хото, кончили сдачей его.

— А где могила Чингисхана?— спросила Валя.— Тоже в здешних местах?

Тимяков насмешливо сузил глаза: он был востоковедом, знал все тонкости истории Центральной Азии, ее стран и народов, и вопрос Вали, конечно же, звучал для него наивно.

— Ну, если по существу, то кто знает, где захоронен Чингисхан? Никто. Но последователям жестокого завоевателя нужно было, чтобы люди не забывали о Чингисхане, поклонялись ему и его деяниям, прославляли его кровавые походы, а потому последователи поставили в южном Ордосе обыкновенную юрту, назвали ее Их-Эджен-хоро, что значит «Великая ставка Владыки», и объявили, будто здесь хранятся останки Чингисхана. В давние времена в жертву мертвому завоевателю приносили человеческие жертвы.

— Разное говорят,— отозвался Тимяков.— Есть даже версия, будто Чингиса погубила прекрасная Гурбел-

джин, жена властителя тангутов. Престарелый Чингис хотел определить ее в своей гарем семьсот первой женой, а она прикончила его обыкновенными щипцами.

— Как я понимаю, место захоронения Чингисхана неизвестно?

— Почему же? Чингисхан похоронен в том месте, где родился, то есть неподалеку от истоков рек Толы и Керулена. Там же, на правом берегу Керулена, в монастыре Тук-сумэ, хранится его подлинное знамя, его печать, его статуя и статуи его двенадцати сподвижников. Доподлинно известно, что тело Чингисхана уложено в два гроба — один серебряный, другой деревянный — и поставлено посреди кумирни под покровом палатки, сделанной из желтой шелковой материи. В этой же палатке сложено и оружие Чингисхана.

— Вы хотите сказать, что все это обнаружено? — еще больше оживилась Валя.

В голосе Тимякова она не уловила никакого подвоха. А он забавлялся. Он любил мистифицировать, а сейчас был очень удобный случай.

— Разумеется, — согласился он. — Все давно известно ученому миру. Нужно газеты читать, молодые люди.

— А кто нашел гробницу?

— Кто? Да мы с Сандагом.

— Вы?

— Конечно. Мы специально ее искали по заданию Ученого комитета. А когда упорно ищешь, обязательно что-нибудь найдешь.

— Как интересно! Расскажите! — Она захлопала в ладоши.

— Знаете, что сказал умирающий Чингисхан своим приближенным? Он сказал, что снова восстанет из гроба через тысячу, и уж во всяком случае не менее, чем через восемьсот лет, — начал Тимяков. — Все это, разумеется, легенда.

Так вот: наиболее высокая вершина Хэнтэйского хребта Асаральту-Хайрхан поднимается всего лишь на две тысячи восемьсот метров над уровнем моря, однако в этом районе Хэнтэй труднодоступен благодаря резкости форм и необитаем. Здесь-то и посчастливилось нам с товарищем Сандагом совершенно случайно найти гробницу Чингисхана!

Представьте себе пагоду из чистого серебра с золотыми колокольчиками по углам. Когда налетали порывы ветра, колокольчики нежно звенели. Главную пагоду окружали небольшие башенки, тоже серебряные, с круглыми окнами. Как потом выяснилось, в них покоились тела двенадцати главных сподвижников кагана.

Тончайшие фрески покрывали стены пагод. Нужно было провести рукой, чтобы уловить волнение плоскости. В лучах солнца кумирня ослепительно сверкала, а золотые колокольчики издавали музыкальный звон.

Мы с Сандагом вошли в кумирню-усыпальницу. Здесь царила настороженная торжественная тишина, все окутывал таинственный сумрак. Посреди, на подставке из червонного золота, стоял серебряный гроб, а в гробу восседал Чингисхан. Он именно сидел, а не лежал. Руки его были сложены на груди, веки закрыты. По сторонам стояли большие томпаковые сосуды с рисом и другой пищей. На бархатной подушечке стоял серебряный флакон, украшенный скифским орнаментом. На ковре лежали огромный лук и кожаный колчан с оперенными стрелами, несколько мечей и другое оружие. Воздух здесь был до того спертый, что сразу клонило ко сну. Пришлось проветрить серебряную кумирню, и, возможно, это привело к неожиданному эффекту.

Я закурил папиросу «Борцы» и стал неторопливо изучать лицо Чингисхана, его одежду. Это был мужчина могучего телосложения, с крашеной рыжей бородой.

«Великолепно сохранившаяся мумия!» — подумал я и выпустил изо рта струю дыма. Когда Чингисхан чихнул, я не сразу понял, что произошло. Он открыл глаза, с интересом поглядел на меня и на Сандага и спросил на чистейшем монгольском языке:

«Сколько я просидел в этой вонючей кумирне?»

В учтивых выражениях мы объяснили, что с момента его так называемой смерти прошло целых семьсот лет.

Он нахмурился, дернул себя за бороду, и она отвалилась: оказывается, она была приклеена.

«Я прикажу вам обоим отрубить головы! — заревел он. — Так-то выполняются мои повеления?! Я приказал разбудить меня не раньше чем через восемьсот лет. Наверное, в мире никогда не будет порядка!»

Пришлось открыть кагану печальную истину. Бедный

Чингис... Он даже не подозревал, как много случилось всякой всячины за последние семьсот лет. Вот что значит непомерное самомнение: он, по-видимому, вообразил, будто мы приставлены присматривать за ним и по небрежности разбудили его. Мы рассказали о том, что даже место его погребения до сих пор остается никому не известным: одни говорят, оно должно находиться в Южном Ордосе, другие советуют искать гробницу на одной из гор, которые образуют хребет Бурхан-Халдун, откуда вытекают Онон, Керулен и Тола. Гобиль передает, что гора, где погребен Чингисхан, называлась Хан и находится под $47^{\circ}54'$ северной широты к $9^{\circ}3'$ на запад от меридиана Пекина.

И мы сообщили кагану истинные координаты его гробницы.

Да, да, великая империя, созданная Чингисханом и его преемниками, ныне представляет огромное археологическое кладбище. Там, где раньше стояла столица империи — Каракорум, которая играла такую же роль, какую Рим во времена Цезаря, и где сходились нити тогдашней мировой политики, сегодня — груды развалин, сплошь изрытые щелями, в которых гнездятся птицы. Тихо шелестит под ногами высокая трава, и стада диких коз, спугнутые человеком, убегают в горы.

В 1926 году Петру Кузьмичу Козлову удалось обнаружить руины военного города Хубилая. И по сей день не исключается возможность открытия остатков даже целых городов. Ведь существовал же в Западной Монголии в середине XIII века город Самарканд. Главное строительство монгольских императоров сосредоточивалось по реке Шанду-гол. Это развалины Боро-хото, Улан-балгас, Цаган-балгас, Чжун-найман-сумэ. Находящиеся в Забайкалье и западной Маньчжурии развалины нескольких городов, например, Хуандэ-балгас, развалины на реке Хануй, руины городов на территории Внутренней Монголии Ин-Чан, Хара-балгас и другие также относятся к памятникам Юаньской (Чингисовой) династии.

От великой империи остались только черепки, руины и многочисленные валы. И лишь археологам с трудом удастся установить следы некогда шумных городов.

Чингисхан расстроился не на шутку. Он охотно поделился с нами тайной своего многовекового сна: оказы-

вается, когда ему стукнуло шестьдесят шесть, он стал подумывать о смерти, а умирать не хотелось. Тогда некий мудрец, вызванный по этому случаю из Китая, предложил снотворное средство. Оно давало возможность проснуться через сотни лет. Кагану мысль понравилась, и он повелел распространить весть о своей смерти. Многочисленная стража из племени урянхит охраняла его покой. Первые триста лет он часто просыпался, а потом заснул окончательно. В серебряном флаконе имелось еще достаточно чудесного эликсира, чтобы проспать хоть две тысячи лет.

Мы попросили немного этой жидкости в пробирку для анализа, после чего вышли на свежий воздух. Невысоко над нами парил орел. Знаменитый полководец натянул тетиву, сощурил кошачьи глаза и... промазал. Тогда Сандаг вскинул винтовку, и орел... упал к нашим ногам.

Вы думаете, Чингисхан испугался выстрела? Как бы не так! Он с восторгом ухватился за винтовку, тряс ее, трогал дуло.

«Десять таких штук в мою армию, и я завоевал бы мир гораздо быстрее!»

Тут уж мы не утерпели и расхвастались. О, человечество в смысле военной техники со времен Чингисхана сделало большой шаг вперед: самолеты, танки, подводные лодки, минометы, самоходные пушки, отравляющие газы и т. д. и т. п. Мы нарисовали грандиозную картину современного боя и никогда еще не встречали более внимательного слушателя. Глаза его зажглись жестким холодным огнем. Он был рожден для войны, и грандиозное развитие военной техники потрясло его.

В конце концов он схватил свой лук, сломал его о колено и отшвырнул в сторону. Потом заговорил. Тихо, с расстановкой:

«Я считал, что люди гибнут в основном не на войне, а после войны. На войне гибнут воины. Моей главной тактикой были опустошения. Скажем, прежде чем штурмовать большой город, мы опустошали всю местность вокруг, а в это время около крепостей и замков располагались наблюдательные отряды, чтобы удерживать в них гарнизоны противника.

Но ведь все это было семьсот лет тому назад! Я был

вероломен и беспощаден. Чтобы обеспечить себе спокойное обладание завоеванной страной, я приказывал вырезать ее население, разрушать ее города и крепости. При взятии Нишабура резня длилась четыре дня. Мы сложили пирамиды отдельно из голов мужчин, женщин и детей. Разрушение длилось две недели. Город исчез с лица земли. Но вижу, вы смеетесь надо мной, и все эти ужасы кажутся вам ничтожными в сравнении с теми войнами, какие вам приходится вести.

Я шел со своим тугим луком по миру, и не было во всей вселенной никого, кто мог бы померяться со мной силой. Я покорил двести семьдесят народов со своей армией, которая была так велика, что язык не поворачивается сказать: сто тридцать тысяч воинов! Но вы опять улыбаетесь: сто тридцать тысяч! Да разве это армия?! Вот десять миллионов — куда ни шло!

Мне стыдно, я готов заплакать.

Тогда мне думалось, что вместе со мной умрут и войны: мои глаза слишком много видели крови. Где моя великая империя, созданная огнем и мечом? Выходит, я зря старался? Ну, а чего же, в таком случае, ждать от тех, кто сегодня стремится подражать мне? Может быть, они хотят создать великую империю, где не останется в живых ни одного человека, кроме самого императора-хана?»

Эта мысль почему-то показалась ему забавной. Он захохотал. Он смеялся до тех пор, пока не посинело лицо. Мы бросились к нему на помощь, но было поздно: Чингисхан задохнулся от смеха, он умер...

А еще говорят, что от смеха не умирают,— сказал я Сандагу, и мы договорились никому не рассказывать о встрече с Чингисханом, которого мы утомили смехом...

— А я-то по наивности сперва поверила всему,— сказала разочарованно Валя.— Значит, никто не знает, где похоронен Чингисхан?

— Никто.

Все рассмеялись. Слушали затаив дыхание, а все свелось к шутке Тимякова над легковерной Басмановой.

Пушкарев поднял с земли розоватую плитку из обожженной глины с рельефным изображением богини Тары, протянул Вале:

— Возьми на память. Эта глиняная иконка назы-

вается цаца. Глину замешивали на крови лам, прославившихся своей святостью. Как я вычитал у Андрея Дмитриевича, этими цаца здесь набиты все субурганы. Много было святых.

— Цаца? У нас в Саратове черепки фаянсовой посуды назывались цацками.

«У нас в Саратове...» Она замолчала, пораженная мыслью, что находится сейчас за тридевять земель от своего Саратова. Перед ней — субурганы мертвого города, а в двух шагах, на земле, — японский шпион и международный авантюрист... Поход через великую пустыню Гоби, едва не закончившийся гибелью всей экспедиции. А впереди — полная неизвестность...

Валя взяла глиняную плитку, напоминавшую по форме печенье или печатный пряник, прижала ее к щеке. Богиня Тара, покровительница древней Эдзины, будь покровительницей горстки измученных людей, не дай им пропасть в чужом, враждебном краю!..

Откуда взялась она, эта равнодушно улыбающаяся Тара? Если бы Саша не открыл ту пещеру с гигантской статуей Тары, то всего, что с ними приключилось потом, и не было бы... А сейчас они скитаются, терпят лишения, испытывают страх — и все под знаком все той же Тары с ее непостижимой улыбкой...

Только теперь, когда они немного пришли в себя, наряду с любознательностью обострился и страх. Чего они боялись? Внезапного нападения? Обратной дороги? Неожиданных каверз хитроумного Карста и его сообщника Очира?

Нет, за себя они опасались мало. Они думали сейчас о лагере экспедиции, где остались Зыков, рабочие на буровых, Чимид. Что там сейчас происходит?..

Этих страхов никто не высказывал вслух, но у каждого звенели в ушах последние отчаянные слова Цокто о заговоре в сомоне. Д-да, нужно все-таки поторапливаться...

Им казалось, будто они попали в некий каменный мешок. Безбоязненно ползали по земле медно-красные и зеленые змеи, они словно бы и не чувствовали присутствия людей. Здесь жизнь текла по своим законам, и человек не имел к ней никакого отношения. По развалинам фанз и кумирен прыгала сойка. А по сторонам поднима-

лись толстые глинобитные стены. У северной и восточной стен — нагромождения песка, по ним можно без труда подняться на стену. Весь пустырь завален многоцветными черепками фарфоровой посуды, кое-где валялась выпуклая черепица — все, что осталось от крыш домов. Медленно, лениво прополз степной удав, едва не задев ногу Пушкарева, и мгновенно исчез, словно и не было его.

Рассказывают, будто некая смелая старуха много-много лет тому назад забрела в эти развалины и нашла здесь три нитки прекрасного жемчуга. Прямо на земле. Да, здесь еще много чего можно найти, если поискать... Но Пушкарев вдруг почувствовал какое-то равнодушие ко всему. Поднял из мусора нефритовую фигурку странной формы и забросил ее...

Он вытащил из геологической сумки заветную тетрадь и записал: «Мы в мертвом городе Хара-Хото. Как очутились здесь? Это целая история, опишу все потом, если благополучно вернемся домой. Тимяков говорит, что от Хара-Хото до наших родных гор Гурбан-Сайхан двенадцать дней ходу на верблюдах. Далековато. Только бы добраться до монгольского пограничного поста! Но и до него добраться не так просто: повсюду нас будет подстерегать опасность. Я тревожусь за Валю. Если бы ее не было рядом, вся эта история, в которую мы попали, выглядела бы для меня всего лишь опасным приключением. Продукты на исходе, но Сандаг спокоен: он все приглядывается к одному из верблюдов, которого, по всей видимости, в случае крайней нужды можно будет прирезать.

Мы в самом центре великой пустыни Гоби, а к ней тут же, за стенами мертвого города, подступает не менее великая пустыня Алашаньская — бесконечное скопление высоченных песчаных барханов. Это на востоке. На западе — Кашгария, с ее страшной пустыней Такла-Макан. На юге — снеговые громады Нань-Шаня. К собственному стыду должен сознаться, что географию этих мест знаю плохо. А надо знать. И вообще я прихожу к выводу: географию следует изучать въедливо, настойчиво, ползать по всему земному шару от полюса до полюса, по всем широтам и долготам, так как неизвестно, куда занесут тебя завтра коварные волны случая, на какой широте и долготе твоя слава, твоя смерть...»

...Вечер совсем погас, показался клочок темно-голубого неба с крупной звездой, заметались над головами летучие мыши. Тоскливо кричал одинокий сыч.

Путешественники лежали притихшие, охваченные странным чувством тревоги и нереальности всего окружающего: каждому казалось, будто он слышит блоковский «забытый гул погибших городов». И Пушкарев прислушивался к этому гулу прошлого в самом себе. Он держал теплую руку спящей Вали и все смотрел и смотрел на одинокую сверкающую звезду в темно-голубом небе. Иногда он окидывал взглядом пустырь, стены, укрепленные многочисленными башнями; видел широкие каменные лестницы, по которым можно подняться на стены; высокий массивный субурган на северо-западной угловой башне, окруженной балконом с барьером,— отсюда, по-видимому, сыпались тучи стрел на врага, подошедшего к городу.

Опустив руку Вали, он осторожно встал и поднялся на западную стену.

Пространства расчистились от желтой пыли, и в вечерней синеве проступали очертания субурганов, стоящих группами вдоль дороги, некогда оживленной, а теперь заброшенной. Каждый из субурганов, несомненно, был наполнен древними книгами, полотнами, статуями и другими сокровищами. Он видел вдали развалины форта Агатан-хото, там за ним, за сухим руслом и небольшой рощей в зарослях камышей текла река Эдзин-гол, та самая, которую императорские войска в свое время отвели от осажденного города; ближе виднелась высокая башня, она манила к себе.

Хара-Хото был расположен на низкой террасе из грубозернистых твердых песчаников, пески заметали его главным образом с севера и с востока, со стороны страшной Алашаньской пустыни.

Пушкарев вздрогнул и резко обернулся, когда почувствовал, что рядом стоит кто-то. Это был Тимяков.

— Не спится,— сказал он.— Если бы у нас был на руках открытый лист китайского правительства, мы могли бы задержаться на несколько дней и поискать те статуи, которые оставил здесь Петр Кузьмич. А впрочем, неизвестно, что творится сейчас в сомоне, в лагере нашей экспедиции. Нужно поторапливаться.

— Мы все равно попадем в руки китайских пограничников.

Тимяков неопределенно хмыкнул.

— Таковых здесь не имеется, — сказал он. — Граница охраняется только с монгольской стороны, и то заставы разбросаны далеко друг от друга, а с китайской всеми пограничными делами ведает один-единственный чиновник — цагда-тайгама, мой хороший знакомый, торгоут — монгол. Да и кто отважится нарушить границу в этих безводных и безлюдных местах? Разве что авантюристы, искатели кладов наподобие Карста! Тут куда ни глянь — смерть! Нинся — это пески Гоби и Алашаньской пустыни вплоть до Великой китайской стены. А ведь при царствовании тангутов этот район был крупнейшим плодородным оазисом, густо населенным. Мы с Сандагом обследовали окрестности Хара-Хото: повсюду следы былого земледелия; здесь среди рукавов многоводной реки на сотни километров расстилались богатые пашни, стояли фанзы. Гранитные жернова, молотилки до сих пор валяются вдоль высохших канав.

Но самое интересное для меня — дорога, которая тянулась от китайской низменности до Гобийского Алтая. Вы правы: связь между Эдзингольским оазисом и Монголией существовала с незапамятных времен. То была прекрасная дорога, ее следы сохранились до сих пор: в июле 1925 года я в составе Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества прошел по ней. При пересечении Центральной Гоби наш отряд вступил на древнюю дорогу, проложенную руками людей, подвластных губернатору Хара-Хото. Дорога сохраняет вид искусственной насыпи и отчетливо видна, если ехать сбоку. По ней вот уже много веков ходят караваны.

Ваши слова о некой связи Хара-Хото и пещеры-храма с гигантской статуей богини Тары навели меня на размышления: древняя, или, как ее сейчас называют, «торгоутская», дорога упирается в хребет Гурбан-Сайхан и ведет, как я теперь догадываюсь, прямо к той пещере.

Какая тут связь? В пещере с богиней, будем называть ее так, вы, сбитые с толку грудями ископаемых костей, не обратили внимания на одно обстоятельство. Должно быть, оно осталось незамеченным и Карстом, человеком,

в общем-то, глубоко невежественным. По всей вероятности, он даже не потрудился обследовать пещеру как следует. А если и заметил в дальнем углу пещеры груды книг, то не обратил на них внимания. Я тоже сперва решил, что это обычная ламская священная литература, которая попадает в каждом монастыре, но из чистой любознательности прихватил один небольшой свиток и сунул его в сумку. Потом, как вы знаете, было не до свитка. А вот сейчас я его развернул и ахнул: письмо си-ся!

Он вынул из сумки свиток на бамбуковой палочке, встряхнул его, и в смутной синеве угасшего дня Пушкирев увидел на плотной серой бумаге крупные замысловатые иероглифы, похожие на китайские.

— А может быть, это китайский свиток?— спросил он.

— Нет. Я до этого не раз видел тангутские свитки. Их расшифровкой сейчас заняты ученые во всем мире. Один из них даже сказал, что это самая сложная система письма из всех когда-либо созданных человеческим умом. Существует целая отрасль языкознания — тангутика. У нас ею занимаются доктор Алексей Иванович Иванов и Николай Александрович Невский. Ну и я в свое время, будучи причастным к исследованиям Хара-Хото, внес свой скромный вклад в расшифровку письмен си-ся.

— Вам удалось прочитать книги си-ся?

— Нет, разумеется. А другие на пути к этому. Невский, например. Три года назад на сессии Академии наук я слушал его доклад «Тангутская письменность и ее фонды». Николай Александрович читал тангутскую оду, стихи.

— Стихи?— Александр оживился.— И вы запомнили хоть что-нибудь?

— Разумеется. Стихи, как мне кажется, о Хара-Хото:

Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни;
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки;
Длинных минья страна там находится...

Минья — значит тангуты, си-ся. И еще из патриотической оды:

Под небом великим у нас
Читаются книги свои
И собственный свой этикет.
Среди областей всей страны не сыщешь теперь такой,
Где бы море наук не подносили они.

Не шли за Тибетом, и что ж? —
Перед нами склонился Тибет.

На суше-земле у нас
Дела свои сами вершим,—
И свой государственный чин.

Не подчинились Китаю, и вот —
Преклонился пред нами Китай...

Признаюсь, мне было страшно слушать все это: словно бы вдруг заговорила древняя каменная статуя, и я как-то причастен ко всему.

— Да, в самом деле жутковато,— согласился Пушкарёв.— Ведь все это умерло, умерло давным-давно и вдруг заговорило. А лирические стихи у них были?

— Вполне возможно. Ведь книги у них издавались такими же тиражами, как сегодня: пятьдесят — сто тысяч экземпляров, и, наверное, платили потиражные авторам. У них были сборники пословиц. Очень мудрые пословицы: «У правды железное лицо», «Непреложность смерти железом не свяжешь, быстротечность жизни пешком не догонишь», «Правду говорит или сильный, или глупый», «Когда усиливаются жены — государства гибнут», «Волк поест — объедки оставит. Вор унесет — следы останутся» — это уж о господине Карсте.

— Вы верите, Андрей Дмитриевич, будто он нашел сокровища мертвого города?

— Вполне возможно. Ну, не все сокровища, а какую-то часть. Даже в легенде они ведь не так уж значительны: сорок тонн серебра. На большее у сочинителя легенды не хватило воображения. Речь, по-видимому, идет о жалованье гарнизону — не больше. Уцелел кто-нибудь из солдат Хара-Цзюнь-гуаня, под пытками вспомнил: жалованье-то им не выплатили, закопали в землю. Тут и родилась легенда. А главные сокровища своего горо-

да-государства, Эдзингольского оазиса, Хара-Цзюнь-гуань, прослышав о подходе императорских войск из Китая, конечно же, припрятал где-нибудь в укромном месте, возможно, там, куда собирался бежать с семьей в случае поражения. Но бежать не удалось: город обложили со всех сторон. А возможно, все-таки бежал.

— А куда он мог бежать?

— Монгольский князь мог бежать только в Монголию. Куда еще? Легенда приписывает Хара-Цзюнь-гуаню попытку чуть ли не захватить китайский престол. И это после того, как владычество Юаньской династии кончилось! Как бы ни был отважен Хара-Цзюнь-гуань, но ни о чем подобном он и помышлять не мог в ту пору со своим ничтожным гарнизоном. Если он был мудрым человеком, а я в этом почти не сомневаюсь, он понимал, что город удержать не удастся, что помощи ждать неоткуда. Он мог оставить небольшой гарнизон в Хара-Хото, мог даже сам здесь задержаться, а свой народ, свою семью и свои сокровища, узнав, что китайцы близко, отправил по великому караванному пути, по торговтской дороге, которую мы открыли в 1925 году, на север, в горы Гурбан-Сайхан. Там и следует искать сокровища Хара-Цзюнь-гуаня. Возможно даже, что они скрыты в одной из пещер, где мы с вами побывали.

— Но ведь караван владельца Хара-Хото мог пойти и дальше, в глубь Монголии?

— Вряд ли. Тут вот какое дело. Я изложил вам современную точку зрения археологов, спорящих, где следует искать гробницу Чингисхана. Но сам я, помню, когда занимался археологией, придерживался другого мнения: каган похоронен в Монгольском или Гобийском Алтае. Тут я верю Марко Поло, который писал: «Всех великих государей, потомков Чингисхана, знайте, хоронят в большой горе Алтай, и где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути до той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого дней за сорок побольше или поменьше убивают мечом провожатые, причем приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государю».

Чингис создал, так сказать, традицию, и никто из его

потомков не посмел бы нарушить ее. Даже после смерти они должны были окружать его.

Место погребения ханов держалось в тайне, оно было известно лишь родовитым, принцам крови и военачальникам. Сюда, в потаенное место, и направил владетель Хара-Хото свою семью, свои неисчислимые сокровища.

Видите брешь в северной стене? Зачем она? Якобы Хара-Цзюнь-гуань приказал пробить ее, чтобы обмануть врага, и отсюда со своим войском устремился на него. Нелепая затея. Всадников перебили бы по одному — противник вряд ли дремал. Можно предположить, разумеется, что брешь сделали императорские солдаты, чтобы проникнуть в город. Тоже маловероятно. Куда легче было бы приставить штурмовые лестницы. Как известно, царевич Тулуй, приступая к осаде города Нишабура, приказал изготовить четыре тысячи штурмовых лестниц и взял его. Не вернее ли предположить, что брешь была проделана заранее и замаскирована камышом и тонким слоем глины. Небольшой гарнизон изматывал противника, давая возможность своему каравану или караванам уйти как можно дальше на север, к горам Гурбан-Сайхан. А когда задача была выполнена, темной ночью Хара-Цзюнь-гуань приказал бесшумно разломать камышовые щиты, покрытые глиной, которые скрывали брешь, и воины поодиночке незаметно покинули город, оставив противника в дураках. Так мне представляется вся история.

— Пусть не совсем героично, зато ближе к истине, — согласился Пушкарев. — Они, наверное, наиболее ценные книги увезли с собой, а остальные оставили в субурга-нах. Ваша версия убеждает, и если бы я имел вес в науке, то дрался бы за нее.

— Будет и вес. Тангуты говорили: познать истину легко, трудно следовать ей. То, что мы близки к истине, убеждает хотя бы вот этот тангутский свиток. Основную библиотеку Хара-Хото следует искать в горах Гурбан-Сайхан. Тангутские книги считались ценностью.

— Я теперь припоминаю: такие же свитки мы с Цокто находили в других пещерах, они и сейчас лежат там.

— Очень любопытно! Придется немедленно наведаться в Котловину пещер. Если бы Карст мог знать, какую ценность представляют свитки, он охотился бы только за

ними, а не за костями ящеров. Видно, даже своему компаньону профессору Бадраху Карст ничего не сказал о тайной пещере, где припрятал кости и яйца динозавров, а то Бадрах быстро разобрался бы во всем и прикарманил тангутскую библиотеку.

И еще одно маленькое обстоятельство, которому я тоже не придал значения, а теперь улавливаю некую связь: вход в пещеру-храм закрывает камень с письменами; помню, я поразился, что это не обычное «Ом мани падме хум» тибетскими знаками, а нечто другое — иероглифы не китайские, а тангутские. Но тогда некогда было заниматься сличением.

— Это мы сможем установить хоть сию минуту! — воскликнул Александр. — Я ведь все подобные письма срисовал в тетрадь. Тетрадь цела!

Он извлек из своей геологической сумки, с которой никогда не расставался, тетрадь и, развернув на нужной странице, зажег карманный фонарь.

Географ долго вглядывался в причудливые знаки.

— Да, я не ошибся, — наконец произнес он. — Вы скопировали точно: тангутское письмо!

— Ну, а что значит сама надпись?

Тимяков пожал плечами.

— Все не так просто, как вам представляется. Можно лишь предполагать, что это все то же заклинание «Ом мани падме хум», только выраженное тангутскими иероглифами: ведь тангуты были, как и монголы, буддистами. Если нам удастся расшифровать надпись и если я окажусь прав, то человечество наконец-то узнает смысл таинственного заклинания «Ом мани падме хум». Пока я вижу знак «лотос» и знак «драгоценность». Все в совокупности может означать «драгоценность в цветке лотоса», а именно так ламы переводят свое «Ом мани падме хум». Но почему они так переводят? С какого языка? Некоторые считают, что «драгоценность в цветке лотоса» — Будда, сидящий на лотосе. Поверьте мне, я перерыл в свое время горы литературы, но так и не уяснил, какому предлогу следует отдать предпочтение: «в» или «на». Будда сидит «на» лотосе, а не «в» лотосе. А если драгоценность, все-таки «в» лотосе... то есть внутри пьедестала, на котором восседает божество...

Он не закончил свою мысль, и Пушкарев так и не

понял, что он имеет в виду: не все ли равно — на лотосе или в лотосе?..

Они постояли еще немного, потом спустились в лагерь, и каждый завернулся в свое одеяло.

Когда небо совсем потемнело, стало черным, как агат, с еле заметными светлыми разводами, тени прошлого ожили. Может быть, Александр спал, а может быть, просто грезил, стремясь наполнить замороженный мертвый город движением и жизнью, но из мрака веков хлынули грозные видения. Пылали костры, и вокруг них суетились воины; на них была броня из кожи с железными пластинками, на голове шишаки. У каждого два или три лука, колчаны со стрелами, топоры, копья с крюками для стаскивания человека с седла. У стен — машины для метания горшков с зажженной нефтью, катапульты, баллисты, груды камня для бросания из баллист. Смуглые мужественные лица...

Вот показался Хара-Цзюнь-гуань в кольчуге из синего железа. У него тонкое темное лицо с бородкой; сейчас на князя страшно смотреть: он только что заколол своих жен и детей, — он знает, что никто из битвы не выйдет живым и не споют над ними плакальщицы и жены:

Обернувшись крылом парящего ястреба,
Ты отлетел, господин мой!
Неужели ты грузом стал повозки скрипучей,
О господин мой?!

А завтра, чуть забрезжит синевой рассвет, ринутся храбрые воины в последнюю битву и найдут достойную смерть у стен собственного города. И шумные улицы уснут вместе с героями, уснут навсегда; серые пески заметут следы, а люди сложат красивые легенды про спящий город и отважных витязей.

Но как только наступает ночь, оживают развалины, просыпаются воины в железных и бронзовых доспехах, встает батыр Хара-Цзюнь-гуань, ведет непобедимое войско на врагов, и до рассвета слышатся звон сабель и бранные крики...

Логика и поэзия всегда живут в некоем противоречии. Может быть, и прав Тимяков со своими гипотезами и выкладками, но в прошлом мы чаще всего видим лишь контуры времени, героическое начало.

...В Халунаршанской разведывательной школе Очира приучали стойко переносить жажду, обходиться подолгу без еды, освободить руки и ноги от веревок, если тебя свяжут. Закон джиу-джитсу: терпение, победить подчинением; из всякого безвыходного положения есть выход; и в аду старайся встретить знакомых; что вытягивается на дюйм, вытянется и на фут.

Он пытался расслабить свои путы, но Тумурбатор умел так завязать, что все усилия Очира ни к чему не привели. Он понял: так можно провозиться и до утра, лучше уж придумать что-нибудь другое.

Он лежал возле стены со связанными руками и ногами, причем пограничник связал его так, что без посторонней помощи он не смог бы подняться. Этот изворотливый Тумурбатор принял все меры и против побега Карста: связал ему руки сзади, а веревку пристегнул к своему поясу. Впрочем, Карст и не собирался бежать: он все рассчитывал на счастливый случай.

Очир понял: счастливый случай может и не представиться.

Осторожно, чтобы не разбудить чуткого даже во сне пограничника, Очир перевернулся на другой бок. Потом, перевертываясь с боку на бок, он подкатился к ближайшему верблюду; напрягся, со всей силы оттолкнулся ногами и застрял между горбами; перегнулся, свесил голову, ударил подбородком бактриана. Удар получился легким, но верблюд заревел и нехотя поднялся на ноги. Очир бил и бил его коленями, пока животное не направилось к западным воротам.

Выйдя из города, бактриан остановился, повел узкой головой из стороны в сторону и нехотя пошел на север, а не на запад, как хотелось Очиру. На западе была река, густые камыши, там могли повстречаться торгоуты и освободить его от веревок и ремней. Но упрямый верблюд направился туда, откуда пришел. «Он притащит меня на монгольскую погранзаставу...» — со страхом подумал Очир. Однако, очутившись в барханах, бактриан стал подбирать колючки; он все больше и больше отклонялся на юго-восток, а барханы становились всё выше и выше. Теперь если бы даже члены экспедиции бросились за ним в погоню, им вряд ли удалось бы найти его ночью среди бесконечных дымящихся барханов.

...А в лагере в самом деле начался переполох. Первым хватился пропажи верблюда и Очира все тот же Гумур-батор. Он дубасил себя могучими кулаками по лбу, приговаривая:

— Глупый осел, а не пограничник — вот кто я! Я этого дьявола найду хоть под землей!..

Медлить было нельзя. Сандаг и Тимяков первыми выскочили в западные ворота и кинулись к форту Агата-н-хото, куда еще мог бежать Очир, как не к реке?!

Остальные, собрав одеяла и наскоро завьючив двух оставшихся верблюдов, тоже двинулись к форту. Никто не знал, удастся ли им вернуться в Хара-Хото. Карст вприпрыжку бежал на веревочной привязи за Тумурба-тором, который скрипел зубами от бессильной ярости. Ему казалось, что в побеге Очира повинен хитрый Карст, и готов был растерзать его.

Занимался рассвет. Они шли по блестящей черной равнине; потом потянулись высокие холмы, поросшие багряным тамариском. Зажглась малиновым пламенем башня Боро-Цонджи. Около каждого субургана, напоминающего богатырский шлем, хотелось остановиться, исследовать его, но приходилось спешить.

Они шли на северо-запад, приближаясь к реке.

Когда пересекали древнее каменное русло, заваленное стволами деревьев, сохнувших, должно быть, не одну сотню лет, Карст сказал Тимякову и Сандагу:

— Вы можете проверить истинность моих слов о сокровищах, которые я закопал здесь. Возьмите сокровища и отпустите меня — больше ничего не прошу.

— А ваш друг Очир за это время, пока мы тут будем раскапывать несуществующие сокровища, уйдет подальше, а потом, набрав шайку головорезов, постарается освободить вас и перестрелять нас, — насмешливо отозвался Сандаг. — Не считайте себя, господин Карст, умнее и хитрее всех.

— Да я и не считаю. В заговоре с Очиром не состою, о том, что он замыслил побег, не знал. Вряд ли Очир бросится освобождать меня. Он небось сейчас старается как можно дальше унести ноги.

— Не пытайтесь усыпить нашу бдительность...

Нет, Карст не обманывал Сандага и Тимякова: серебряные слитки, найденные им много лет назад в Хара-

Хото, действительно были припрятаны в мертвом лесу, и Карст сейчас готов был отдать их за одно-единственное: за свободу. Ему нужна была свобода! Даже кости динозавров, добытые с таким трудом, он готов был бросить. И самое любопытное: он так же, как и все члены экспедиции, рвался обратно в Монголию. Сперва он делал вид, что хочет вернуться к своему каравану в Нэмэгэтинскую котловину и якобы за кости динозавров, если его выпустят с караваном, готов отдать серебряные слитки; а на самом деле имелась более веская причина для возвращения в Монголию: письмо Бадраха он уничтожил сразу же, как только получил его, но там имелись такие строки: «Когда кости динозавров будут переправлены в Нинся, возвращайтесь в пещеру Тары без каравана, налегке, с верными людьми. Я буду ждать вас в пещере 12 августа, приготовлю верблюдов. Мы должны вывезти сокровища, которые сделают нас необыкновенно богатыми людьми. Отцу я сказал, будто выезжаю во Внутреннюю Монголию в ставку князя Балдана. Это так, на всякий случай, чтобы запутать след».

Вот почему тогда, в Нэмэгэтинской котловине Карст не позволил своим людям затевать перестрелку: он боялся осложнений,— ведь на поиски экспедиции могли выехать пограничники и работники МВД, и тогда весь район оказался бы недоступным, а сокровища, на которые намекал Бадрах, уплыли бы из рук.

Этот мерзавец Очир, конечно же, даже не подумает освободить его. Может быть, зря он не взял Очира в пай? Но теперь уж поздно жалеть о чем бы то ни было. Только бы выпутаться из всей истории до двенадцатого августа!

Если уж Бадрах не боится распространять слух о своем отъезде за границу, значит, он в самом деле решил эмигрировать, прихватив сказочные богатства.

— Отпустите меня, и я клянусь больше никогда не появляться в Монголии! — закричал он в отчаянии.

Карст был прав: Очир меньше всего помышлял об его освобождении. Да и не до этого ему было. Он кулем висел между горбами верблюда, солнце припекало все сильнее, а бактриан лениво переползал с одного бархана на другой, пожирал колючки, и ни окрики, ни свист, ни толчки не помогали. Насытившись, верблюд решительно повернул к мертвому городу. Можно было бы свалиться

на землю. Но дальше что? Лежать под палящим солнцем на раскаленном песке? Освободиться от ремней и веревок все равно не удастся. Только бы проклятое животное не стряхнуло его с себя. Когда Очир, придя в отчаяние, укусил верблюда, тот остановился, стал реветь и плевать.

В более глупое положение Очир еще не попадал.

Верблюд меланхолично вошел в западные ворота Хара-Хото. Очир представлял, какой фурор вызовет его появление. Но его встретила глухая тишина. Ушли...

Он вздохнул с облегчением. Уложил верблюда, сполз на землю и укрылся в тени. Хотелось пить и есть.

Постепенно радость сменилась глубоким унынием. Сюда на помощь никто не придет. Здесь царство смерти, и кочевники далеко стороной объезжают закланное место. Надеяться на выручку бессмысленно.

Нужно снова взобраться на верблюда. Может быть, он все-таки пойдет на запад, к реке? Верблюду тоже нужна вода...

Верблюд поглядывал на Очира выпуклыми глазами почти дружелюбно и позволил ему завалиться между горбами. Верблюд, как и в первый раз, направился не на запад, а в барханы и долго бродил, выискивая колючки, а потом вернулся в Хара-Хото.

И Очир понял: верблуду здесь нравится, он обосновался в мертвом городе навсегда.

Сандаг и Тимяков, опасаясь нападения бандитов, которое мог организовать Очир, решили немедленно пробираться на север, к погранзаставе; идти ночами путаной дорогой, прячась в барханах и в зарослях саксаула, к колодцам подходить только в темноте.

На третий день их перехватили монгольские пограничники. Возле белого домика погранзаставы путешественники увидели шофера Аракчу.

— Как там, в сомоне?— крикнул ему Сандаг.

Аракча, завидев путешественников, кинулся к ним:

— Бадзара и Накамуру ловят! Сбежали в горы! Все наши целы. Радиограмму в Улан-Батор передали сразу же. А вот машину я сюда пригнал...

— Отпустите меня! Отпустите меня! — исступленно кричал Карст, завидев на дворе заставы своих сообщни-

ков, задержанных пограничниками.— Вы не имеете права! Я буду все отрицать...

— Вся ваша банда, господин Карст, задержана, как видите,— сказал начальник погранзаставы Дугар.— И кости дракона мы доставили сюда как вещественное доказательство. Завтра всех вас под конвоем отправим в Улан-Батор. Там разберутся.

Тумурбатор доложил начальнику заставы о прибытии к месту службы. Дугар пожал ему руку, широко улыбнулся, потом крепко схватил за плечи, хотел сдвинуть с места, но не смог.

— В самом деле богатырь! Вот такой старшина здесь и нужен. Отдыхай пока, а завтра приступишь к исполнению своих обязанностей.

Дугар лукаво сощурился, глаза его совсем утонули в веках. Он был наблюдательным человеком, как и положено при его должности. Он замечал все вокруг. А сейчас он заметил, что Долгор не отходит ни на шаг от Тумурбатора. Пожалуй, нужно дать этой паре проститься...

...Они стояли у высокого куста тамариска и негромко разговаривали.

— Ты не должна уезжать в Улан-Батор с Басмановой и остальными нашими,— сказал он.— Ты нужна мне здесь. Выучиться на врача или на геолога еще успеешь. Вот пообвыкну немного и приеду за тобой.

— Я буду ждать тебя, Тумурбатор. Хоть всю жизнь. Зачем ехать обязательно в Улан-Батор? Когда в наших местах, у Гурбан-Сайхана, будет построен город, то, наверное, там найдется школа, где я смогу учиться?

— Я тоже так думаю. Главное, чтоб была любовь. Так говорит Пушкарев. Без любви теперь не живут.

Он робко поцеловал ее в щеку.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Когда араты, преследовавшие Бадзара и Накамуру, добрались до котловины Ногон-Могой, стало совсем темно. Спускаться в пропасть не имело смысла, можно было сорваться. Решили подождать рассвета.

Едва небо посерело, Гончиг, цепляясь за камни, первым устремился вниз. За ним двинулись другие.

— Вот вход в пещеру! — указал Гончиг на камень с высеченным заклинанием.

Камень легко сдвинули в сторону.

— Эй, Бадзар, выходи! — крикнул Гончиг. — И не вздумайте стрелять: все равно не уйдете.

Но в ответ не долетело ни звука.

— Нужно их выкурить, — предложил кто-то. Набрали веток можжевельника, устроили дымный костер перед самым входом в пещеру.

Всем казалось, что из отверстия вот-вот появится голова Бадзара с косичками; держали ружья наготове. Однако время летело, а из пещеры никто не выходил.

— Удрали, проклятые!

А Бадзар и Накамура сидели наверху среди камней и спокойно наблюдали за всей этой возней.

— Я предвидел такое, — сказал Накамура. — Хорошо, что вовремя уползли из твоей тайной пещеры. Какая тайна может быть от работников? Слуги всегда знают тайны своих господ и только тихо над ними посмеиваются.

— Ничего, вода у нас есть, сушеная баранина тоже. Я знаю тропку отсюда на перевал. К вечеру выберемся — и то ладно. А там коней поймает: знаю табун моего дружка Болода.

На небе висело распаренное малиновое солнце. Накамура держал на коленях маузер и мог бы отсюда перестрелять всех, но понимал, что это бессмысленно. Только бы не заметили их с Бадзаром!.. Провал... Как явиться на глаза к своему начальнику полковнику Макино? Впрочем, он привык к поражениям. Под Хасаном сам император потерпел поражение и все его штабы...

Они сидели в камнях до темноты, предаваясь своим горестным размышлениям.

При свете луны добрались до перевала. Мутно-зеленая мгла окутывала соседние вершины. Повсюду торчали острые скалы, матово-свинцовые в неверном ночном свете. Слышно было, как внизу, в долине, выла собака. Станный звук долетел откуда-то из Гоби.

— Автомашина идет, — сказал Бадзар, поглядывавший на юг. — Экспедиция, должно быть, возвращается. Присядем за камнями — пусть проезжают.

Они спрятались и стали ждать. Вскоре в мертвенно-бледном свете луны увидели автомашину, с трудом под-

нимавшуюся на перевал. Сбоку шел Сандаг, придерживаясь рукой за борт.

Ненависть к этому человеку снова заклокотала в Бадзаре.

— Новую жизнь приехал строить... скрутить меня захотел! — зло проворчал он и поднял кольт.

Поравнявшись с Бадзаром и Накамурой, машина остановилась, Аракча выскочил из кабины. Сандаг что-то спросил у водителя.

— Дотянем! — бодро отвечал Аракча.

Из кузова выпрыгнули Тимяков, Пушкарев, Валя и Долгор. Должно быть, решили размяться.

Бадзар следил за каждым движением Сандага. «Сейчас ты умрешь, враг моего сына и мой враг... Еще скрутим вас всех...» — подумал он, прицеливаясь. Что бы ни делал Сандаг, все это касалось Бадзара, в какой-то степени ущемляло его. От Сандага шла спокойная, уверенная сила. Бадзар ясно видел фигуру Сандага — ученый стоял к нему боком. И все же Бадзар опустил револьвер.

— Не могу... — прошептал он.

— Бежим вниз, — сказал Накамура. Он вынул маузер, прицелился и выстрелил.

Бадзар успел заметить, как Сандаг покачнулся, сделал два шага по направлению к тем камням, за которыми они прятались, и упал. В следующую минуту Бадзар уже бежал за японцем. Он часто спотыкался, но отставать было нельзя.

«Теперь ты накрепко пристегнут ко мне... — думал на бегу капитан Накамура. — А с тобой и твой сынок, именем которого мы будем требовать объединения Внутренней Монголии с Внешней, но без народной власти. Настоящая игра еще только начинается, полковник Макино! Вы скоро узнаете, на что способен Накамура...»

Сандага, истекающего кровью, бережно подняли, уложили на войлоки в кузове машины.

— На полной скорости в лагерь! — крикнул Тимяков Аракче.

Дорога была скверная, каменистая, каждую минуту машина могла сорваться в пропасть. О какой скорости можно было говорить сейчас, когда мотор натужно ре-

вел, а колеса беспрестанно буксовали... Только бы выдержали скаты, только бы не сдал мотор!..

Теперь сама жизнь начальника экспедиции, председателя Ученого комитета, члена правительства, зависела от искусства шофера, и чувство огромной ответственности заставляло сердце Аракчи сжиматься от страха.

И когда дорога пошла под уклон, он облегченно вздохнул: можно гнать вовсю!..

Ворвались в лагерь, растолкали спящего радиста:

— Срочное сообщение в Улан-Батор! Врача...

...Откуда люди узнают обо всем, что случается за десятки и сотни километров от их затерянных в горах и степных просторах стойбищ и кочевий? В степи нет телеграфа. Но даже в далекой Мухур-Нурской долине уже наутро знали, что ранен Сандаг, что Бадзар и Накамура бежали. Знали также, что из Дунду в лагерь экспедиции приехал врач, вытащил из тела Сандага две пули, но жизнь начальника экспедиции все еще в опасности. Из Улан-Батора вылетел самолет с врачами-профессорами и знаменитым советским хирургом.

Сандаг лежал в своей юрте на брезентовой кровати. Тимяков строго-настрого наказал Лубсану никого не пускать к раненому. Старик вооружился берданкой и накрепко уселся у дверей юрты.

Весть о событиях в сомоне всколыхнула весь аймак. Со всех концов в лагерь понаехали араты. Были здесь и охотники с гор, вооруженные винтовками, и кочевники из далекого урочища Баинхобур, потрясавшие допотопными луками и колчанами со стрелами. Они раскинули возле лагеря экспедиции свои рваные, закопченные майханы, варили в огромных казанах мясо, с утра до вечера пили жирный соленый чай и, казалось, обосновались здесь надолго. Работникам Министерства внутренних дел едва удалось спасти от расправы перепуганных насмерть заговорщиков. Напрасно Накамура боялся подхода регулярных правительственных частей — в них не было необходимости. Изменнический заговор был раздавлен аратами, вставшими на защиту своей новой жизни.

...Могучий организм Сандага брал свое, он быстро поправлялся. Через неделю он уже мог сидеть и приказал пустить к нему аратов. Кочевники вошли в юрту без шума и обступили койку.

— Ну, как твой скот, Янжаб?— спросил Сандаг у приземистого, широкоплечего парня.

Янжаб улыбнулся.

— Поправляйтесь и приезжайте к нам в гости,— сказал он.— Дагба, который работал у вас в экспедиции, кланяется вам.

— Передай Дагбе мои наилучшие пожелания.

— А мы тоже решили организовать артель,— вступил в разговор Буянтын Сунук.— Председателем выбрали Ренчина.

— Передай мой привет Ренчину и всем твоим землякам. На следующий год обязательно заеду, взгляну на вашу артель. Полезное дело.

Вперед протискался древний Санжежаб. Приблизившись к Сандагу, старик покачал головой.

— Это все дело рук Бадзара,— сказал он.— Дурной человек. Когда же переведутся эти золики?! Не дают людям жить спокойно. Вот возьми подарок.— Он протянул Сандагу табакерку из дымчатого камня: это была самая дорогая вещь для старика.

Сандаг не захотел огорчать старика отказом и принял табакерку. Всякий подарок требует ответного подарка. Сандаг снял с решетки бинокль и передал старику. Санжежаб надел ремешок на шею, потом снял его и вернул бинокль.

— Ты большой охотник, Сандаг. Тебе нужны зоркие глаза, а я уже редко выползаю из пещеры. Руки дрожат, плохо держат винтовку.

Ему припомнились молодые годы, когда он без усталости бродил по сопкам, и он снова покачал головой.

При помощи Долгор и врача Сандаг выходил из юрты и часами сидел на солнцепеке. Иногда просил девушку спеть что-нибудь. И пока та пела тягучую степную песню, он смотрел на горы, на парящих в небе орлов, и в эти минуты ему казалось, что человеку не так уж много надо для полного счастья. Но потом усмехался. Он знал, что для пытливого ума человека нужно очень и очень много: сколько вопросов еще надо решить! Думал он и о судьбе Долгор. Мир этой девушки ограничен пока ее степью, и она вполне счастлива. Потом она уви-

дит Улан-Батор, станет учиться — это будет ее вторым рождением. Долгор узнает, как велик мир, и каким маленьким тогда покажется ей родное кочевье!..

Отношения Долгор и пограничника Тумурбатора как-то ускользнули от внимания Сандага, а возможно, даже подметив их взаимную симпатию, он не придал ей того значения, какого она заслуживала. Ему хотелось, чтобы все молодые люди тянулись к знаниям, учились. Сам он не был женат и, постоянно занятый своими делами государственного значения, пока не встретил девушку, которую смог бы полюбить. Женщины, оказавшиеся в одном обществе с ним, как-то робели, всем он казался слишком уж ученым, строгим, недоступным. На самом же деле он был человеком веселым, общительным, даже иногда озорным. Он хотел счастья всем, а о своем как-то не заботился.

И вот теперь, лежа на брезентовой кровати, он сочинил для Долгор ее будущее, где все было учтено и продумано. Кроме ее любви к Тумурбатору, оставшемуся на погранзаставе.

— Кем бы ты хотела стать? — допытывался Сандаг. — Геологом, врачом, агрономом?

Она смущалась.

— Когда я был маленьким, то хотел стать объездчиком лошадей, — говорил он. — Потом мне захотелось учиться. Все должны учиться. И ты тоже. Поедешь с нами в Улан-Батор? И твоего брата Чимида возьмем.

Чтобы уйти от ответа, она спросила:

— Неужели вы были когда-нибудь маленьким?

Сандаг рассмеялся:

— Ты, Долгор, забавная... У меня тоже было детство. Правда, невеселое... Помню нашу серую низенькую юрту. Отец и мать работали на богача. Когда мои ноги стали доставать до стремян, я сделался пастухом. В зной и мороз пас хозяйских овец, собирал аргал на топливо, носил воду верблюдам... И даже не думал, что может быть какая-то иная жизнь... Помню, когда я вошел в юрту хозяина, то он, совсем голый, сидел на войлочных подушках и пил чай. Завидев меня, он поперхнулся чаем и закричал: «Что-нибудь случилось со скотом?! Почему ты не в степи?» — «Скот в порядке, — отвечал я. — Только я не хочу больше пасти его...» Хозяин, наверное, по-

думал, что я не в своем уме, и грубо спросил: «Чего же ты хочешь, собачья блоха?» Я сказал ему, что хочу учиться, как его сын, и потому решил ехать в город. «А кто будет пасти мой скот?» — спросил хозяин, все еще не опомнившийся от изумления. «А это уж не мое дело», — ответил я. Хозяин взревел, будто рассерженный як. Его душил приступ бешенства. «Ах ты сопливый голодранец! — завопил он. — Так-то ты оплачиваешь мне за мою доброту!.. Разве не я приютил тебя после смерти твоих родителей?! Разве не я кормил, поил, одевал тебя все время!..» Я молча снял свой дырявый халат, облезлую тарбаганью шапку, гутулы, швырнул все хозяину и ушел. Один арат, друг моего отца, подарил мне свой халат, сапоги, дал коня. «Трудно тебе будет одному добраться до города, — говорил он. — Но я тебе дам добрый совет: на реке Байдарик работает русская экспедиция; я слышал, им нужны погонщики верблюдов. А месяца через два экспедиция вернется в Улан-Батор. Думаю, русские возьмут тебя к себе на работу, помогут добраться до Улан-Батора и устроиться на учебу».

— А что было дальше? — спросила Долгор.

— В экспедиции я встретился с Андреем Дмитриевичем и сильно к нему привязался. Он был первым моим наставником. Потом я учился в Иркутске, а когда вернулся в Монголию, то Андрей Дмитриевич снова взял меня к себе в экспедицию. Вот видишь, Долгор: когда у человека есть такие друзья, ему легко жить.

— Это правда, — согласилась Долгор. — Я люблю Валу, она для меня как старшая сестра. Даже не знаю, как я буду без нее тут, когда она уедет...

Она спохватилась, но было уже поздно.

— Значит, ты собираешься остаться здесь? — хмуро спросил Сандаг. — Но тебе надо учиться!

Долгор прямо и смело взглянула ему в глаза, что его несказанно удивило, и ответила спокойно, даже, как показалось Сандагу, с легкой насмешкой над ним:

— Вы хотите построить здесь город и госхоз. Для кого? Должно быть, для таких, как я. Выучусь в этом городе на ветеринара и буду работать в госхозе, лечить красных верблюдов.

Все это было настолько неожиданно, что Сандаг оторопел, потом спрыгнул с кровати, схватился за бока и

расхохотался. Он смеялся до тех пор, пока ему не сделалось плохо.

Но и лежа на постели, он продолжал похохатывать, а Долгор не могла понять, чем рассмешила его.

ОСНОВНОЙ ГОРИЗОНТ

Прежде чем забуривать новую скважину, Валя по деревянному настилу поднимается на площадку внутри вышки. Придирчиво осматривает буровой станок — не было бы перекоса! Потрогает свисающий трос, чтобы лишний раз удостовериться в его вертикальности. Заглянет в круглое отверстие, сделанное в деревянном настиле для скважины: там уже установлена направляющая труба. За эту трубу она всегда беспокоится: малейшая неровность, и скважина пойдет вкривь! Из-за недосмотра мастера скважину можно запороть в самом начале.

Все ждут. Сопит, хмурится Зыков.

— Пускайте! — кричит Валя.

Пускают мотор. Он фыркает, переходит на басовитый рык, затем на ровный ритм. Рабочий Силаев нажимает на рычаг станка. Колонковый бур начинает легко ввинчиваться в мягкую глинистую породу.

Вот и забилося сердце новой скважины!

После первого подъема к рычагу становится Абросимов.

— Полегче жмите на рычаг, учитесь «чувствовать» породу, — учит его Валя.

Абросимов не обижается: он опытный рабочий и понимает волнение техника-девушки. Если бы она даже кричала на него, он не рассердился бы. У него веселый, добродушный нрав.

Зыков тоже изменился. Буровой мастер вроде бы и ростом стал ниже, утратил свою значительность, степенность, и Валя поняла, что, в общем-то, он добрый и добросовестный человек и что развинченность его была показной: демонстрировал перед рабочими свою независимость.

За последние дни Валя побывала на трех буровых. Сегодня очередь дошла до зыковской.

— Проходим проектную глубину, Валентина Василь-

евна,— доложил буровой мастер.— А на остальных точках как?

Он был весь почтение и покорность. Глазки его больше не смотрят свирепо.

— Все в порядке. Теперь постепенно проясняется, где будем закладывать город и госхоз,— будничным голосом отзывается она.

— Где же?

— Наверное, ближе к Дзуун-Булаку: ваша разведочная скважина! На плите высечем ваше имя и имя Чимиды — увековечим.

— Не перехваливайте старого дурня Зыкова: я-то помню, какие споры у нас были. Вы меня уже высекли. Здорово высекли! Как мальчишку.

— Кто старое помянет...

— И то правильно. Нанесли вы мне удар, можно сказать, под дых: Зыков вынужден был поверить в конспектики. И даже больше того, признаюсь вам одной, раз такое дело: без вас у меня уверенность в своем чутье пропала. Надо решение принимать, а я теряюсь. Ваша отлучка вечностью показалась. Ну как, те районы, где вы ездили, представляют интерес?

— В общем-то, да. В пустыне вода, как правило, близка к поверхности. Монголы недаром говорят: где песок — там и вода. Мы ведь с вами только пунктиром обозначаем, где искать воду, а после нас начнется систематическое обводнение. Работы на многие десятилетия хватит. Лично я наметила двести семьдесят водопойных точек. Прогулка по Нэмэгэтинской котловине пошла на пользу. Ну, а если брать весь район, то здесь можно построить несколько тысяч инженерных водных точек. Из Улан-Батора хотим затребовать специалистов и оборудование.

— Нужно немедленно затребовать: не хватает обсадных труб, сеток для фильтров, насосов...

Обыкновенный деловой разговор двух специалистов. Как будто и не было нэмэгэтинских чудес, встречи с бандитами, убийства Цокто, мертвого города Хара-хото, песчаной бури и жажды.

Ведь для Зыкова отлучка техника Басмановой на полторы недели — всего-навсего служебная командировка с разведывательно-исследовательскими целями: она уезжала — она вернулась. А как же по-другому? По мнению

Зыкова, они здесь, в сомоне, подвергались большей опасности со стороны заговорщиков. Стоило Сандагу появиться тут, и на него совершено покушение...

Хорошо после многих злоключений очутиться в кругу близких людей, которые ждали тебя и, оказывается, уважают, а возможно, даже успели полюбить. Рабочий Абросимов, чубатый парень в тельняшке, явно влюблен в Валью. Он балагур, выдумщик, и Валья, послушав его истории, всегда хохочет от души. Абросимову это нравится.

Вот и сейчас, сидя в кругу своих товарищей, он, бросая озорные взгляды на Басманову, «травит»:

— Работал я до этого на Кавказе — Зыков не даст соврать, — искали воду. Пробурили скважин десять, и все без толку. Заложили одиннадцатую. Не успели пройти и десяти метров, как ударил фонтан. Как раз моя смена работала. Опускаю желонку, беру пробу. Вода какая-то желтая. Ничего, думаю, откачаем... Ребята окружили меня, радуются. Я осторожно пробую воду на вкус. Что за чертовщина?.. — Абросимов нарочно умолкает, выпуская изо рта колечки дыма.

— Ну? — с нетерпением спрашивает Силаев.

— Вода приятно язык пощипывает, и запах этакий знакомый... «Ну, — говорю я ребятам, — кажется на минеральную напоролась. Пробуйте».

Ребята попробовали, почмокали губами и говорят: «Давайте наберем побольше этой святой водицы, процедим через вату и получше распробуем». Набрали мы таким манером литров десять — и ну пробовать. Смотрю, мои ребятки осоловели, да и сам я еле на ногах держусь. «Вот те на, думаю, отравились, должно быть». Дальше я потерял сознание. Очнулся от страшной ругани. Кто-то тряс меня за плечо и кричал в самое ухо: «Безобразие! Под суд отдам! Напились, как свиньи, на работе...» А я еле языком ворочаю и только мычу... Едва в себя пришел. Смотрю, ребята мои спят, как праведники, время уже за полдень. А Зыков наш рассвирепел, как тигр. «Как тебе не стыдно!» — кричит. «Да что вы? — отвечаю. — Никто не пил. Воду обнаружили странную, напробовались и, видно, отравились. Вот, попробуйте сами...» И подаю ему кружечку с этой самой водой. Глотнул он осторожненько, поставил кружечку на стол да как гаркнет на меня: «А, такой-сякой, ты еще надо мной издеваться?! Коньяк

хлещете!.. Я вам покажу минеральную воду!..» Тут я совсем растерялся: «Какой, говорю, коньяк? Посмотрите сами...» Схватил его за рукав — и к скважине. Достали мы с ним пробу. Взял он в рот, подержал, выплюнул и растерянно так смотрит на меня: «Что бы это, Иван, могло значить? Сколько лет работаю мастером, а ископаемого коньяка никогда не встречал...»

Кончилось все так, что мы произвели раскопки по приказанию нашего Зыкова и нашли... что бы вы думали? Пробуренную нами огромную бочку коньяка и еще целенькую бочку шампанского в придачу...

— Во здорово! — удивляется Силаев.

— Погреб винного совхоза! Нас ведь в милицию забрали: дескать, геологи специально над погребом бурить стали, чтобы горло промочить.

— Ну и враль же ты, Абросимов! Видал вралей, но таких еще не встречал... — искренне восхищается Силаев.

Умиротворенно урчит движок. Повсюду штабелями лежат массивные поржавевшие обсадные трубы. Тут же бочки с горючим, насос.

Вот Зыков подает знак. Движок умолкает. Пустили лебедку. Пронзительно свистит железный трос; медленно, словно бы нехотя, поднимается из утробы скважины тонкая многометровая свеча штанг, она гнется и вздрагивает, грозя оборваться. Перекликаются рабочие:

— Майна!

— Вира!

Абросимов забрался на полати вышки с ключом в руках для развинчивания штанг — ведь сто двадцать метров штанг не вытащить так просто!

Наконец над устьем скважины показывается колонковый бур. Зыков, осторожно придерживая его рукой, опускает на землю. Валя берет столбик породы — керн, делает запись в журнале...

Здесь прочная, устойчивая жизнь, без всяких романтических гроз. Будет или не будет вода? — Прежнего азарта нет: хоть сегодня можно сдать в эксплуатацию несколько скважин с приличным дебитом.

Басманова и Пушкарев могут основательно изучать коренные породы и древние осадочные отложения, вести маршрутную съемку, готовить тех людей, которые будут обслуживать гидрорежимную станцию.

Вообще-то нужно сказать, что геология и гидрогеология района очень капризная, загадочная. Нередко две соседних скважины имеют разную минерализацию, и дебит у них разный: у одной высокий, у другой средний. Чем это вызвано?

Поиски по-настоящему большой воды для постоянного водоснабжения — длительное и кропотливое дело. «Постоянный водозабор» — вот над чем они должны ломать головы сейчас.

Валя намечала точки, где должны быть буровые колодцы, и никто, даже Пушкарев, не подозревал, что она проверяет некую дерзкую мысль, которая пришла к ней еще тогда, когда они бурили первую скважину, а вернее, тогда, когда из нее с силой вырвался мощный фонтан воды, когда началась откачка.

Она сказала Пушкареву:

— Боюсь, что воды юрских, пермских и меловых отложений не оправдают наших надежд: они, в общем-то, имеют небольшой дебит.

— И что ты предлагаешь?

— Бурить глубже, разведывать новые горизонты... Да, да, нет иного выхода, как только бурить на глубину... Поедем на буровую номер пять?

— Поехали!

Валя проворно вскочила на своего конька с лохматыми ногами и большой косматой головой, ударила его пятками по бокам. Конек взвился на дыбы, помчался во весь дух в степь.

Во время таких вот поездок они обследовали уже существующие шахтные колодцы, вырытые здесь в незапамятные времена. Это были попросту ямы, не оборудованные срубами. Иногда встречались и такие, стенки которых были заботливо выложены диким камнем, на камне обязательно было высечено имя того, кто много лет тому назад построил этот колодец.

— Вот видишь, тут даже в древности ценили работу гидрогеолога, — шутила Валя. — Колодец имени Санжмятава!

Около колодцев всегда была маленькая деревянная колода и черпак из верблюжьей кожи.

Ветер дальних странствий гнал по степи сухие травы, звал за собой в лазоревую даль. Волновались белесые

ковыли; и эти беспредельные степи, словно покрытые легкой зыбью, ни с чем, кроме моря, сравнить было нельзя.

Кони шли медленно. Валя и Александр молча ехали по степи. Они задумчиво смотрели вдаль. Из лагеря экспедиции, оставшегося позади, доносилось ржание лошадей, глухое урчанье автомашины.

Вот и работы экспедиции скоро подойдут к концу... Осталось три месяца. Много это или мало? Огромный район детально обследован, накопился солидный материал. И хотя Сандаг был прикован к постели, работа не прекращалась.

— Страшные мы с тобой стали,— неожиданно сказал он, смеясь.— Погляди на себя в зеркало: на головешку черную похожа.

— Ты не лучше, не воображай: высох, как столетний саксаул. Всех нас перекорежило. Хорошо, хоть домой вернулись...

Да, теперь здесь, на краю монгольской земли, был их дом.

Они остановили лошадей, застыли в седлах. Смотрели на юг, где неугомонные миражи без усталости плели свои горячие сказки, прикидывались то водной гладью, то зелеными оазисами с высокими тополями, то невиданными белыми городами с крылатыми храмами и субурганами.

Там, за чертой горизонта, остался мертвый город Хара-хото... И как-то не верилось, что всего лишь несколько дней тому назад они брели по пустыне, умирали от жажды и шансы на жизнь были не так уж велики. Все это было с ними, и в геологической сумке Валя носила бледно-розовую глиняную печатку цаца с изображением Тары, подобранную в мертвом городе.

Да было ли все?.. Угрюмые черные субурганы мертвого города, хранящие до сих пор вековые тайны...

Они вошли в привычную колею экспедиционной жизни, но недавние приключения изменили что-то в характере каждого из них.

И глаза стали словно бы прозрачнее, светлее.

— Я больше всего боялся, что ты умрешь от жажды тогда,— сказал он ей.

— Гидрогеологу, умирающему от жажды, грош цена.

— Ну это ты сейчас такая храбрая, когда все позади. Только не воображай, что мы уже причалили к тихой

пристани. Мы в Южной Гоби, а здесь жизнь соткана из необычайного. Здесь все может быть.

— А знаешь, мне хочется, чтобы все так считали: в Гоби все может быть!

— Зачем тебе?

— Нужно. Вот ты знаешь палеонтологию — расскажи немного о тех временах, когда здесь разгуливали ящеры. Как выглядел окружающий ландшафт?

Он поглядел на нее с недоумением.

— Изволь. Я произнесу известное тебе заклинание, и мы сразу очутимся среди мегатериев, плещущихся в огромных озерах и резвящихся в зарослях дельт полноводных рек. Тут было царство воды. Пустыня все время тоскует по былой влаге и строит без конца водные миражи. Да, да, что касается полноводных рек, бывших якобы здесь, не берусь утверждать, а вот крупнейшие озерные впадины сохранились в Гоби до сих пор: ну, Заалтайская, назовем ее так, лежащая на севере и на востоке от нашего сомона, где мы ищем воду, Уланнурская и Восточногобийская. Все они составляли как бы единый огромный пресноводный бассейн. В этих местах даже раковины находят, панцири черепах и кости крокодилов. Как мне кажется (это лишь предположения), вся эта обширная территория набита костями и яйцами динозавров до отказа.

— Стоп! Объясни, ради бога, почему же сохранились кости динозавров, почему не растворились в воде?

— Их скелеты оставались в осадках древних водоемов. Только никак не пойму, к чему ты клонишь?

— Сейчас поймешь. Меня интересуют не динозавры, а то, куда девалась вода из этого бассейна, покрывавшего почти всю Гоби?

— Как говорят монголы, вода ушла!

— Куда?

— Тебе ли, гидрогеологу, не знать куда? Часть воды постепенно стекала в сторону восточных морей, во что я мало верю, а основные воды ушли на нижние горизонты. Если бы воды из Гоби стекали в восточные моря, то они, конечно, уносили бы с собой и скелеты гигантских животных. Но увы, кладбище динозавров в Гоби уникальное.

— Все! Ты подтвердил мою догадку: под всеми этими костеносными горизонтами должно находиться озеро

пресной воды! Не водоносные пласты, которые мы ищем, а озеро... Большую воду надо искать в озерных впадинах!

Он потер ладонью лоб.

— Ну что ж, если тебе удастся нащупать контуры этого озера, считай, что ты совершила переворот в представлениях геологов. Сногсшибательная гипотеза!

Впрочем, оба понимали: это даже не гипотеза — просто догадка, острое желание иметь в Гоби много пресной воды.

Но с этого дня Пушкарев «заболел» гидрогеологией, как в свое время заболел «алмазной лихорадкой». Что-то было в догадке Вали очень существенное, бесконечно привлекательное. Озеро пресной воды... Она рассказала ему, что подобные озера часто находят в Казахстане.

Он усаживался под кустом тамариска и разворачивал карту Монголии. Теперь он смотрел на нее как бы другими глазами. Еще более грандиозная догадка, чем догадка Вали, зрела и зрела у него в голове. Александр даже боялся поверить в нее — так она была неправдоподобна. Под эту догадку нужно подвести прочный фундамент...

Ему очень хотелось побывать еще раз в Котловине пещер, в подземном храме, где горит вечный огонь, довести до конца дело с разведкой природного газа; об алмазах он больше не думал, они не заботили его (всему свое время! Пусть поиском пиропов займется специальная экспедиция...). Сейчас он отодвинул в сторону всё и занимался только гидрогеологией.

— Ты сделался каким-то странным, — сказала Валия. — Что-нибудь не ладится?

— Все ладится. Скоро всем экспедиционным работам конец, и мы должны будем вернуться в Улан-Батор.

— Я считаю свою задачу выполненной, — проговорила она. — Остальное сделают гидрогеологи из Восточной экспедиции, а я займусь обработкой материалов, которые нужны Ученому комитету. На это уйдет целая зима. А там видно будет...

— А я не хочу отсюда уезжать!

— Не хочешь? Все надеешься найти алмазы?

— Нет, об алмазах больше не мечтаю. Хочу переквалифицироваться на гидрогеолога!

— На гидрогеолога? — Она была крайне удивлена и

не понимала, шутит он или говорит всерьез.— А зачем тебе это нужно?

— Хочу проверить твою гипотезу.

— О подземном озере в Гоби?

— О подземном море в Гоби! Не озеро, а именно море...

Он вынул из планшетки карту, развернул ее.

— Смотри сюда! Где оно, это море? Если оконтурить глубокими скважинами Нэмэгэтинскую котловину или даже всю Заалтайскую впадину, и впадину, лежащую севернее Гурбан-Сайханов, да в придачу сюда Восточно-гобийскую впадину — то есть территорию, равную по площади нескольким европейским государствам, то мы получим ясное представление о подземном море пресной воды, которое даст возможность превратить раскаленную Гоби в цветущую область. Пустыня как таковая будет стерта с карты МНР!

— Но это же фантастика! — протестующе воскликнула Валя.— Одно дело — озеро, а другое дело — твое бредовое море. Да ни за что я не поверю в эту химеру!

— А разве я заставляю тебя верить? Я и сам, может быть, не совсем убежден в своей правоте. Но неужели ты не понимаешь, что я говорю о деле грандиозном, небывалом, об идее исключительной, для проверки которой не жалко и самой жизни? А саму идею, ее суть, высказала все же ты. Я лишь домыслил, расширил ее границы. Это ты должна проверять правильность своего предположения, а я готов тебе помогать.

Она задумалась. Потом нерешительно спросила:

— А если нам не позволят здесь остаться?

Александр чуть наклонился, чтобы не выдать невольную улыбку.

— Кто не позволит?

— Ну, Сандаг, Тимяков.

— А мы с тобой попросим их, чтобы разрешили остаться. Мол, такое дело: хотим превратить пустыню в яблонево́й сад, в заповедник кишмиша, кураги, изюма или во что там принято энтузиастам превращать пустыню.

— Пошли!

— Куда?

— К Сандагу и Тимякову проситься.

М. Александр откровенно рассмеялся.

— Эге! Очень быстро ты принимаешь решения. К Сандагу и Тимякову идти с голой гипотезой нельзя: сперва нужно тщательно подготовить документацию, а саму идею изложить скучным голосом — чтоб поверили. Или наряду с идеей подсунуть им еще что-нибудь интересное, отвлечь внимание от основного. Психологический прием. Неоднократно проверено. Дескать, просим оставить здесь на некоторое время с целью уточнения... Если доверишь это дело мне, то, пожалуй, постараюсь убедить их. А если не получится, подключим тебя.

— Доверяю. Значит, решено? Мы остаемся здесь!..

Она безвольно опустила руки, но на губах ее была улыбка.

— У нас с тобой в Гоби интересы...— пытался он утешить ее.

— Ладно,— сказала она.— Ты — мой главный интерес. С тобой я готова искать не только подземное море, но даже подземный океан, искать хоть всю жизнь...

— Ну вот и объяснились,— сказал он удовлетворенно.— А теперь — за дело!

Тимяков и Сандаг писали предварительный отчет, сопоставляли накопленные данные. Составу экспедиции еще предстояло много потрудиться, но главное было сделано: найдена вода, обследованы пастбища.

Новый город, центр Южнोगобийского аймака, нужно строить под защитой хребта Гурбан-Сайхан, не доезжая северного склона горы Дзун-Сайхан.

Над экспедицией в последний месяц словно бы пронесся некий смерч. А теперь вдруг все стихло, успокоилось. Но тот самый ураган пустыни, который крутил и вертел их в своих вихрях, едва не стоил им всем жизни и завершился покушением на Сандага, сделал свое дело: люди с невиданной силой потянулись к работе, стали на редкость изобретательными. Рабочие на буровых трудились и в праздничные дни, выстаивая иногда по две-три смены.

Теперь невероятные приключения, а вернее, открытия случались в самой работе. И начинало казаться, открытиям не будет конца. Творческая энергия проявляла себя на каждом шагу.

Как-то в юрту Сандага, где в это время находился Тимяков, зашел Пушкарев. Он положил на стол округлый камень величиной с огурец, тот самый, что взял с алтаря Тары,— яйцо динозавра.

— Яйцо расколосось или раскрошилось — не знаю, да я и забыл о нем. Ну, взял недавно лупу, решил проверить, не камень ли? И вот что увидел!.. Может быть, это заинтересует ученых?

Он протянул лупу Сандагу. Тот долго рассматривал внутренность яйца: не то узор, не то рисунок на шероховатой поверхности...

— Невероятно, поразительно! — наконец воскликнул он.— Ничего подобного еще никто не находил... Не верю своим глазам!

И он передал лупу Тимякову.

Географ издал возглас изумления.

— Эмбрион динозавра! Я вижу мелкие кости эмбриона, фаланги пальцев... Насколько мне известно, неокостеневший скелет эмбриона не сохраняется в ископаемом состоянии. Да, внутри яйца никогда еще не были обнаружены зародыши. Это чудо! У вас легкая рука, Александр Сергеевич. Конечно же, вы сделали выдающееся открытие...

Зародыш динозавра! Это в самом деле было чудо, которое завтра взбудоражит весь ученый мир. Доисторическое яйцо переходило из рук в руки, и рождались дерзкие, фантастические мысли о том времени, когда, возможно, найдут способ влить жизнь в окаменевшую структуру, и тогда человек увидит во плоти, какими они были, двадцатиметровые чудовища. А могло случиться и так, что, присыпанные дюнными песками, кладки яиц самых поздних рептилий, когда климат стал меняться и появились ледяные пещеры наподобие той, какую видели в Котловине пещер, были увлечены текучими водами, попали в мерзлоту и... Тут уж начинался воистину бред воспаленного мозга. Ведь сохранились мамонты! Правда, мамонты жили не в меловом периоде. В меловом не было вечной мерзлоты... Но отсутствовала ли? Кто может определенно утверждать это? Так ли уж резко отличался климат той поры от нынешнего? Монгольское плато поднято над уровнем моря на пятьсот метров... Если бы удалось установить последовательность изменений древ-

них ландшафтов, смену животного и растительного мира, климата прошлого! Но Пушкарев понимал: такая работа потребует многих лет самых напряженных усилий. Ведь вся полоса хребтов Гобийского Алтая до сих пор сейсмо-активна, здесь часты землетрясения, и придется учитывать подобный факт, так как кладки яиц динозавров находят обычно в отложениях верхнего мела, а именно в то время началось, по словам Тимякова, новое «воздымание» Гоби-Алтайских хребтов.

— А вам приходилось видеть кладки яиц динозавров? — спросил Пушкарев у Сандага и Тимякова.

— Да, конечно, — ответил Тимяков. — Хотя специально палеонтологией мы не занимались, но видели в Баин-Дзаке вымытую из породы кладку яиц в пятнадцать штук. Попадаются яйца разной формы: есть продолговатые, как это, а есть совершенно круглые, очень большие, объемом до полутора литров. До Баин-Дзака отсюда несколько часов езды. Можно наведаться, если хотите. Вижу, все это занимает вас?

— Не совсем. Речь идет о другом. У нас с Басмановой возникло интересное предположение.

— О динозаврах?

— Нет, разумеется. Пусть динозаврами займутся специальные экспедиции. Нас интересует одно: вода в Гоби!

— Мы нашли воду. Чего еще?

— Мы намерены найти море пресной воды. Именно море, которое, по нашим предположениям, тянется от Заалтайской Гоби на западе до восточных границ Монголии, то есть на тысячи километров!

— Ничего не понимаю, — сознался Тимяков. — А при чем здесь динозавры?

— Они имеют самое непосредственное отношение к гипотезе: динозавры пили воду, плескались в воде, многие из них вели полуназемный, полуводный образ жизни...

Сандаг заинтересовался, сразу же развернул на столе карту Гоби, стал водить по ней карандашом, делая пометки.

— Замечательная идея! — воскликнул он. — Все гениальное просто: идея, можно сказать, лежала на поверхности. Да, проверкой ее следует заняться. Разошлем во все концы озерной впадины партии и отряды гидрогеологов! Внесем в план работы Ученого комитета как зада-

чу номер один, подключим Восточную экспедицию. Вы удовлетворены?

— Не совсем. Мы хотели бы с Басмановой непосредственно участвовать в проверке нашего предположения.

— Вы согласны оба остаться здесь?

— Об этом и пришел просить и от себя и от ее имени. Здесь наш основной горизонт. Кроме того, я не завершил дело с находкой природного газа.

Сандаг даже крикнул — так неожиданна была просьба геолога.

— А кто будет вести работу в геологическом кабинете Ученого комитета, составлять сводную карту минерально-сырьевой базы МНР? Это дело государственного значения.

— Не знаю, — простодушно сказал Пушкарев.

Сандаг и Тимяков переглянулись.

— Вам придется перейти в полное подчинение начальству Восточной экспедиции, а там народ сугубо практичный, они не станут относиться к вам как к автономной единице.

— Я согласен.

— Значит, вы отказываетесь от будущности ученого и хотите остаться просто инженером?

— Именно так.

Сандаг покачал головой.

— А раскаиваться потом не будете?

— Нет, не буду.

— Это удивительно, — подал голос Тимяков. — Ему, можно сказать, подносят карьеру ученого на блюдечке с голубой каемочкой — сиди в кабинете, обобщай результаты всех экспедиций, а он рвется на узкий участок инженера-практика!

— Рвусь, Андрей Дмитриевич. И другой жизни для себя не мыслю. Пусть обобщают другие, у кого есть дар обобщения, а я хочу найти море пресной воды в Гоби, большое месторождение газа или нефти, свой вечный огонь, который всегда согревал бы мою жизнь. Отпустите!..

Тимяков положил ему руку на плечо, сказал с непонятным волнением:

— Я понимаю вас. От этого нельзя уйти, как нельзя

уйти от самого себя. Ищите большую воду, ищите газ, ищите нефть, ищите алмазы, ищите всё, что найдете!

— Возьмите мою трубку, вы ее давно выиграли,— сказал Сандаг и протянул Александру свою трубку с перламутровым мундштуком.

Пушкарев заколебался было, не решаясь взять трубку у не совсем еще выздоровевшего начальника экспедиции, но тот насильно втиснул ему трубку в руку.

— Трофей победителя. Ну, а если найдете алмазы, то отдам все свое имущество и все свои коллекции.

— Это оказалось мне не по зубам, товарищ Сандаг.

— Найдите хотя бы пиропы.

— Пиропы нашли другие...

— Кто, где?! — Сандаг впился взглядом в лицо Пушкарева.— Это правда?

— Сушая правда. Вот они, пиропы!

Порывшись в геологической сумке, Александр неторопливо вынул из нее кусок породы, усеянной крупными темно-красными камнями. Ученые с восторгом и изумлением разглядывали гнездо красных, налитых винным цветом камней. Первым пришел в себя Тимяков.

— Они самые. Рассказывайте!

— Рассказывать, собственно, нечего. Пограничники получили задание выловить кое-кого из заговорщиков, все еще скрывающихся в горах. Ну, нашего общего знакомого Тумурбатора поставили во главе операции как знающего эти места. Они обшарили все ближайшие горы. Нашли останки бедного Дамдина. Заговорщиков выловили. Полчаса назад встречаю Долгор, а она разворачивает какую-то тряпицу и протягивает мне кусок породы с пиропами:

«Тумурбатор просил тебе передать. Никому, говорит, из посторонних не показывай. Он очень торопился. Бадзара ловит. И японца».

Тут мне показалось, что я сплю, и побежал к вам. До сих пор не уверен, что эти пиропы наяву, а не во сне.

— Успокойтесь,— сказал Сандаг.— Тумурбатор рано или поздно наведается к нам и расскажет все о пиробах. Я вас понял, Пушкарев: в придачу к морю пресной воды и нефтяному газу вы намереваетесь все же найти и алмазы. Решили всё заграбастать. Жадный вы человек!

— Жадный, товарищ Сандаг! Да имею ли я моральное право после находки пиропов уезжать отсюда?!

— Всё! Вы остаетесь. Решено. Этак вы никогда не выберетесь из Гоби.

— А нам и здесь неплохо.

Он вроде бы неторопливо вышел из юрты, потом стремительно бросился к большеголовому коньку, прыгнул в седло и аллюром помчался на буровую.

Он скакал и скакал без устали, подставляя лицо ветру. Грудь распирало от радости и счастья. Прекрасная жизнь, удивительная жизнь!.. Серебристая от ковылей степь — и нет ей ни конца, ни края, как самой жизни. И безграничное ощущение свободы, не покидающее его все последние дни...

Пушкарев стал тихонько напевать на монгольский мотив песенку, которую не раз слышал в здешних местах:

Быстрый иноходец, иноходец рыжей масти,
Закусывай покрепче удила!
Далек еще конец пути...
Впереди еще много долин и препятствий,
Беги, спеши, торопись!..

Итак, они остаются с Вале́й в Гоби! Полная самостоятельность: дерзай, открывай, бесконечно разъезжай по горам и степям, дыши вольным ветром... Разве не к этому рвался всегда? Он даже не верил в такую легкую победу: пришел, сказал — и пожалуйста!

Страх возмездия гнал Бадзара и Накамуру в Ноян-Богдо. Только в этом затерянном в горах месте они могли чувствовать себя в безопасности. Во всех аилах уже знали о событиях, и знакомый Бадзара перепугался насмерть, увидев беглецов. Он, правда, ничего не сказал аратам, но верблюдов и коней дать отказался. Бадзару, обладателю несметных стад и табунов, пришлось воровать чужих верблюдов. Всюду беглецов подстерегала опасность. К колодцам они подъезжали только ночью. Бадзар был без шапки, его халат изодрался, лицо высохло, щеки ввалились.

Но самое страшное было впереди. Предстояло пересечь безводную степь, усеянную черной галькой. Там не

было ни юрт, ни колодцев. В раздобытых воровским способом бурдюках плескалась вода. Но ее могло хватить только на половину пути.

— Ничего,— ободрял японца Бадзар.— Будем пить по глотку, может, хватит. Я знаю один колодец на полдороге к Ноян-Богдо. Как-нибудь доберемся. Колодец Дзагиин-усу.

Японец хмуро молчал: трудная дорога пугала его. Он решил, что, встретившись с Карстом, сразу же назовет себя, и этот контрабандист будет относиться к нему как к равному.

Воду пили по глотку, и все же она поразительно быстро убывала.

— Ты слишком много пьешь,— сказал Накамура Бадзару.— Я сам буду выдавать тебе воду.

Тяжелый зной лежал над черной, сверкающей от пустынного загара равниной. В ушах стоял неумолчный шум, глотку сводило судорогой от страстного желания пить, и нигде не было заметно ни признака жизни.

Накамура ощущал безвыходность своего положения и делал все, чтобы только спастись. Теперь он совсем не давал пить Бадзару. На привалах старик умолял его, становился на колени, плакал.

— Если будешь приставать, размозжу тебе голову! — крикнул японец.

— Убей меня, убей, но дай глоток воды...

Бадзар был пока нужен Накамуре: он знал дорогу в Ноян-Богдо, и Накамура иногда поил его.

Но судьба, в которую так верил японский разведчик, на этот раз изменила ему. Когда беглецы спустились в глубокий сайр, где, по словам Бадзара, должен быть колодец Дзагиин-усу, то обнаружили, что вода из него ушла. Глубоко внизу блестело высохшее дно.

Накамура окинул взглядом раскаленные пространства, безжизненное русло, неторопливо вынул пистолет и выстрелил в голову Бадзара. Старик дернулся и замер.

Накамура вспомнил штаб Квантунской армии, полковника Макино, который вовлек его в эту историю, и понял, что никогда не увидит шумных улиц Чанчуня. И для него все было кончено...

Нити заговора вели к профессору Бадраку. Заговор был раскрыт во многих монастырях восточных и южных

сомонов. И как бы ловко ни маскировался Бадрах, он понял, что его вот-вот арестуют. А в свидетелях недостатка не будет...

Теперь он все яснее осознавал: заговор с самого начала был обречен на провал. Японцам сейчас не до заговора в Монголии: Красная Армия разгромила их наголову у озера Хасан. На их помощь рассчитывать не приходится.

Пора уносить ноги. Бежать за границу! Но в том мире, куда надеялся сбежать Бадрах, как ему было известно, человек, не имеющий денег, может быть лишь жалким рабом других, игрушкой чужих прихотей.

Бадрах до сих пор не мог забыть тех унижений, какие пришлось перенести за годы пребывания в Кембриджском университете. Здесь учились дети состоятельных родителей, для которых Бадрах был просто цветным, дикарем, парией. Его сторонились, не принимали в студенческое общество. Если бы он был сыном князя или хана, тогда другое дело. Он был сыном обыкновенного богатого кочевника, и с ним могли не считаться. Даже профессор Джеймс Ганн, взявший Бадраха под свое покровительство, каждый раз после их встреч тщательно мыл руки с мылом и делал это иногда в присутствии Бадраха, без всякого стеснения. Гигиена есть гигиена, а эти цветные источают грязь и заразу...

Узнав, что мать Бадраха, Чахэ, первая жена Бадзара, была тангуткой, Ганн заинтересовался.

— Выходит, вы наполовину принадлежите тангутам,— сказал он.— У Чингисхана была жена тангутская принцесса. Ее тоже звали Чахэ. Удивительное совпадение.

— Мой отец ходил на поклонение в Лхассу и на обратном пути, в Лавране, присмотрел красивую девушку, или, по-тангутски, си-ма, очень бойкую, сразу признавшую его своим си-ли, то есть парнем, и увез ее в свое кочевье, вернее, украл. У меня есть тангутское имя — Чамру: так назвала меня мать.

— Тангуты — любопытный народ, хоть и отъявленные разбойники,— говорил Ганн, прекрасный знаток Востока.— Чем-то они похожи на цыган; возможно, у них один родословный корень с индийцами — кто знает? Во всяком случае, я не стал бы причислять их к восточно-тибетским племенам. Западное Ся тангутов, существовавшее

с одиннадцатого по тринадцатый век, было воистину великим государством, вобравшим в себя Северный Тибет, области Алашаня и Ордоса. Знаете, кто объявил себя первым императором вашего Великого тангутского государства!

— Нет, не знаю.

— Вы причастны к тангутам и потому должны знать: его звали Чжао-юань. Так, во всяком случае, называли его китайцы, с которыми он успешно воевал. Вам, аро (приятель), никогда не приходила в голову мысль, что исчезнувшее великое государство можно возродить? Ну, разумеется, с помощью цивилизованных держав. Мы, имеющие интересы в Тибете, могли бы установить связь с претендентом на тангутский престол. Великие государства гибнут, но идея великого государства не умирает никогда. Можно легко доказать, что Западное Ся, включая большую часть бассейна Хуанхэ, простиралось чуть ли не до Датуня и Пекина... Нынешние тангуты — воинственный народ, смелый, самостоятельный...

Он напевал и напевал свои лукавые песни, называя Бадрах тангутским словом «аро», вбивая в его голову мысль, что единственным претендентом на несуществующий тангутский престол фантастического Нового Ся может быть лишь он, Бадрах-Чамру.

Позже Бадрах-Чамру догадался: его готовили на роль марионетки в руках таких, как сэр Ганн. И ничего, впрочем, фантастического в планах Ганна не было: в 1919 году белый атаман Семенов пытался создать под протекторатом Японии «Великомонгольское государство», главой которого был назначен лама-«перерожденец»¹ Нэйсе-геген. Главой монгольского государства, духовным и светским, до революции был тибетец, а возможно, тангут Богдо-геген. И вообще в Монголии на престол духовного владыки с незапамятных времен привозили человека из Тибета. Бадрах хорошо был знаком с авантюристом ламой Дамби-Джамцаном, объявившим себя тем самым Амурсаной, который ушел в 1756 году в Россию, пообещав вернуться и освободить Монголию от китайско-маньчжурского ига. На поверку «перерожденец» Амурсана оказался астраханским калмыком Амуром

¹ Перерожденец — в ламаистской религии человек, в которого вселяется душа умершего героя.

Санаевым. Но он имел свои войска, свою ставку, вес, влияние, с ним считались правители.

В то время у Бадраха еще не проявился вкус к политике. Он хотел быть знатным и богатым, иметь обширный дом и много прислуги, во всем подражать сэру Ганну, сделавшись вполне европейским человеком, жениться на англичанке. Марионеткой, даже на престоле, быть не хотелось.

Его мечта, казалось, начала осуществляться, когда он познакомился с предприимчивым Карстом. Лишенный всяческих иллюзий, Карст признавал лишь силу денег. Монголия представляла огромное археологическое и палеонтологическое кладбище. Сюда устремились американские экспедиции. Карст и Бадрах, идя по их следам, тоже собрали немало костей и яиц динозавров. Некоторую часть успели продать за границей и выручили немалые деньги, остальное увезли в тайный подземный храм, открытый Бадрахом. Бадрах всерьез занялся монгольскими древностями, так как его компаньон Карст был в этом отношении человеком глубоко невежественным. В 1925 году монгольское правительство запретило вывоз исторических и палеонтологических ценностей за границу, а Карст был выпровожен под конвоем за пределы страны.

После этого, в течение многих лет исследуя район, где до него никто из археологов не бывал, район западной оконечности хребта Гурбан-Сайхан, Бадрах сделал открытие, от которого у него едва не помутился рассудок.

Скажи он хоть слово, сделай официальное заявление об открытии, его имя было бы прославлено на века. Но что слава? Бадраху грезилась белые яхты, свои дома, конюшни породистых лошадей, красивые женщины из самого изысканного общества, тот безупречный комфорт, которым могут пользоваться лишь избранные.

А Бадрах теперь, владея сокровищами, какие не снились ни одному Крезу, мог сделаться избранным из избранных, владыкой, мог нанять хорошо вооруженную армию, мог купить обширные территории в любом углу земли. Он почувствовал себя самым богатым человеком на планете. Да так оно и было на самом деле. В его распоряжении находились несметные богатства всех великих завоевателей монгольских ханов, опустошавших мир на протяжении нескольких веков. Богатства Чингис-

хана и его преемников, богатства императоров Юаньской династии и последнего ее императора Тогон-Тэмура; и совсем скромное место среди всех этих богатств занимали сокровища Хара-хото и тангутской столицы Чжунсина, под стенами которой умер Чингисхан.

Но о своей находке Бадрах не сказал никому, даже отцу. Бадрах недолюбливал отца с его простонародными манерами, грубой речью, скупостью: этот человек, хвастающийся перед кочевниками своим ученым сыном, сам того не осознавая, принижал сына, как бы равнял с собой, тянул вниз.

Но Бадрах, открыв сокровища, был уподоблен туземцу с острова Яп, владеющему так называемыми каменными деньгами: лежит возле хижины камень — сдвинуть невозможно, и владелец камня считается богачом, а купить на эти каменные деньги ничего нельзя.

Правительство закрыло границу. А для того чтобы вывезти сокровища за рубеж, следовало снарядить караван в несколько сот верблюдов. Кто пропустит такой караван без осмотра? Проскользнуть незаметно тоже не удастся. Да и на той стороне могут задержать, все отобрать, вообразив, будто сокровища найдены на китайской территории. Безвыходное положение.

Вот если бы хотя бы на короткое время народная власть пала и Бадрах очутился на вершине государственной власти... Вот тогда он мог бы вывезти свои сокровища в любую страну: мое есть мое!

Но надежда на гибель народной власти рухнула. Хотя бы самому уцелеть, не попасть в руки МВД...

Сообщение в газетах об аресте Карста и задержании пограничниками его каравана с костями динозавров dokonало Бадраха. Он понял: оставаться в Улан-Баторе больше нельзя. Опасно.

Переоделся в далембовый халат, надел шляпу, сапоги; прихватив теплое белье, волчью доху и выдавая себя за ветеринара, на попутной казенной машине помчался в Южногобийский аймак. В двух кожаных чемоданах вез взрывчатку и шнур. Знал: все пригодится. И очень скоро.

В одном из аилов купил двух верблюдов и двинулся в самое сердце гор Гурбан-Сайхан. Он не боялся, что его здесь узнают. В урочище Хара-Чулун, куда он направлялся, можно было въехать только со стороны без-

людной и безводной пустыни. Да и само урочище, а вернее, угрюмое ущелье, совершенно лишенное какой бы то ни было растительности, вряд ли могло привлечь человека или зверя. Здесь никто и никогда не кочевал. Сюда не было дороги. Ни на одной карте мира оно не было обозначено. Да и название его — Хара-Чулун — Бадрах придумал сам. Для себя.

Сверкала во всю ширь горизонта черная пустыня, а сзади темнели такие же черные неприступные горы, взгромоздившиеся на высокий пьедестал — бэль. Даже ягнятники сторонились мрачных диких мест.

И все-таки в урочище Хара-Чулун Бадрах въехал поздно ночью, да и то соблюдая все предосторожности. Было так темно, что на расстоянии трех шагов ничего нельзя было различить. Лишь ярко горели в бархатной глубине звезды с подрагивающей бахромой из света.

Нашептывая молитву «Ом мани падме хум», Бадрах вел верблюдов по извилистому каньону, пока не уперся в каменную, совершенно гладкую стену.

Здесь он решил дождаться рассвета. Но уснуть не мог: его страшила встреча, которая состоится утром там, внутри... Он и верил и не верил в своих богов и боялся их гнева. Даже не столько гнева богов, сколько гнева тех, которые, может быть, притворяются мертвыми...

— «Я буду бить в барабан бессмертия во тьме этого мира...» — бормотал он молитву-обещание, хотя знал, что обманывает богов: в барабан бессмертия бить никогда не будет — ему нужны сокровища, только сокровища, самая малая доля сокровищ... Остальное он не возьмет да и не может взять... Не нужно. Он не жадный человек. Лишь бы хватило на большой белый дом и на яхту, как у сэра Ганна.

Когда занялся рассвет, Бадрах еще раз тщательно обследовал каменный мешок, в котором находился, нашел на стене едва приметный мазок белой краской, вынул из чемодана небольшой ломик и стал им проворно орудовать. Вскоре расчистил вход в пещеру и, воровато озираясь по сторонам, держа пистолет наготове, как будто ему в этих забытых самой природой местах могла угрожать какая-либо опасность, пролез в отверстие. Сюда же втянул теплую одежду, чемоданы.

Сразу повеяло холодом. Это была еще одна пещера в

горах Гурбан-Сайхан, о существовании которой, кроме Бадраха, не подозревал ни один человек на свете. Вместо того чтобы сразу же двинуться дальше, Бадрах поставил на пол чемоданы, раскрыл их, просверлил в стенах шпуры, заложил в них взрывчатку, соединил запалы со шнуром. Он не имел права рисковать. Если вдруг заподозрит, что за ним следят, сразу же подожжет шнур: лучше смерть — только бы сокровища не попали в чужие руки! Да и нельзя, чтобы они попадали в чьи бы то ни было руки.

Тайна должна умереть вместе с Бадрахом... Этой пещеры просто нет и не может быть... Она — выдумка, сон души...

Шнур был длинный. Пройдя несколько шагов вглубь, Бадрах останавливался, высверливал шпуры в стенах, вставлял взрывные патроны и шел дальше.

Когда сделалось нестерпимо холодно, надел теплое белье, волчью доху, лисий ловуз — меховую шапку с длинными ушами.

Теперь можно было не торопиться. Вряд ли кто посмеет сунуться сюда, если даже вдруг обнаружит отверстие: такого смельчака ждет смерть!

Страх напал на Бадраха черной стеной. Но он, освещая путь электрическим фонарем, упрямо шел вперед по широкому коридору, вымощенному большими каменными плитами. Свод над головой едва угадывался. Иногда Бадрах останавливался, стараясь справиться со своей дрожью. Его била лихорадка: казалось, кто-то незримый дышит в затылок и вот-вот расхохочется дьявольским смехом. Иногда он инстинктивно кидался в сторону и настораживался.

Он знал, что здесь существует лабиринт ходов, а потому то и дело искал на стене свои давние пометки мелом. Он задержался немного в пещере со сводчатым потолком, стены которой были выложены красным камнем, отдышался и снова полез в «брюхо горы». В одной из подземных комнат остановился, осторожно поднял ломиком большую плиту, заваленную каменными обломками, сдвинул ее в сторону: она прикрывала зиявшее темнотой отверстие, из которого веяло пронизывающим холодом.

Еле ступая по широким гранитным ступеням, Бадрах стал спускаться в шахту. Колодцу, казалось, не будет

конца. На площадках с продольными штольнями он задерживался, чтобы перевести дух.

Ступени вели в бездну. Но на одной из площадок Бадрах решительно остановился. Прислушался. Поднял ломик, ударил в стену. Госыпалась глиняная штукатурка, вскоре образовался вход в продольную штольню.

Прежде чем войти в штольню, он безвольно опустился на каменный пол. Ему почему-то не хотелось двигаться дальше. Челюсти свело от ужаса, ноги отказывались идти.

И он впервые подумал, что умереть здесь, пожалуй, было бы лучше всего. Рядом с ними... Он лежал бы здесь, как страж, и в этом была бы его никому не ведомая гордость и слава. Чего он добился за свои сорок восемь лет? Несколько плохих книг с описанием величавых развалин прошлого, профессорское звание, которое присвоили ему еще в Кембридже просто так: не потому, что он прочел несколько сбивчивых лекций о Монголии, а чтобы подкупить, сделать своим слугой... Здесь, в царстве смерти, все земные дела и страсти кажутся ничтожными. «Люди с верой, подав милостыню — хотя бы кусочек сахара, грядут на небо и там великое блаженство получают...» Глупо и невежественно. Он, Бадрах, как отшельник Арше, которому святоши отсекали поочередно руки и ноги, а этот дурак, вместо того чтобы схватить меч, кротко повторял: «Я упражняюсь в терпении!» Хватит!

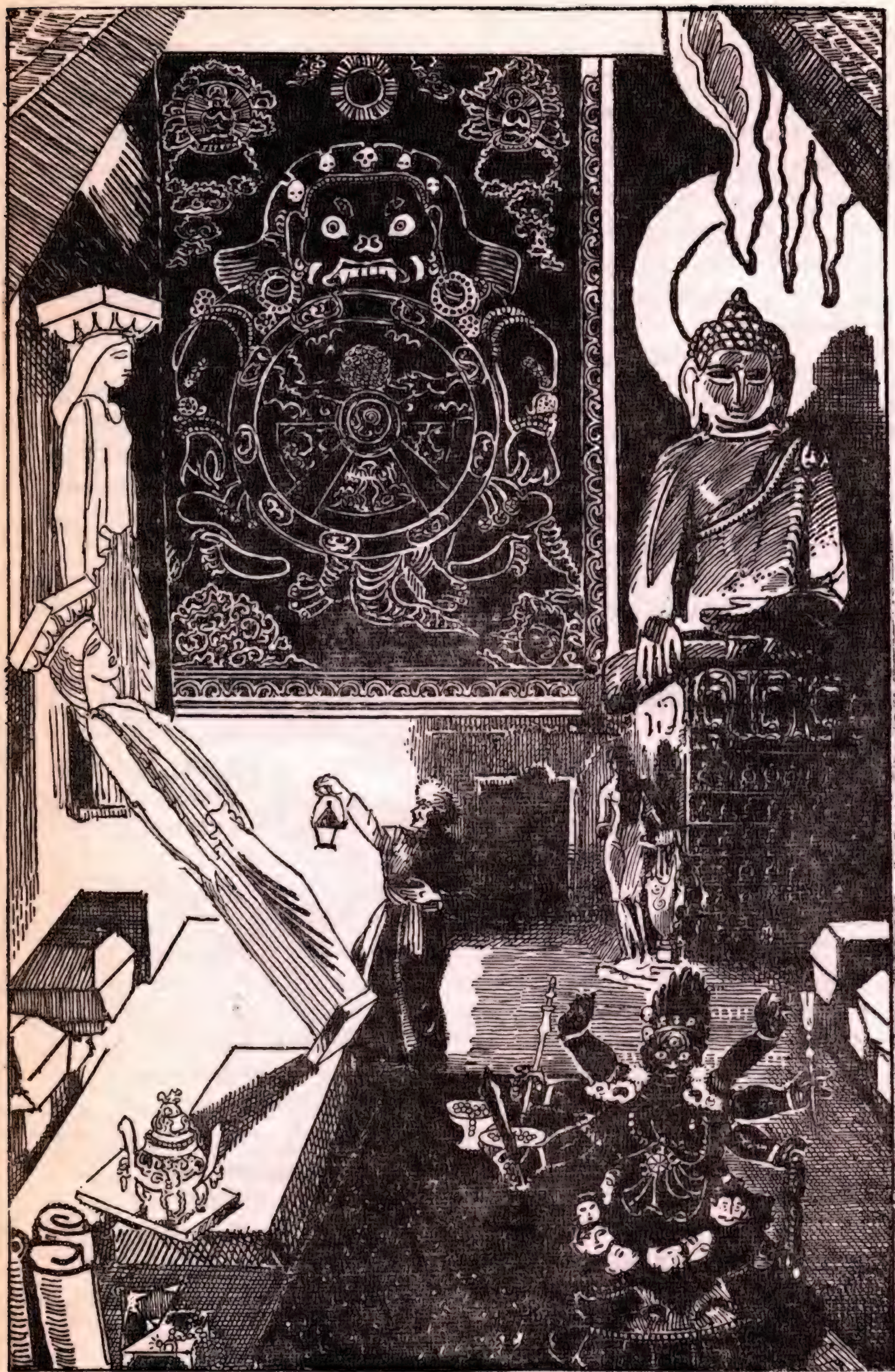
К черту все каноны о бесстрастии и страдании!

Бадрах решительно встал и кинулся в штольню.

Ледяной грот открылся как-то сразу. Здесь не было ничего, кроме льда вечной мерзлоты. Грот словно бы вырубил в светло-зеленой толще льда. Это был сухой лед, сухой, как камень. Здесь не было света. Большое ледяное помещение казалось совершенно пустым. И только приглядевшись, можно было различить вмурованные в переднюю ледяную стену какие-то странные продолговатые ящики из блестящего металла — по всей видимости, из серебра. То были гробы. Серебряные гробы, наглухо закрытые, может быть даже запаянные, опоясанные золотыми обручами.

Их было не меньше двух десятков, этих странных продолговатых ящиков, и даже сквозь толщу льда смутно угадывались знаки на крышках гробов.

Как ни укреплял свой дух Бадрах, при виде стран-

ных ящиков он упал на колени, молитвенно сложил руки.

Он еще тогда, когда открыл этот грот, понял: здесь усыпальница великих ханов... Тех самых, прославившихся завоеваниями и жестокостью...

Чингисхан, Джучи, Чагадай, Угэдэй, Тулуй, Мункэ, Бату, Хубилай, Тэмур... Где бы они ни умирали, их тела привозили сюда.

Бадрах много раз пытался прочитывать знаки на крышках гробов, но ничего разобрать не мог. Иногда ему казалось, что это древнее уйгурское письмо, восходящее к согдийскому и древнеарамейскому, иногда мерещились тангутские иероглифы или же квадратное письмо, созданное при Хубилае по образцу тибетского алфавита. Это квадратное письмо почему-то всегда интересовало Бадраха: ведь Хубилай намеревался создать международный алфавит, на котором могли бы писать и монголы, и китайцы, и тангуты, и тюрки, и тибетцы. Он запретил уйгурскую письменность, казнил тех, кто употреблял ее, всячески насаждал квадратное письмо, открыл специальные школы. Но увы: квадратное письмо так и не привилось.

Скорее всего, на серебряных крышках уйгурскими знаками написаны имена покойников или же заклинания — мантры.

Если бы взломать ледяную стену и вынуть гробы... Но о подобном святотатстве Бадрах не помышлял, не смел помышлять, если бы даже за тело каждого хана ему заплатили несколько миллионов долларов.

Зачем? Весь пол ледяного грота был завален сокровищами, испускающими даже при слабом свете фонаря нестерпимое сияние: золотые статуи будд, просто слитки золота, ларцы с бриллиантами. Алмазы, изумруды, рубины разной величины. Женские украшения, бирюза, янтарь, серебряное дерево, упирающееся в потолок грота, мешочки с жемчугом, золотые троны, серебряные пайдзы с уйгурскими письменами — всего не перечислить. И тут же были свалены древнеперсидские, китайские рукописи и книги; редчайшие тангутские книги — бабочки — целая библиотека; санскритские рукописи на пальмовых листьях; древнеегипетские папирусы; письмена на пергаменте — все, что было привезено из разграбленной Европы, Азии, Индии, Африки. Книги, рукописи, свит-

ки — они были навалены грудami, курганами. Книгами оказались забиты, как он знал, пещеры на всех этажах, к этим книгохранилищам вели специальные штольни. Некоторые пещеры оказались завалены серебряной и золотой конской сбруей, военными доспехами. В одной находилась посуда: греческие амфоры, китайские вазы из тончайшего фарфора, узорчатые штофы и... черепа, оправленные в серебро.

В других пещерах помещались красочные буддийские полотна, златотканая парча и европейские иконы с тяжелыми золотыми окладами, статуи богов и статуи-портреты и просто портреты, по всей видимости, полководцев и ханов, их жен и сыновей.

В некоторых гротах стояли огромные бронзовые статуи, и внутри каждой из них были вложены санскритские рукописи на пальмовых листьях, священные предметы культа, ларцы с драгоценностями, золотые тибетские книги, груды красного коралла, жемчуг. Бадраха особенно интересовали эти статуи, так как они, несомненно, принадлежали в свое время тибетцам или последователям тибетского буддизма, которые всегда вкладывают внутрь статуй наиболее ценные предметы культа. Эти статуи как бы говорят нам: «Ищи драгоценность в цветке лотоса, на котором я восседаю!»

Были тут и плиты с высеченными золотом наставлениями кагана своим сыновьям:

Правление ханское не должно блуждать в темноте.

Хан ошибаться не должен.

Поступайте по своему усмотрению, но будьте твердыми.

Не склоняйтесь на чью-то сторону.

Не кричите на людей громким голосом.

Не привязывайте звонка к подолу халата ¹.

Тут был целый подземный город со многими этажами, с галереями, штольнями, переходами — и всюду комнаты, набитые ценностями. Бадрах в прошлый раз не успел обследовать, наверное, и сотой, а то и тысячной доли того, что тут скрывалось.

И все это принадлежало ему одному! Можно было бы навсегда затвориться здесь, обследовать этаж за этажом, удовлетворяя ненасытную любознательность ученого.

¹ То есть не болтайте по-пустому. (Прим. автора.)

Но Бадрах слишком любил кровь и плоть жизни, ее удовольствия. Пусть сокровища навсегда останутся скрытыми от людских глаз!

Он взял ларец с бриллиантами, пересыпал их в кожаный мешочек, поднял золотую статуэтку будды Амитабы, сунул ее в карман, прихватил изящную, написанную золотом сутру о продлении жизни — «Цедо». Еще раз поклонился серебряным гробам и, боясь оглянуться, вышел из ледяного грота.

Когда он вынырнул на вольный воздух, солнце садилось за хребет Нэмэгэту. Концы запальных шнуров Бадрах вывел на поверхность и поджег их. Глухо прозвучали взрывы... Вход в подземный город сокровищ и в ледяную пещеру, где нашли упокоение великие ханы, оказался завален навсегда.

Без аппетита пожевав сушеного мяса и запив его водой, Бадрах вывел верблюдов из урочища Хара-Чулун.

Продвигаясь на юго-восток, на второй день Бадрах пришел к тому месту, где находился подземный храм с гигантской статуей Тары. Ему так и не удалось в свое время установить, кому в древности принадлежал храм — монголам или тангутам; он склонялся к тому, что здесь обосновались некогда беглые тангуты, они и соорудили тайный храм Тары. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

Укрыв верблюдов в скалах и припрятав мешочек с бриллиантами среди камней, он проник в пещеру.

Бадрах тащил чемодан со взрывчаткой. У статуи богини Тары остановился, на его губах появилась недобрая улыбка: «Вы не получите ничего, ничего, даже этой малости...»

Нужно взорвать алтарь с вечным огнем!.. Чтобы хлынул газ, заполнил грот... Пусть тогда попробуют войти сюда.

Бадрах принялся за дело. Неторопливо, с наслаждением набивал взрывчаткой алтарь. Он не знал, что в это время Тимяков, Лубсан и Пушкарев в сопровождении Тумурбатора, понукая лошадей, едут по Котловине пещер.

— Надо сегодня же наведаться в храм вечного огня, — сказал Тимяков. — Пещеры-кельи обследуем потом. Меня очень интересует, что спрятано в каменном пьедестале

статуи Тары. Может быть, там и сокрыта тангутская библиотека?

— Да хоть сейчас! — с готовностью откликнулся Пушкарев. — Едем, зачем откладывать? Мне не терпится убедиться, что вечный огонь горит.

И они рысью помчались по узкому каньону, ведущему в пустыню.

— Сегодня же заберем все книги, — говорил Тимяков. — Ну вот мы и у цели... Тангутская библиотека...

Они слезли с лошадей, дружно отодвинули камень, прикрывающий вход в пещеру, — и за ним не увидели никакого отверстия!.. Входа не было! Камень с письменами попросту был привален к склону горы.

— Да где же вход?! — закричал Пушкарев, совершенно сбитый с толку. — Где? Или я сплю? Все время какая-то чертовщина...

— Здесь вход. — Тимяков ткнул пальцем в свежее обнажение. — Только он завален.

— Завален? Кем?

Ученый развел руками.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Во всяком случае, не думаю, чтобы этим занимались наши друзья.

Но Пушкарев не сдавался:

— Так его можно откопать!

— Можно. Только осторожно. Еще не известно, какие сюрпризы приготовлены нам внутри храма... Ладно, здесь делать нечего. Назначим специальное расследование, пригласим специалистов. Надо спасти хотя бы то, что сохранилось в пещерах...

И они, растерянные, сбитые с толку, повернули коней.

Бадрах пробирался в Нинся скрытыми сухими руслами, шел ночью. Спешить было некуда. Куда спешить? Он один на всем белом свете со своей тайной, со своими бриллиантами и золотым Буддой...

Он шел на юго-восток, к горам Ноян-Богдо, где можно будет у колодца Дзагиин-усу пополнить запас воды. Только бы не начался песчаный ураган!.. А зной не страшен.

...У колодца очутился, когда пустыня изнывала от дневной жары. И здесь Бадрах увидел то, что переполнило его сердце острой жалостью: труп отца.

Рана на голове, запекшаяся кровь... Кто убил его? Бадрах уселся на песок и зарыдал: он все же любил этого жестокого, сильного человека. Зачем его убили? Он стар и глуп...

Воды в колодце не было. Ветер еще не успел замести следы на песке — следы двух верблюдов. Убийца отца торопится на юг. Но от Бадраха он не уйдет... Не уйдет, кто бы он ни был...

Он пустил верблюдов рысью. Гнался за убийцей две ночи и два дня. На третий день утром увидел силуэты двух верблюдов. Они стояли, словно бы поджидая его. Бадрах приготовил пистолет. Но когда подъехал ближе, пыл его пропал: на песке корчился в судорогах японец Накамура. Он, по-видимому, сошел с ума от жажды. Рядом валялся маузер.

Бадрах все понял. Так вот кто пристрелил его отца! Ему захотелось разрядить пистолет в голову японца, но то было первое движение. Зачем?

Накамура пришел в себя, вскинул мутные глаза на сидящего в седле Бадраха, заскулил дребезжащим, охрипшим голосом, сделал попытку протянуть к нему безвольные обожженные руки:

— Добрый человек, я умираю от жажды. Дай глоток воды... Возьми все... Я сделаю тебя монгольским ханом...

Но Бадрах не отозвался. Только процедил сквозь зубы тангутское слово «чика», что значит «собака». Его верблюды переступили через японца и медленно зашагали на юг. Зачем слова?.. Зачем гнев, боль, ненависть?.. Может быть, и хорошо, что японец выстрелом оборвал страдания отца?..

МОЕ БУДУЩЕЕ СТАЛО БЛИЗКО, А ПРОШЛОЕ—ДАЛЕКО

Тумурбатор появился в лагере экспедиции поздно вечером, зашел к Сандагу и Тимякову. Ученые обрадовались гостю, стали угощать его чаем.

— Бадзара и японца так и не удалось поймать,— сказал он,— должно быть, ускользнули в Нинся. Остальных выловили, так что теперь можете спокойно работать. Показал Пушкареву место, где нашли пиропы...

Он замялся, не зная, как сообщить о главной цели своего прихода. Сандаг пришел на выручку.

— Говорят, тебе разрешили привезти на заставу жену? Ты хочешь жениться?

Тумурбатор покраснел.

— Это так,— ответил он.

— Уж не наша ли Долгор вскружила тебе голову?

— Она самая.

Сандаг укоризненно покачал головой:

— Ты оставляешь экспедицию без повара.

Тумурбатор понял, что над ним подшучивают, и выпалил:

— Мы с Долгор приглашаем вас всех на свадьбу!

— Люблю прямой разговор,— произнес Тимяков.— Мы безоговорочно принимаем приглашение, хотя работы чертов воз. Но раз такое дело, работа подождет. Нет, Сандаг, вы не знаете, какое это счастье — быть женатым человеком!

— Догадываюсь. Особенно счастливы бывают супруги, когда жена в Москве, а муж в пустыне Гоби.

Тумурбатор не мог взять в толк, откуда ученым известно о том, что ему разрешили привезти жену на заставу и что он собирается жениться на Долгор. Долгор обо всем этом рассказать не могла — стеснялась. Даже Басманова ни о чем не подозревала. Откуда было ему знать, что в то время, пока он ловил заговорщиков, его отец Аюрзан оповестил о предстоящей свадьбе чуть ли не всю округу. И всех пригласил.

— Спасибо, Тумурбатор, за приглашение,— сказал Сандаг.— Мы обязательно будем. Мы с Андреем Дмитриевичем даже готовы быть родителями Долгор. Засылай сватов!

Тумурбатор не заставил себя ждать: на второй день он прислал сватов: Дамчига, Гончига и сомонного председателя Арабдана.

Узорную палатку — майхан раскинули в самом центре лагеря; считалось, что именно здесь живет Долгор. Около палатки стоял столик с разными кушаньями. Около этой палатки сваты остановили коней, слезли с них, привязали к столбу и стали ждать. Из палатки вышли Сандаг и Тимяков, закурили папиросы, протянули портсигары сватам. После чего Сандаг строго спросил:

— Кто вы такие и зачем сюда приехали? Кто вам раз-

решил привязывать коней к нашему столбу? Убирайтесь-ка подобиру-поздорову!

Сандаг демонстративно выпятил грудь и сжал кулаки.

— Прослышали мы, что в этом нутуке¹ скрывается редкая драгоценность,— смиренно ответил Арабдан,— такой не найти в наших краях.

Сандаг задумался, потом пригласил гостей в палатку. Здесь собралась порядочная компания во главе с Валей и Пушкаревым. Долгор пряталась за тонкой занавеской.

Дамчиг вынул из мешка сваренную баранью голову и положил ее перед Тимяковым и Сандагом. Окорок с двумя ребрами, украшенный румяно обжаренными дольками бараньего сальника и нарезанным овечьим курдюком, он подал Басмановой. Нашлись подарки и для остальных. Появилась на столе водка, пельмени, лапша — гурэльтэ-хол. Приехали Аюрзан и его жена Даши-Дулма. Только жених Тумурбатор один скучал в своей юрте в объединении и проклинал всяческие обряды.

Пировали до утра. Лубсан, порядком захмелевший, щупал свои новые штаны, подаренные женихом, и рассказывал Пушкареву какую-то нескончаемую историю.

— А крепкий кумыс! — говорил Пушкарев.

Лубсан покачал головой.

— Это не кумыс. Это — такбатикба и марбамирба. Если хочешь знать, эта штука делается из арьки. Из арьки гонят арацу, из арацы — хуруцзу, из хуруцзы — ширацзу, из ширацзы — борацзу, а уж из борацзы — такбатикбу и марбамирбу.

— Ну и ну, длинная история у этого напитка. Давай, дед, еще нальем марбамирбы. Никогда не пил ничего подобного.

Тимяков спел «Варяга» и исполнил на хуре «Морин явлал» — маленькую пьесу, изображающую бег коня, чем привел гостей в неописуемый восторг.

Утром Долгор одели в красный плащ и усадили на коня. Лубсан сидел позади седла, придерживая невесту и зыкрывая ей лицо куском материи. Свадебная процессия направилась в объединение. Здесь снова устроили пир. Жених палкой пытался сдернуть занавеску с лица не-

¹ Н у т у к — кочевье.

сты, а свита Долгор не давала. Завязалась шутливая перебранка, жених все-таки добился своего. Был он в форме пограничника, на груди сверкал орден Полярной Звезды.

Кумыс лился рекой. Гости пели во все горло о том, что «много нас юрт зазывало, но мы торопились к одной».

Долгор, закрывая рукой рот, чтобы не выдать веселую улыбку, исполняла песню-плач:

Когда я девчонкой беспечной была,
Вы мне говорили: «Моя дочь, моя!» —
Как выросла я, меня отдаете
В люди чужие, в чужие края.

Роль благопожелателя — еролчи взял на себя старый Лубсан. Он пел дребезжащим голосом, аккомпанируя себе на моринхуре:

С первым щебетаньем ласточек вставай!
Пусть сияет имя доброе твое!
Пусть хашанов будет у тебя долина,
Пусть играют дети и внучата в юрте у тебя,
Табуны пасутся на степных просторах.
Будь скромна всегда, нежна душою,
Твердой будь и стойкой, как скала...

— Тут и для вас есть кое-что полезное, спишите слова, — сказал Вале Тимяков, озорно улыбаясь.

Она покраснела, смутилась.

— Замуж пока не собираюсь.

— Отчего же? Жениха подыщем, двух красных верблюдов за ним дадим; вас на белую кошму усадим, лицом к огню, сделаем специальную прическу в виде рогов архара — видели у старух? А то еще тут принято переплетать волосы невесты и жениха, после чего муж и жена не имеют права называть друг друга по имени — мол, мы одно целое. Маленькое неудобство при исполнении служебных обязанностей, но ничего. — Он был словоохотлив и веселился от души.

А жених и невеста между тем приняли от Аюрзана на голубом хадаке¹ серебряную пиалу с молоком и

¹ Хадак — плат счастья.

стали по очереди пить из нее. Потом жених спрятал пилу за пазуху, туда же положил косточку «шагай», которой будут их дети играть в бабки.

Перед отъездом Сандаг и Валя посадили Долгор у юрты на белую кошму и придавили подол ее халата камнями:

— Камень лежит там, куда брошен, невеста живет там, куда ее отдали.

Через два дня молодожены уехали на погранзаставу.

...В конце сентября из Улан-Батора прибыло несколько автоколонн: две партии геологов Восточной экспедиции, которые должны искать газ, а также воду в намеченных Басмановой местах. Приехали строители города и госхоза.

У подножия горы Дзун-Сайхан сделалосьлюдно и шумно, как никогда. Всюду народ, машины, гомон, смех, крики — кутерьма, неразбериха.

Вскоре застучали топоры, завизжали пилы: это плотники строили временные жилища. А потом здесь вырастут настоящие дома с капитальными стенами.

Пушкарев и Басманова были в заботах: ведь на них теперь смотрели как на хозяев, на представителей Ученого комитета, которые знают, где размещаться, с чего начинать. Ведь они не поедут в Улан-Батор. Оставались и еще несколько сотрудников. Таким образом, предполагалось осуществлять тесную связь Ученого комитета с Восточной экспедицией, приехавшей из СССР на долгие годы, пока не будут подготовлены свои собственные национальные кадры.

Советский Союз прислал отборнейших из отборных.

— Ну, дорогие мои друзья,— сказал Тимяков Вале и Пушкареву,— на вас наши научные надежды. Мы с Сандагом будем наведываться сюда. Завидую вам: мы начинали с археологии, а вы начинаете с кипения живой жизни...

И только теперь, когда сотрудники экспедиции стали готовиться к отъезду, Басманова и Пушкарев вдруг осознали в полную меру, что они остаются здесь, возможно, на долгие годы. Это было и радостно и страшно в одно и то же время.

Да, каждый творец своей жизни, и не столько биографии как таковой, а самой сердцевины жизни, кото-

рая и составляет сущность человека. Им предстоит пройти Гоби из конца в конец и увидеть еще много чудес. Ведь они только прикоснулись к необыкновенному, и оно сразу опалило жаром их лица, заставило восторгаться и страдать.

Того, что было, уже не вычеркнешь, не вычеркнешь... А то, что будет, притаилось пока в этих пустынных горах и в пустынных пространствах, затканых светлым, дрожащим маревом, оно ждет своего часа.

Человек должен двигаться, совершать каждый миг восхождение — если это даже только движение твоего ума, внутреннее восхождение. Ты рожден для дел во имя счастья людей. Так будь же беззаветно предан делу, не страшись трудностей, не избегай их, ибо они и есть подлинный источник необыкновенного. Ты сам должен искать и находить трудности и преодолевать их, ломая преграды.

Окунись с головой в жизнь, и только тогда тебе станет ясен смысл ее. Выковывай в себе смелость. И прежде всего смелость творческую, ибо она и есть движущая сила твоих поступков. Ею обладали такие великаны, как Пржевальский, Миклухо-Маклай, Лобачевский — все те, кто пробивал дорогу в неизвестное, кто умел в самых тяжелых ситуациях проявлять свой организаторский талант, вел за собой других...

И настал день отъезда.

Чимид прохаживался вокруг машины и вздыхал. Он сердито пнул собаку, подвернувшуюся под ноги, попросил у Гончига трубку и закурил. Грузили чемоданы, экспедиционное имущество. Аракча прикручивал проволокой бочки с горючим. Только старый Лубсан не принимал участия во всей этой суете. Он спокойно сидел на земле, поджав под себя ноги, и наблюдал. Не в первый раз приходилось ему расставаться с Тимяковым и Сандагом, но пути их неизменно сходились. Он оставался сторожем лагеря геологов.

Лубсан поднялся лишь тогда, когда к нему подошел Тимяков.

— Наведывайся сюда, Андрей, — сказал Лубсан. — Город, госхоз построим — совсем хорошо будет.

— Жди в гости. Обязательно наведаюсь. Ко мне жена и дочь приезжают. Все вместе и заявимся к тебе.

Лубсан слабо улыбнулся. Ему сделалось грустно при мысли о предстоящей разлуке. А Тимяков смотрел на жилистую шею старика, на его засаленные рукава, и ему невольно припоминались все пути, по которым они прошли вместе.

«А теперь вновь расходимся, доведется ли еще встретиться?» Андрей Дмитриевич хорошо понимал состояние Лубсана и хотел чем-нибудь утешить старика. Он вынул часы и протянул ему:

— Сторожу без часов никак нельзя... Возьми.

Лубсан взял часы. Много десятков лет бродил по степям и пескам Лубсан, и каждый год приносил нужду, новые заботы. Никто не мерял в степи время по часам. Спешить было некуда. Но теперь все изменилось: время вдруг стало торопиться, словно его кто подгонял ташюром¹, и старому Лубсану потребовались часы.

— Спасибо...— сказал он тихо.— Спасибо...

Он задумался, потом сходил в свою юрту и вернулся с каким-то странным предметом. Протянув его Андрею Дмитриевичу, старик попросил:

— Это в Ученый комитет отнеси. Все не мог тебе передать, занят ты очень.

Тимяков с интересом рассматривал огромную кость — ребро.

— Это ребро большого верблюда хайрт-хар-бура,— сказал Лубсан.— Хайрт-хар-бур пил раз в месяц. Из его ребер делали выючные палки — шета. Вымерли теперь такие верблюды. А последнего я своими глазами видел.

Географ искренне обрадовался редкой находке. Он крепко пожал старику руку и направился к машине.

Машина тронулась.

— Кочуйте счастливо! — крикнул Чимид, и даже шофер Аракча не рассердился на него за это пожелание: он радовался предстоящей большой дороге.

Еще долго махали вслед машине араты. Еще долго гнались за машиной черные псы.

А Басманова и Пушкарев стояли, взявшись за руки, и смотрели на север, где поднимались за машинами тучи желтой пыли, будто там занимался пожар.

— Как странно,— прошептала она,— еще несколько

¹ Т а ш ю р — кнут.

месяцев назад мы с тобой не знали друг друга. И вот теперь остались вдвоем, и роднее тебя для меня нет никого...

Он тихонько и ласково рассмеялся.

— Чего ж тут странного? Мы искали друг друга — и нашли. А все остальное искать теперь будет намного легче: мы ведь вдвоем!.. Вдвоем!

Ветер гнал по степи серый пружинистый шар перекасти-поля. Шар торопился, подпрыгивал, взлетал над горами камней и снова несясь с невероятной скоростью по голубовато-серым просторам Гоби.

ОТ АВТОРОВ

Эта книга — итог шестилетних странствий по Монголии: мы шли по следам наших героев, сами работали в экспедициях. И если отбросить некоторые фантастические допущения, уместные в приключенческой повести, то, в общем-то, все так и было, как мы описали; во всяком случае, у героев повествования есть реальные прообразы.

Известный географ, прекрасный знаток Монголии Андрей Дмитриевич Симуков, еще в 1928 году писал из Улан-Батора своей матери в Москву: «Моя экспедиция этого года — первое большое самостоятельное дело — удалась. За четыре с половиной месяца объездил я очень много, побывал в самых глухих уголках пустыни. Были с Милей и в пустыне и в высоких горах; жарились и мерзли, уставали и отдыхали.

За время этой поездки я был в местах, еще не изведанных европейцами. Видел там диких верблюдов — штука весьма редкая — и в компании с моими монголами угробил одного для коллекции. Видел я абсолютно бесплодные галечные равнины и такие же черные, угрюмые холмы и горы. Видел животную жизнь пустыни в совершенно первобытном виде, где даже крупные звери, вроде диких ослов, еще не знакомы с человеком. Побывал в Хара-Хото, знаменитом «мертвом городе» Козлова. Там я был уже вместе с Милей. Заехав в большой оазис Центральной Гоби, Эдзин-гол, я встретился там со Свеном Гедином (думаю, что имя это тебе знакомо — знаменитый шведский путешественник по Центральной Азии). На

обратном пути мы сильно мерзли, ночуя при морозе свыше 20° в палатке со скверным огнем — топливом служил аргал, не всегда сухой. Вообще в путешествии бывали переходы по 50—60 верст, т. е. не менее 12 часов в седле. Мне-то ничего, а Миле приходилось туго. Но теперь, издали, все невзгоды кажутся приятными».

Тут — дань экзотике, упоение неизведанным, ощущение своей причастности к необычайному. В другом письме он говорит о кладбище динозавров:

«Переход через безлюдную пустыню в полтораста километров шириной (без проводника, ибо он мне уже не нужен), в конце которой — проверка слухов о кладбище динозавров, якобы там существующем. Место это находится среди огромных (до ста метров) песчаных барханов, ярко-красных обрывов и останцев третичного песчаника и порослей чахлого саксаула, в глубокой котловине. После динозавров — дичайшие скалистые хребты южной окраины Республики...»

Но постепенно в письмах Симуква появляются новые мотивы: «Мне хочется, чтобы по приезде в СССР на вопрос: «Что вы сделали в Монголии?» — у меня было бы что и предъявить... Характер моей деятельности постепенно меняется... теперь человек и его хозяйство, его быт и экономика занимают весьма большое место в моих исследованиях. Я не смотрю уже на географию, на географический ландшафт как на нечто самодовлеющее, а рассматриваю его как арену деятельности человека, изыскивая пути наилучшего использования элементов этого ландшафта в хозяйстве страны». И еще: «Мои теперешние задачи нуждаются в прочной связи с населением, так как я сейчас занят изучением кочевого быта, преимущественно с социально-экономической стороны».

Когда встал вопрос о создании в Южногобийском аймаке, в самой Гоби, близ южных границ страны города, аймачного центра, правительство МНР обратилось с просьбой о помощи к Андрею Дмитриевичу Симукву. После того как город был построен, Андрей Дмитриевич шутливо писал родным: «Короткая задержка в «моем» городе Далан-Дзадагате, — тут я сыграл роль Петра Первого: «Здесь будет город заложен назло надменному соседу...», указав, по заданию правительства МНР, новое место для города... Город этот состоит почти сплошь из

юрт, но в нем есть теперь телеграф (провели нынче — я был очень горд), радиостанция, банк, больница, почта, начальство, магазины (в юртах же), сплетни, новости, автомобильная дорога до Улан-Батора — словом, всамделишный город...» Позже сообщает жене: «Мой» город растет. Много домов, радио, частые почтовые машины. Жизнь идет!...»

...Мертвый город Хара-Хото, курганы гуннов, щебнистые пространства пустыни Гоби, где до сих пор водятся дикие верблюды-хабтагаи и лошадь Пржевальского, устало бредущие по знойным пескам караваны... В молодости у каждого есть своя сказка; такой сказкой были для авторов этой книги дневники Андрея Дмитриевича Симуква.

В общем-то, нам в руки попали не сами дневники, а отдельные страницы дневников, возможно даже — черновые записи. Мы бурили скважину неподалеку от южной границы МНР, к нам в лагерь приехал пограничник Тумурбатор и передал пачку бумаг, связанных ремешком. Как выяснилось, бумаги забыл некто Шарадамдинсурэн из Ученого комитета, надо передать их хозяину.

Когда поздней осенью 1940 года мы вернулись в Улан-Батор, то узнали, что Шарадамдинсурэн отозван в прошлом году в Москву. «Шарадамдинсурэн» в переводе значит «Светлый Дамдинсурэн» — так называли в Монголии советского ученого Симуква из-за цвета волос.

Этот человек заинтересовал нас необычайно. Повсюду мы слышали о Симукве: память о нем жила в самых отдаленных кочевьях Монголии. Он был учеником знаменитого путешественника Петра Кузьмича Козлова, участвовал в раскопках гуннских Ноинульских курганов, совершал поездки в мертвый город Хара-Хото. Впервые А. Д. Симукв приехал в Монголию в 1923 году с экспедицией П. К. Козлова и шестнадцать лет отдал изучению этой страны. Он создал на монгольском и русском языках «Атлас Монгольской Народной Республики», написал «Географию МНР», «Географический обзор гобийской окраины МНР» и ряд других ценных работ. В 1936 году правительство МНР наградило его орденом Полярной Звезды.

Но все это мы узнали потом. А в тот день, когда Тумурбатор передал нам страницы дневников Симуква,

мы были заняты бурением колодца, волновались за результаты проходки (вода все не показывалась!) и пачка аккуратно сложенных листов была небрежно засунута в полевую сумку. И лишь позже, в минуты вынужденного безделья (стенки юрты сотрясались от урагана), мы вспомнили о документах.

А потом при свете свечи читали дневниковые записи.

Скупые заметки, еще «не обработанные», не расшифрованные, изобилующие специальными словами, каких нет ни в одном языке, кроме монгольского: хоолай, бэль, араг, тойрим, сайр — ландшафтные термины.

Чтобы дать читателю представление о записях Симуква, мы приводим небольшой отрывок из его дневника 1927 года, оставляя всё без изменений. Именно об этом путешествии, завершённом в 1928 году, он упоминает в письме к своей матери, которое мы цитировали.

«1927 год. Моя первая самостоятельная Южногобийская экспедиция. Конечным этапом ее будут горы Тосту-Гурбан-Сайхан. Возможно, удастся пройти в мертвый город Хара-Хото, где уже приходилось бывать с экспедицией П. К. Козлова. Со мной отправляется жена Миля.

...12 июля, закончив сборы, мы выехали на частном авто из Улан-Батора и 20-го прибыли в Ламын-гэгэн, исходный пункт путешествия.

...13 августа выехали рано и стали спускаться в котловину без дороги; когда взошли на холм, открылась примечательная картина: вся равнина была усеяна хуланьими стадами. Количество их было наверняка не меньше десяти тысяч. В бинокль хорошо были видны вольно бродившие табуны, хулань (кулань) кормились, бегали, играли, дрались. Отдельные носились взад и вперед, поднимая клубы пыли. В воздухе стояло непрерывное ржание, напоминающее отдаленный скрип немазанных телег на деревянном ходу. Библейские времена в двадцатом веке! Решено было немедленно погнаться за дикими ослами. Мы врезались в самое большое стадо. Кругом были хулань, спокойным поскаком пересекавшие сплошным массивом путь автомобилю. Отдельные табуны останавливались неподалеку и смотрели на нас...

...3 сентября. Поздним утром пришли верблюды при двух проводниках. Итак, мы идем дальше на юг. Пойдем в самое сердце Южной Гоби, к горам Алтан-ула, Цаган-

Богдо, Тосту, Нэмэгэту, Гурбан-Сайхан. Один из проводников сообщил неприятную новость: в районе, куда мы направляемся, бесчинствуют разбойники. В курене Юмбейсе я навел подробные справки о разбойниках. Это шайка некоего Жадамбы. О нем я слышал и раньше. Его люди вооружены хорошо, угоняют лошадей и верблюдов, разоряют аилы. В курене я выпросил еще одну винтовку для Мили.

Весь день дул холодный ветер с запада. Видели табунчик диких коз. Миновав восточное окончание горной группы Бага-Баин-цаган, наш караван вышел в урочище Толи. Общее впечатление от всего этого массива крайне унылое: темно-серый, матово поблескивающий щебень, такие же горы, иногда совсем черные, почти полное отсутствие воды, растительной и животной жизни. На 40 километров нам встретился лишь один колодец Цзун-цагандэрис. Проводники сообщили мне, что в Ихэ-Баин-цаган и урочища Бичигтэ-эхин и Бичигтэ-адык есть надписи на монгольском и тибетском языках. Много рисунков.

В урочище Толи есть колодец и небольшое болотце, поросшее хорошей густой травкой. Кругом камыш, хармык, будургана и немного дэрисуна. Далее — жидкие поросли цзака и местами тамариска. Урочище служит водопоем хуланам и козам.

Отсюда открывается хороший вид на вторую цепь Гобийского Алтая. Видны Алтан-ула, Нэмэгэту, Гильбэнтэ, Сиврэ, оба Номохона и едва заметные в дымке дали Баин-боро-нуру. К северу от Сиврэ маячат верхушки колоссальных барханов Элэсын-ула. Алтан-ула резко обрывается в пустыню, к котловине Ингэна-хобур.

...5 сентября. Вышли еще до света. Вода местами очень близка к поверхности сайра, даже хуланы до нее докапываются. При отсутствии ветра и $+29,5^{\circ}$ в тени здорово грело. Поднявшись по бэлю¹, мы с Сандагом увидели стадо верблюдов и направились к нему. Сгонявший верблюдов пастух, заметив нас, бросился наутек, очевидно приняв нас за разбойников. Оба мы были с винтовками. Кое-как удалось его остановить. Подъехала Миля, и пастух окончательно успокоился. Он указал нам колодец и аил. Колодец мы нашли, аил — нет. Лагерь разбили пря-

¹ Б э л ь — наклонная равнина.

мо на бэле. Аил оказался брошенным: заслышав о нашем приближении и решив, наверное, что идут разбойники, люди убежали в скалы.

...9-го утром караван выступил в дальнейший путь.

Мы достигли Нэмэгэту. В южных цепях Гобийского Алтая это самый высокий хребет к западу от Гурбан-Сайхана. Вместе с тем он четко выражен. Без всяких предгорий, крутой, высокой и узкой стеной встают над пустыней высокие горы. Бэль тоже высокий и сравнительно крутой. Горы с большим обилием скал. Южный склон ниспадает в пустыню крутыми скалистыми стенами. Пустынный загар очень силен, и скалы кажутся совсем черными с матово-свинцовым блеском.

...19 сентября. Ночью на нашу стоянку напали разбойники, хотели угнать верблюдов. Мы подняли невообразимую стрельбу из шести винтовок. Жадамба позорно бежал, потеряв лисью шапку, которую сбило пулей. То, что это был Жадамба, сомнений нет. Накануне 10-го я заезжал в пострадавший от разбойников аил. Там угнали пятьдесят верблюдов. Разбойников было семеро. Жадамба, человек лет тридцати, носит лисью шапку. Особые приметы: словно бы вдавленный нос, выпирающие скулы, впалые щеки, не хватает переднего зуба. Лисью шапку отдали проводнику Джергалу.

Хоть и не спали всю ночь, в восемь утра погрузились и двинулись на юг, к Хара-Хото...

...2 ноября. Кругом ровная, местами бесплодная пустыня, около воды (здесь 4 колодца) редкий саксаул и невысокие барханы. Здесь проходит южная граница МНР.

Как и в прошлом году, здесь, на Балбырхе, оказался аил — половина верблюдов богатого аила, стоявшего в Торцо. Зайдя в аил, мы узнали о некоторых работах европейской экспедиции на Эдзин-голе, о промерах Согонора, об охоте их и др.

Уже в темноте, просидев в седле не менее 11 часов и пройдя около 60 верст, мы прошли к колодцу Торцо — первому колодцу Эдзин-гола, расположенному среди невысоких барханов.

3 ноября утром, пока собирались в дальнейший путь, разыгралась буря. Палатку нашу свалило. Барханы задымились, закружился песок, и небо потемнело. Мы по-

спешно перебрались в одну из больших соседних юрт. Часа через два буря немного стихла, и мы с проводником Лубсанджабом решили ехать к знакомому торгоуту Циндэ, чтобы оформить переход границы, т. к. Циндэ был цагдой-тайгамой¹, следившим за границей. Как только мы выехали, буря снова усилилась. Ехать же надо было как раз против ветра. С трудом продвигаясь вперед, мы ехали по обросшим тамариском барханам, пересекали глинистые площадки, поросшие мелким тростником. Наконец доехали до урочища Дарцык — места зимовки южной партии экспедиции Козлова. Глаза были полны песку.

После Дарцыка выехали к окраине обширных камышей, залегающих к югу от оз. Сого-нор по правому берегу р. Дунду-гола. Камыши были совершенно вытоптаны пасущимся здесь княжеским табуном (около 2000 голов). Проехав по южной окраине камышей, мы подъехали к руслу Дунду-гола и вскоре, все еще борясь с непрекращающейся бурей, подъехали к юрте Циндэ. По дороге из-под ног наших верблюдов грузно взлетел фазан. Встретили меня как старого знакомого и почетного гостя.

Я передал хозяину хадак и маленький подарок — безопасную бритву. Произвел впечатление не размер подарка, а факт, что я с прошлого года не забыл желания Циндэ, интересовавшегося тогда этой вещицей.

Вспоминали прошлый год, жизнь экспедиции, говорили о П. К. Козлове, которого здесь называют «Батыр-амбань»², о прошлогодних раскопках. Я поинтересовался — не проведет ли меня Циндэ в Боро-хото — предприятие, не удавшееся в 1926 г. из-за отсутствия проводника. Но он отказался, сообщив следующее: в состав европейской экспедиции, стоявшей в то время на Эдзин-голе, входили и китайцы. Сейчас же по прибытии на Эдзин-гол они явились к князю (Торгоут-Даши-гун) и передали ему распоряжение правительства о недопущении иностранцев, не имеющих специального разрешения от китайского правительства, к исследованиям и в особенности к археологическим раскопкам. Если бы эта

¹ Ц а г д а - т а й г а м а — таможенный чиновник.

² Б а т ы р - а м б а н ь — богатырь-наместник.

экспедиция уже ушла с Эдзин-гола, Циндэ рискнул бы меня провести к этому загадочному брату Хара-Хото.

4-го утром мы вернулись в Торцо, жена рассказала мне, что в мое отсутствие в юрту, где она остановилась, приезжал молодой князь, специально посмотреть на русскую женщину.

Посидев немного в юрте, мы завьючились и пошли дальше на юг. Шли восточной окраиной Эдзингольского оазиса, имея слева окраинную полосу сыпучих барханов. Местность — бесконечные заросли тамариска, изредка рощи тоораев, порядочно джигды. Местами группы обросших кустарником барханов. Чаше всего встречается мелкий камыш. Население редкое. Перед сном поднялся на высокую гору сыпучего песка, вдоль которой шли мы этот день.

5 ноября 1927 г. Пошли дальше. Миновали несколько колодцев. По некоторым стоят айлы, частью уратские, частью алашаньские. Торгоуты почти отсутствуют. Отмечу урочища Баин-тоорай — порядочный тополевый лесок и Шара-булун — большая открытая площадь, поросшая мелким тростником. Вскоре за Шара-булуном кончилась сплошная гряда сыпучего песка слева от нас. Под вечер мы прошли урочище Тоорай-онца, Джергаланту, Дзанийн-ама. От колодца Дончик-худук пошли по знакомой мне дороге, и повел я, т. к. Лубсанджаб дальше дороги не знал. Шли руслом Эдзин-гола. Раз два видели красавцев фазанов, улепетывавших в кусты. Наконец, на закате мы увидели впереди густые рощи тоораев около ур. Бухан-хуб. Слово «хуб» (по-торгоутски «кюб») обозначает на Эдзин-голе либо омут в речном русле, либо яму на площади, заливаемой в половодье. Около такой ямы мы разбили свой лагерь, невдалеке от места моей стоянки в 1926 г. Свой синий майхан мы поставили на ровной площадке среди густых тополевых рощ.

6-го во время утреннего чая я выглянул из палатки и увидел невдалеке, всего в 100—150 шагах, на опушке зарослей стайку фазанов на кормежке. Птицы копались в земле. Удобно подобравшись, я застрелил хорошего петуха для нашей коллекции. Лагерь европейской экспедиции был всего в 3—4 верстах от Бухан-хуба. Мы с Сандагом решили заехать сначала к моему хорошему

знакомому торгоуту Ерольты, чтобы навести окончательные справки об экспедиции, во избежание могущих быть при посещении таковой неприятностей. Удивительно хорошо было ехать среди знакомых зарослей, узнавать каждый поворот, каждый бархан. В широком русле Ихэ-гола еще текла оставшаяся от последнего паводка небольшая вода. Благополучно перебравшись через русло — в нем бывают топкие места, мы подъехали к знакомым юртам. Тут уже слышали о моем приезде и встретили как старого знакомого. Самого Ерольты не было дома. Пока я пил чай, в юрту зашел один чахар, служивший в европейской экспедиции. От него я узнал, что в числе европейцев находится г. Франц Ларсен, бывший ургинский коммерсант. Поговорив, мы собрались и поехали к лагерю экспедиции. Дорога шла вверх по реке, ее левым берегом. Версты через 2 мы увидели большое стадо экспедиционных верблюдов, находившихся в очень плохом состоянии. Наконец, поднявшись на небольшой бархан, мы увидели и весь лагерь, расположенный на самом берегу Ихэ-гола в роще тоораев. Над лагерем реял шведский флаг. Везде сновал народ, из майханов и юрт образовался целый поселок. Я прошел к Ларсену и отрекомендовался ему как сотрудник учкома. Начальником экспедиции оказался д-р Свен Гедин. Он скоро вышел ко мне и пригласил к завтраку. Завтрак на открытом воздухе за общим столом. Я познакомился со всеми сотрудниками Гедина. Среди них были шведы, немцы, датчане и китайцы. Общий разговор велся на немецком языке. Д-р Гедин пригласил меня с женой на следующий день к прощальному завтраку.

7 ноября — десятилетие Октября. Мы выехали к Ихэ-голу как раз напротив лагеря экспедиции. Жужжал киносъемочный аппарат. Нас встретил д-р Гедин и провел в свою юрту, где долго беседовали. Разговор велся по-русски, т. к. Гедин хорошо им владеет. После завтрака д-р показал нам метеорологическую станцию, которая должна была проработать на Эдзине не менее года. Д-ру Гуммелю я рассказал о фауне западной Гоби. Жене мою занимал сам Гедин. Перед закатом, провожаемые всем составом экспедиции, мы уехали домой.

Экспедиция эта называется китайско-шведской и организована на датские и немецкие деньги. Народу до

80 человек. Экспедиция идет на 300 верблюдах. Маршрут ее до Эдзин-гола пролегал по Центральной Гоби (Баотоу, долина Гойцзо, Боро-Цончжи, Хара-Хото — Эдзин-гол). По-видимому, главное внимание экспедиции, помимо съемки, обращено на метеорологию. Обставлена экспедиция богато. Стол прекрасный. Масса прислуги. Сам Гедин жил довольно скромно. В его юрте я не заметил ничего лишнего. Едет он, несмотря на свой преклонный возраст, на верблюде, на вьюке. О Козлове Гедин отзывался очень тепло.

8 ноября 1927 г. мы с женой совершили поездку в Хара-Хото. Дорога к мертвому городу была мне хорошо известна, и в проводнике я не нуждался. Сразу же за руслом Онцин-гола началась пустыня, здесь очень своеобразная. Галечные площади сменяются густо заросшими тамариском песчаными барханами, глинистыми площадками с остатками прежней плодородной почвы хара-хотийских пашен. Кое-где в барханах видны корявые тоораи. По дороге попадаются остатки построек, субурганы, следы оросительных канав, на пустынной гальке валяются черепки, иногда можно найти монету, кое-где видны гранитные молотильные валы и жернова. Наконец за одним из поворотов открывается широкая, поросшая редким саксаулом равнина. За ней тянется гряда сыпучих песков, кое-где поросших тамариском, а за грядой виднеются розовато-желтые стены Хара-Хото, украшенные высоким субурганом на северо-западной угловой башне. Идя по караванной дороге, мы перевалили гряду песков и подъехали к городу с северо-западной стороны. Еще на равнине мы миновали форт Актан-хото и полосу мертвого леса, не одну сотню лет сохнувшего на галечной поверхности пустыни. Для музея я взял из одного субургана образцы цац и собрал характерные образчики хара-хотийской керамики...»

Маленький кусочек страннической жизни неведомого нам путешественника. Даже в этих беглых путевых заметках проступает печальная красота Гоби, ее черных оголенных гор и пустынь.

Нам предстояло прожить в Монголии долгие годы, пройти дорогами Симукова, и все это время мы мечтали написать книгу о людях этой удивительной страны, о дружбе советского и монгольского народов. Мы писа-

ли эту книгу, углубляясь в изучение МНР, но не сразу удалось воплотить замысел в образную форму художественного произведения. Симуков, Тумурбатор, мастер Мешков (он же Зыков)...

Есть прообразы и у других персонажей романа — это монгольские ученые и араты и советские специалисты, с которыми нам приходилось работать в МНР.

Книга написана. Если нам удастся пробудить у юного читателя интерес к Монголии, к ее необозримым пространствам, к ее своеобразной природе, к ее людям, мы будем считать свою задачу выполненной.

Монголия — страна необычайного, и многие тайны ее еще не раскрыты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Открытие, сделанное в кабинете	3
Инцидент на границе	14
Первое апреля	17
Где-то в Южной Гоби	27
Гурбан-Сайхан	46
Котловина пещер	60
Красные камешки Дамдина	82
Каждый ищет свое	89
Праздник «большой воды»	109
Гобийские сюрпризы	141
Когти динозавра	159
Бегство Накамуры и Бадзара	176
Сказки мертвого города	184
На перевале	218
Основной горизонт	225
Мое будущее стало близко, а прошлое — далеко	254
От авторов	261

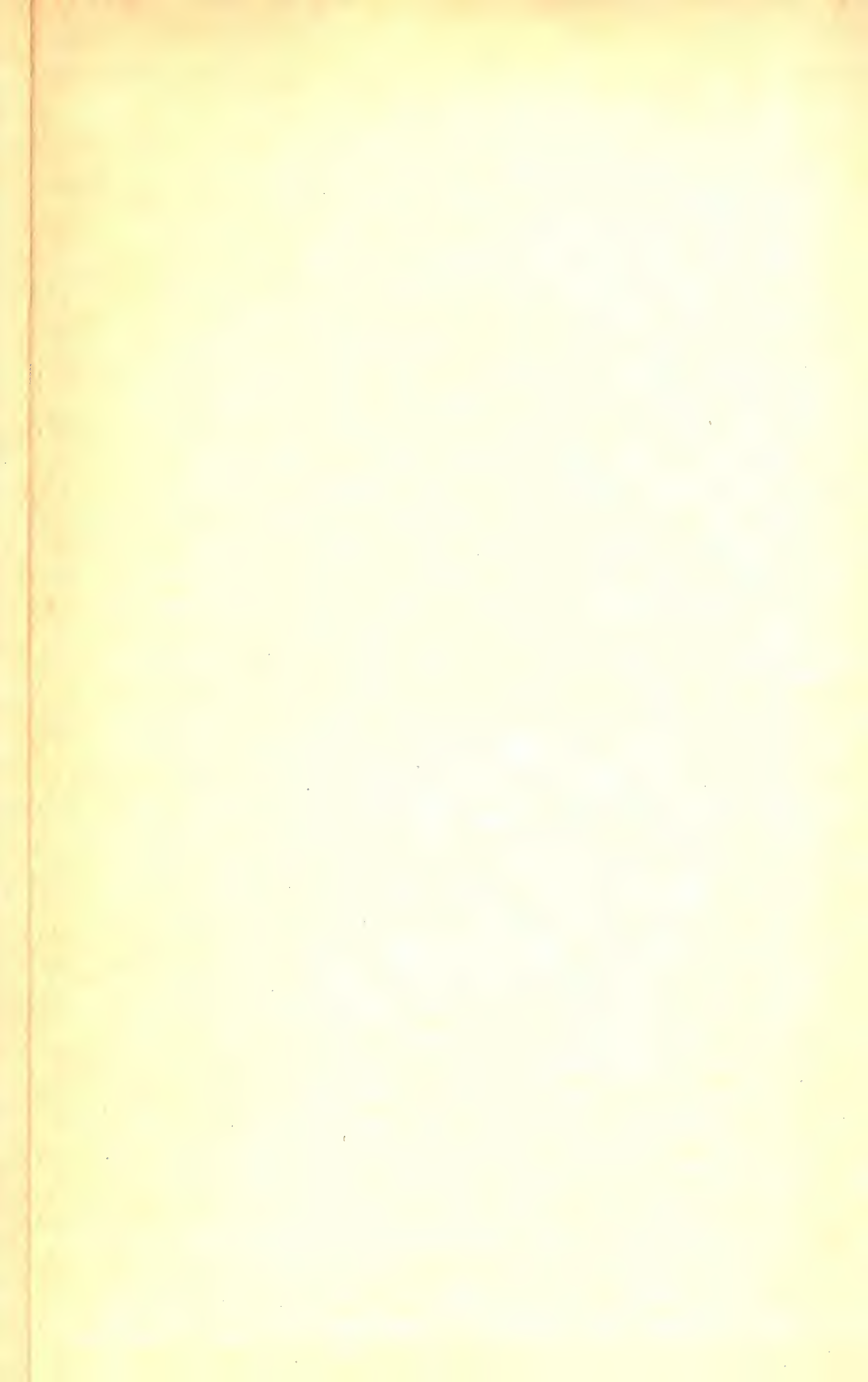

Для старшего возраста

Мария Васильевна Колесникова
Михаил Сергеевич Колесников

ЭКСПЕДИЦИЯ ИДЕТ К ЦЕЛИ

Ответственный редактор В. С. М а л ь т. Художественный редактор Л. Д. Б и р ю к о в. Технический редактор Г. Е. Г а ф т. Корректоры Э. Л. Л о ф е н ф е л ь д и Н. А. С а ф р о н о в а. Сдано в набор 3/XII 1976 г. Подписано к печати 17/V 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,63. Тираж 100 000 экз. А03800. Заказ № 4751. Цена 57 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер. 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 57 коп.

Издательство „Детская литература“

М.Б. КОПИЕ СНИМКА
М.С. КОПИЕ СНИМКА
ВЪНШНИЙ АРХИВЪ
М.Б. КОПИЕ СНИМКА
М.С. КОПИЕ СНИМКА